

ХАНИФ КАРИМ

ИЗДАНИЕ 1

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

УФА 1978

ХАНИФ КАРИМ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СТИХИ И ПОЭМЫ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С БАШКИРСКОГО

БАШКИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА • 1970

С (Башк.)

К 23

ВЕРНОСТЬ ПЕРВОМУ ЧУВСТВУ

У каждого поэта есть произведения, которые по праву называются ключевыми. Они представляют собою «ключ» к святой святых поэтической системы. Как увеличительное стекло собирает солнечные лучи, они стягивают воедино тысячи поэтических мыслей, и выраженных открыто, и хранящихся до поры до времени в литературной кладовой. Такой литературно-эстетической декларацией Ханифа Карима можно считать стихотворение «Коммунисты».

О дай, земля, мне мудрости и силы,
Чтоб это слово Солнцем засветилось!

Я проникаюсь светлыми мечтами
И напрягаю до предела память:
Хочу громоподобным и искристым
Возвысить словом
слово — коммунисты.

И пусть эти строки написаны в конце 50-х годов, когда поэт уже более четверти века отшагал по тернистому литературному пути. В них весь Ханиф Карим: романтически восторженный, юношески открытый, и не сомневающийся, «громоподобным» и «искристым» одическим словом встречавший каждый успех страны-подростка, и прошедший сквозь вихревые десятилетия, сквозь военные бури и грозы, сквозь трудности и лишения, которые шли следом за этими бурями, возмужавший, умудренный жизнью, но сохранивший верность первому чувству.

Родившийся в глухом ауле Кигинского района в бедной крестьянской семье, вынужденный с раннего детства содержать себя, поэт Ханиф Карим не мог встретить новую жизнь иначе, как песней ликования. Первое стихотворение Ханифа Карима, молодого башкирского журналиста, было опубликовано в 1930 году в газете «Башкортостан». А через четыре года вышла первая книга стихов «Песня часового», отразившая события и впечатления, связанные со службой поэта в армии. Стихи этих лет, еще далекие от художественного совершенства, не могли не привлекать романтической возвышенностью и чистотой образов, оптимистичностью мировосприятия, твердостью и уверенностью публицистических интонаций. Любимыми образами молодого поэта становятся образ цветка, символизирующий неувядающую радость новой жизни, чувство подлинной свободы, окрыленность юности; образы бури, ветра, солнца, отразившие восторженность первого чувства поэта, его уверенность в завтрашнем дне, радость приобщения к социалистическому строительству.

Подобна юность алому цветку;
Чтоб из нее не вышел пустоцвет,
Не бойся бурь, подставь свое лицо
Порывам ветра этих грозных лет.

Эти строки лучше многих других говорят о романтически активном, жизнедеятельном настроении поэта в 30-е годы.

Лирический голос Ханифа Карима сливается с голосом народа. Поэт выступает от имени всего общества, правда, зачастую растворяя в голосе масс собственную лирическую индивидуальность. «У нас с

тобою кровное родство», — заявляет Ханиф Карим в стихотворении «Одна душа», обращаясь к Родине, —

В печали ты —
С тобой печалюсь вместе, —
Горюют струны сердца моего,
Все горе наше изливая в песне.

Когда ты рада —
Рад с тобой и я,
Начнешь тужить —
И мне не сладко в жизни.

Мне кажется:
Срослась душа моя
С душой страны,
С душой моей Отчизны.

В лирике тридцатых годов у Ханифа Карима, как и у других башкирских поэтов, эмоционально-патетический пафос преобладает над конкретным изображением действительности. Но высокая нравственная требовательность, публицистичность, гражданственность стихов Ханифа Карима зачастую искупали несовершенство формы. Принципиальность же идейной позиции была залогом дальнейших творческих достижений. Сборники Ханифа Карима «Торжество» (1936), «Солнечная страна» (1939) стали заметным явлением башкирской поэзии. Вместе со своими старшими братьями по перу — Сайфи Кудашем («Республика поет», 1938), Булатом Ишемгулом («Родина», 1937) — Ханиф Карим воспевае героик у строительства социализма, политику партии, стремясь своим поэтическим словом «возвысить слово — коммунисты». Поэт осваивает традиции русской и советской гражданской лирики, в особенности — Маяковского, переключаясь с которым в стихах Ханифа Карима совершенно оче-

видна. Эпиграфом к книге «Солнечная страна» Ханиф Карим взял слова Маяковского — «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». А в журнале «Октябрь» (1940, № 4), издававшемся в Уфе, поэт писал: «Нам вовсе недостаточно писать по-маяковски ступенчато, нам нужно творчески освоить живой боевой дух поэзии Маяковского, его традиции».

«Живой боевой дух поэзии Маяковского» сплавляется в творчестве Ханифа Карима с национальными поэтическими традициями, с присущим поэту романтическим отношением к действительности, давая ему возможность «во весь голос» заявить о том новом, что пришло на башкирскую землю. Пафосом осмысления этого нового пронизаны написанные в конце 30-х годов поэмы «Девушки» и «В родном селе». В основе их композиционной структуры лежит принцип антитезы, противопоставления прошлого башкирской деревни и советской нови.

Сорок первый год подвел черту под первым периодом творческой деятельности Ханифа Карима. Двадцать третьего июня 1941 года опубликована «Песня гнева», пронизанная неистребимой верой поэта в победу:

Несокрушима наша мощь,
Свободных победить нельзя.

Заводы, земли, города
У нас никто не отберет.
Клянемся, черная орда
Могилу здесь свою найдет!

Ханиф Карим уходит на фронт добровольцем, воюя с «черной ордой» и штыком, и пером. «Многие годы мы воспевали в своих песнях красоту нашей Родины, любовь к ней, ненависть и готовность к бою

с ее врагами, — обращался к собратьям по перу Ханиф Карим. — Пришел день, когда нужно претворить в дела наши клятвы, воспетые нами в песнях». Лирика Ханифа Карима военных лет по-прежнему сохраняет романтическую масштабность образов, витийственность, «громоподобность», но одновременно становится более конкретной, вещественной. Стихотворения «Я верю», «Перед атакой», «Ржевский лес» и некоторые другие вошли в золотой фонд башкирской фронтовой поэзии. В них появляются новые качества — не только стремление к батальной конкретности, но и не свойственный раннему Кариму психологизм. Лирический голос поэта становится более раздумчивым, медитативным, что, несомненно, расширило интонационно-стилевой диапазон поэзии Ханифа Карима и вывело его на новые творческие рубежи. Лирика Карима фронтовых лет, как отмечалось в критике, «сильна тонкостью авторского мировосприятия и мудрым спокойствием».

Поэт остается верен своему первому чувству и в послевоенные годы. Основными темами его творчества становятся темы войны и мирного строительства, которые трудно поддаются механическому расчленению. Победа советского народа, успехи в строительстве мирной жизни с новой силой всколыхнули одическую настроенность Ханифа Карима. В своеобразной поэтической декларации — стихотворении «Тебе мой каждый вздох...» — Ханиф Карим провозглашает свое эстетическое кредо:

Живег в моей душе стремление одно.
Отечеству служи! — диктует мне оно --
И песню пой свою о громе славных лет,
Глашатаем побед — вот кем ты будь, поэт!

Пой радость, что звенит, летя над всей страной,
И чем живет народ — об этом ты и пой...

Вот для чего, друзья, поэзии огнем
Охваченный, горю и ночью я и днем!

И все, в чем поклялся, исполню честно я.
Тебе мой каждый вздох, о Родина моя!

Лирическое «я» Ханифа Карима становится носителем коллективного, народного начала. Почти всегда оно выступает в монументально-торжественном плане. Мир воспринимается Ханифом Каримом в ярких, солнечных, мажорных тонах.

Эта устойчивость, цельность эстетических принципов Ханифа Карима весьма показательна для него. Вошедший в литературу в тридцатые годы, поэт навсегда сохранил в своей душе настрой той эпохи ...

Разумеется, можно спорить об эстетической перспективности избранного Каримом поэтического курса. Но наличие своеобразного лирического стиля у него, думается, бесспорно.

Известный башкирский поэт Ханиф Карим не только лирик, но и эпик. Это особенно заметно в поэмах «Светлая звезда» (1948—1949), «Золотой колос» (1950—1951), «Любовь Танхылу» (1955—1958). В драматических ситуациях поэмы «Светлая звезда» Ханиф Карим раскрывает идею братской фронтовой дружбы джигита Билала и русского парня Вадима. Широкое использование народно-поэтических образов, символики придают поэме художественную убедительность и национальную самобытность.

Поэмы «Золотой колос» и «Любовь Танхылу» близки по идейной направленности. Они решают характерные для пятидесятых годов противоречия между общественным долгом и чувством личного. Воплощением

эстетического идеала Ханифа Карима становятся Райса Булатова («Золотой колос») и Танхылу, сумевшие преодолеть минутную слабость встать над мещанскими предрассудками, над грузом сугубо личных стремлений и целиком отдаться большому общественному делу. Не все в этих поэмах равноценно. Время наложило на них отпечаток описательности, облегченности в решении конфликтов, статичности в изображении некоторых персонажей. Но важно то, что от регистрации внешних перемен в башкирской деревне, характерной для ранних поэм Ханифа Карима, он перешел к уяснению духовной, психологической нови советского человека.

Творчество Ханифа Карима шестидесятых годов верно идеалам молодости, верно первому чувству поэта, с которым входил он в гущу новой, еще не изведанной жизни.

А верность — источник творчества...

В и т а л и й С м и р н о в,
кандидат филологических наук

РЕЧУШКА ВАР

*Речушка Вар — от мишистых скал
Сквозь заросли ольхи,
Не ждет, чтоб я ее искал —
Сама бежит в стихи.*

*Над ней тумана легкий пар
И пены белой снег.
Кто видел раз речушку Вар, —
Не позабудет век.*

*Ее луга, ее сады
И трепет ветерка.
Медовый вкус ее воды
Не сходит с языка.*

*Я пил ту воду в летний жар,
Измаясь вдалеке.
И вот звенит речушка Вар
Струей в моей строке.*

*Она совсем мала на вид,
Но я ее пою.
В большую Волгу Вар струит
Холодную струю.*

1955

СТИХИ

ИДЯ НА ПОСТ

Зачем нам жить, коль юности цветы
Не отдадим борьбе мы до конца?
Каким огнем свои сердца зажжем
И будут ли тогда гореть сердца?

С широких нив, из заводских цехов
Мы, армия, в твои ряды пришли.
Нас тысячи, готовых встать на пост —
Хранить покой своей родной земли,

Все встретились, как давние друзья,
Плечо к плечу прошедшие поход,
И комбайнеру крепко сталевар,
Как старому знакомцу, руку жмет

Как много чувств, как горячи слова,
Улыбка дружбы на устах у всех,
И наша песня — слезы для врагов,
Им спать мешает наш веселый смех.

Борьба кипит... Призывный братский клич
Доносит ветер к нам издалека.
Сомкнув ряды, мы поклялись в строю:
Не выпустит оружия рука!

Подобна юность алому цветку;
Чтоб из нее не вышел пустоцвет,
Не бойся бурь, подставь свое лицо
Порывам ветра этих грозных лет.

1932

* * *

Желтеет лес. Быть может, кто-нибудь
Встречает осень грустью праздной,
А наше племя продолжает путь,
И близится победы праздник.

Цветы пылают на лугах весной,
И осень светится плодами,
А наши дни, в мороз, и в дождь, и в зной,
Всегда цветут, не увядая.

С дыханием могучих наших лет
Слилось мое, твоё дыханье.
По всей Отчизне семена побед
Взошли, цветут, благоухая.

Напрасно кто-то загрустил сейчас,
Что листья обрывает ветер.
Напрасно! Осень не страшна для нас,
Победы праздник песней встретим!

1933

* * *

Юность не вернется, если
я даже сбрую бороду и усы.

Листики календарные облетят.
И если мы обернемся,
Как в зеркало, в прошлое кинем взгляд,
То прошлому улыбнемся.

И скажет один: «Мне тринадцать лет,
Ношу еще галстук красный»,
Другой: «Мне двадцать...», а третий сед,
Но прожил он не напрасно.

Меня сединой одарят года,
Мелькая и пролетая,
И внуки меня назовут тогда
Своим седым «олатаем»¹,

Но старость грядущая не страшна,
И думать о ней не будем.
Ведь долгая молодость суждена
Свободным и новым людям.

1935

¹ Дедом.

НАША ЗВЕЗДА

Когда в океане спускается ночь
Вдали от надежной земли,
Ведут капитаны в назначенный порт
По звездам свои корабли.

Народы сквозь бурю, сквозь пламя боев,
С великой отвагой в груди
Идут к берегам Коммунизма, идут,
И Ленин идет впереди!

1935

ОДНА ДУША

Эпроновцы!

Из моря выходя,

Смеетесь вы, —

Стихию победили, —

На свет из тьмы подводной выводя

Еще один корабль,

Дремавший в иле.

И с вами вместе

Радуюсь и я,

К вам всей своею жизнью приобщенный.

Не сирота я, Родина моя,

Твой сын родной,

Тобой в борьбе возвращенный.

У нас с тобою кровное родство.

В печали ты —

С тобой печалюсь вместе, —

Горюют струны сердца моего,

Все горе наше изливая в песне.

Когда ты рада —

Рад с тобой и я,

Начнешь тужить —

И мне не сладко в жизни.

Мне кажется:

Срослась душа моя

С душой страны,

С душой моей Отчины.

1936

Я ЛЮБЛЮ НАШ РОДИМЫЙ КРАЙ

Я люблю наш родимый край
За безмежных полей привет,
Я люблю наш родимый край
За сиянье солнечных лет.

Я люблю наш родимый край,
Где так много всегда тепла,
Где в саду торжествует май,
Где и юность моя цвела.

Я люблю наш родимый край,
От зари тружусь до зари.
Скажет Родина: — Жизнь отдай!
Я отвечу: — Готов... Бери!..

1938

* * *

Навстречу жизни — сердце ты открой,
Навстречу ветру — окна распахни!
Гони печаль об уходящих днях,
Как бы прекрасны ни были они!

Жить, неустанно двигаясь вперед,
В душе заветы светлые храня!..
Тот счастлив, кто в сегодняшнем труде
Сиянье видит завтрашнего дня.

1939

ЖЕЛАНИЕ

Я песни пою о солнце,
Влюблен в него с юных лет.
Возможно ль, чтоб, солнцем любуясь,
Его не воспел поэт?

Не угасающий вечно,
Сияющий луч золотой,
О как я хочу мои строки
Наполнить твоей теплотой!

1940

ПЕСНЯ ГНЕВА

Не весть, а громовой удар:
Война обрушилась на нас.
Огнем объаты города,
И кровь на землю пролилась.

Но словно буря, гнев страны.
И в сердце верных сыновей
Пылает к Родине любовь
В годину бед еще сильней.

Народа гнев весь мир потряс,
Он — посвист пуль над головой,
Он — беспощаден, как клинок,
Он — танков двинувшийся строй.

И как грохочущий снаряд,
Взорвался гнев, врагов разя.
Несокрушима наша мощь,
Свободных победить нельзя.

Заводы, земли, города
У нас никто не отберет.
Клянемся: черная орда
Могилу здесь свою найдет.

22. VI. 1941 г.

РАССВЕТ НАД ПОЛЕМ БОЯ

Над степью ночь плывет меж туч
На черных парусах,
Но справа — луч и слева — луч
Ложится на леса.

Такая ночь врагу страшна,
Слепит огонь ракет.
Врагу сегодня не до сна,
Ему покоя нет.

Мы видели таких ночей
Не десять и не сто,
И наш порыв — еще сильней,
Не сломит нас ничто.

Мы знаем — близок час, когда
В такой же грозной мгле
Победы яркая звезда
Откроется земле.

Но в этот темный час ночной,
В тревожный этот час
Страну оберегает твой
Отец иль брат — средь нас.

В халатах снежных мы идем,
Еще, еще — нажим!
Тебе, страна, наш отчий дом,
Мы все принадлежим.

Я ВЕРЮ

В день сорок раз сдыхает трус,
Герой — и мертвый жив!
Уж лучше смерть, чем сдаться в плен,
Оружие сложив!

Я не напрасно кровь пролью —
Погибну я, храня
Отчизну милую мою,
Взрастившую меня.

Где кровь пролью, там расцветет
Подсолнух в летний зной,
Пшеничный колос золотой
Созреет надо мной.

Пусть, где моя прольется кровь,
Березка шелестит,
Пусть в кружевной ее тени
Прохожий посидит.

Пусть отдохнет. А семена
Березы на ветру
Рассеются по всей стране,
И в них я не умру.

1942

ПЕРЕД АТАКОЙ

К стене окопа прислонясь,
На сумке полевой
О чем он пишет, торопясь,
В письме с передовой?

Что строчки ровные таят
И ведомо кому,
Каких заветных мыслей клад
Доверен был письму?

Всего в письме не перечесть,
Всех дум не рассказать,
И кто получит с фронта весть:
Невеста или мать?

Быть может, мысль его была
Отсюда далека,—
Там, где черемуха бела,
Как в мае облака.

Там, где седой Урал встает,
Скалисты склоны гор,
И птиц стремителен полет
Ветрам наперекор.

Зажглась заката полоса,
Пал вечер с вышины.
Быть может, вспомнил он глаза
Любимой Амины,

Тумана теплого покров,
Укрывший бивни скал,
И то, как самых нужных слов
Он милой не сказал.

Что вспомнил ты сейчас, солдат?
Не дом ли свой родной?..
Вдруг в тишине завыл снаряд
И грянул залп глухой.

Письмо он другу отдает,
Гранату в руки взял,
И он туда сейчас пойдет,
Где землю рвет металл.

А этот маленький листок,
Товарищ, сбереги.
Здесь грозный счет,
настанет срок —
Заплатят нам враги.

Здесь клятва верная бойца,
Биенье сердца здесь:
«Клянусь сражаться до конца,
Покуда силы есть».

1942

СЕРДЦУ МИЛАЯ РЕКА

Перед Волгою-рекою
Крепко бились мы с врагом.
Пот со лба стерев рукою,
Огляделся я кругом.

Я стоял в простой шинели
С автоматом на груди,—
Взгорья, села, сосны, ели
Впереди и позади.

Я стоял, глядел на Волгу,—
Там, вскипая, волны шли,
Слышал я сквозь ветер волглый
Голоса родной земли.

В них звучали женщин стоны,
Плач измученных детей,
Счастье сел освобожденных,
Радость Родины моей.

Сколько в этих водах чистых
Материнских горьких слез!
Здесь, как мор, прошли фашисты,
Каждый гнет и гибель нес.

Край приволжский, незнакомый,
До чего ты близок мне!
Так и чудится: я дома,
Там, в башкирской стороне.

Нет, родился я далече,
Жил и рос в другом краю,
И другие слышал речи,
И другую пил струю.

Почему ж сосна любая
Здесь душе моей мила,
И, приветно улыбаясь,
Волга в жизнь мою вошла?

Потому ль, что в струях этих
Агидели вижу свет?
Что такой же веял ветер
Над раздольем юных лет?

Что некрасовское слово
И в Башкирию пришло?
Что в семье советской, новой,
С братом русским нам светло?

Что в груди я пламень грозный
Берегу на страх врагу?
Что такие ж ели, сосны,
Как на волжском берегу,
На моем растут Урале,
Над моей родной рекой?
Что мечты башкира стали
Братской песней дорогой?

Волга, ты святое знамя
Нашей дружбы на века!
За тебя всю кровь отдам я,
Сердцу милая река!

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Песнь эта рождена в огне,
Омыта кровью алой.
Сильней, чем в бурю по весне,
Земля тогда дрожала.

Песнь эта — ратной славы дочь.
Орду мы вражью гнали.
Стволы орудий день и ночь
Тогда не остывали.

Сталь закаляется огнем.
Будь, песня, верной бою!
Стань, словно сталь,
И будь с бойцом
Горячею, живою!

1942

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Я вдали, любимая моя,
С опозданием письма получаешь.
Оттого, что вдаль шагаю я,
С радостью, наверно, их читаешь.

Солнышко далекое — теплей,
Если гость — приветствуешь с порога.
Гостем бы меня к любви моей
Привела хотя б на миг дорога!

Нынче руки крепкие мои
Держат смертоносное оружие.
Ненависти полон и любви,
Выстою назло любой я стуже.

Не покинет ненависть меня,
Хоть бы и упал я в буре ратной.
На закате гибельного дня
Имя повторю твое стократно...

Не погасла б, — нет! — любовь моя,
Даже если б солнце меркнуть стало.
Не отдам врагу вовеки я
Землю ту, что кровь мою впитала!

1942.

ИЗ БЛОКНОТА

Не радуга ль, гляди, легла на светлый луг?
Нет, то сплелись в ковер весенние цветы!..
Остерегись ступать на нашу землю, враг,
Неся с собою смерть,
Знай, сам погибнешь ты.

1943

* * *

Ты не пиши, родная, грустных строк,
Унынием не отягчай разлуку,
Издалека в дым боевых дорог
Ты протяни мне ласковую руку.

Любовь твоя пусть прилетит ко мне,
Чтоб сердце грела и в пути светила.
Пусть ночью встанет солнцем в вышине,
Пусть станет бодростью моей и силой.

1943

БАЛЛАДА О САЛАВАТЕ

Построен бронепоезд
имени Салавата Юлаева.
Из газет

I

Он, видно, песен всех своих не спел,
Не отомстил за все...
И час настал:
Юлая сын, как прежде, горд и смел!—
Из тишины истории
Он встал.

Он встал из скал,
Из поднебесных скал,—
На них орлы Урала
Гнезда вьют.
Сегодня бронепоездом он стал,
Пошел туда,
Где вражью свору бьют.

II

Мы видели
При ясном свете дня,
Как по Уфе
Прошел степенно он,
Как оседлал
Горячего коня
И вдаль помчал,—
Народом окрылен.

Мы видели,
Как вдоль реки своей
Он с нами шел,
Чеканя твердый шаг.
Рожденных для сраженья сыновей
Он провожал,
Держа свободы стяг.

Мы видели:
Он, окрылен и лих,
Размахивая пламенем клинка,
Врага с плеча
Крушил в степях донских,—
Он, «как стада бараньи, гнал врага...»¹

III

Народа сказ —
Крылат,—
Он песни брат.
Сор клеветы к батыру не пристал:
Бессмертный,
 вдохновенный Салават!—
Сегодня бронепоездом он стал.

1943. Фронт

¹ Слова из народной песни о Салавате.

Я ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ

Я жизнь люблю, как мать дитя свое
Единственное.
Сердце у меня
Стучит безостановочно в груди,
Исполненное силы и огня.
Я жизнь люблю —
Любой клочок земли,
Лазоревый бездонный небосклон,
И малый камушек,
И каждый куст.
Весь край родной
В душе отображен.
Не в силах оторвать я жадных глаз
От рек, лесов,
Раздолье полюбя.
Отчизна, ты — мой воздух,
Не могу
Существовать и мига без тебя!
Люблю я нивы золотой прибой,
Скалистые морские берега,
И глушь таежную, где до сих пор
И не ступала путника нога,
Где слышно лишь, как царь лесов — медведь
Рвет с ревом зарослей дремучих сеть...
Всему приходит на земле черед:
— Здесь будет город! — молвил мой народ...
Мне любви: гор вершины в клочьях туч,
Степей безбрежность — ей предела нет!—

Туманов сизо-голубой шатер,
Грядущих дней неугасимый свет,
Девичьих глаз задумчивая синь,
Зеленый бархат елей в час, когда
Гуляют злые вьюги и в окно
Уральские стучатся холода.
Как в стужу камни крепкие трещат!
Как буйно реки по весне текут!
Благословляю жизни смелый бег,
И легкий шаг стремительных минут!
Все любо мне:
Природы первый вздох,
И мыслей взлет, и звонкий голос струн,
И монумент творцу людских побед,
И доменщиком созданный чугуун,
И обожженный мастером кирпич,
И нашей черной нефти зеркала,
И песенка пастушеская мне
И музыка Чайковского мила.
Мне дорог дружбы неподкупный взгляд,
Его сверкающая чистота,
Любовь — прозрачней горного ключа,
Душа, что светом счастья залита.
Содружество народов — океан,
Где сходятся десятки сильных рек...
Еще в одном признаться в песне рад:
Мне дорог настоящий человек!

Я пуще жизни берегу свой край,
Страну свободы сердцем любя:
Отчизна, ты — мой воздух, не могу
Существовать и мига без тебя!

НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ БЫЛО СЕЛО

Здесь прежде было шумное село,
Немолчный говор радостью жил,
И человек, не только у себя в дому,
Но и везде хозяином был.

Стирая пот с довольного лица,
День провожал, им прожитый не зря,
И возвращался в дом и утра ждал,
И счастье вновь несла ему заря.

От смуглых вишен глаз не отвести,
И белые березки по всему,—
По стройности и красоте своей,—
Напоминали девушек ему.

Подсолнуха и мака лепестки
Колеблются,— не лепестки — огонь!
Спадет жара, и на лужок подруг
Заманивает песнями гармонь.

Здесь прежде было шумное село,
А ныне только ветер да зола;
Солдат на уголь наступил ногой,
И горечь в душу воина вошла.

Идет солдат, идет в поту, в пыли
И скорбь и гнев испепелили рот.
Не горсть земли, не голубой цветок —
Он уголь в руки бережно берет.

Садится солнце. В пламени закат.
Солдата скрыл дороги поворот.
Жжет уголь руки. Уголь черный жжет.
Вперед на Запад! Воины, вперед!

1944

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

Из Днепра я каской воду пил,—
С берега, где стыл
Песок горелый.
Вкус у той воды таким же был,
Как и у воды из нашей Белой.

Чтоб домой вернуться из огня,
Шел я с боем в огненные дали...
Ивы и сады мои
Меня
В этот путь суровый провожали.

Мне сказал мой край, шумя листвою,
Чтоб с победой я вернулся с фронта...
В бой спешил я, видя пред собой
В час вечерний
Пламя горизонта.

1944

ГОРЕ

(По получении известия о героической гибели брата Загира на фронте Великой Отечественной войны)

Если к сердцу я это письмо приложу,—
Запылает оно в тот же миг.
В первый раз непреклонной своей головой
Я под бременем горя поник.

Дни текли, но тяжелое горе мое
И терзало, и мучило грудь.
И напрасно мне внутренний голос твердил:
«Не печалься, мужчиною будь!»

И напрасно я спрашивал у друзей:
«Можно ль сжечь мое горе в огне?»
«В целом свете такого обычая нет»,—
Отвечали друзья мои мне.

«А могу ли я горе в реке утопить?»—
Я спросил у друзей. И друзья
С бесконечною лаской ответили мне:
«Утопить твое горе — нельзя».

«Ну, а в землю сырую поглубже зарыть
Или в пропасть забросить на дно...»
«Чтоб избыть свое горе,— сказали друзья,—
Есть великое средство одно:

Ты народным мстителем будь, и врага
Истребляй в беспощадном бою,
Тяжким горем и ненавистью зарядив
Боевую винтовку свою!...»

1944

СРЕДИ ЦВЕТОВ

Я видел сон: с тобой вдвоем
Мы встретились в местах знакомых:
Резвимся, бегаем, поем
И прячемся в цвету черемух.

То, словно чайки в сиңеве,
Мы мчимся над волной Идели,
То — золотые рыбки две —
Подводным миром овладели.

Неизмеримой глубиной
Любви и радости объаты,
Порхаем мы в листве лесной,
И беззаботны и крылаты.

Цветок пестрей, чем мотылек,
В объятья наши сам принесся,
И ветер вплел другой цветок
В твою распущенную косу.

Я видел сон. У наших ног
Плясали травы знойным летом,
Вошли мы в свадебный чертог
С благоухающим букетом...

И, грозным громом пробужден,
Увидел я — снаряды рвутся.
О жизнь, прекрасная, как сон,
Как я хочу к тебе вернуться!

1944

ДОРОГА СОЛДАТА

Прохладой хорошо бы подышать
В густом бору, улегшись на траве,
До звезд считать бы звонкое «ку-ку»,
Взор устремив к вершинам в синеве.

Прижав к губам душицы стебелек,
Что отгоняет прочь недуг любой,
Вдруг озеро бы встретить в лунный час —
Все в дымке серебристо-голубой.

Травинка каждая зовет: «Присядь»,
И просит каждый куст: «Со мной побудь».
Но отдыхать солдату недосуг,
Пред ним пылится дальний, трудный путь.

Чтоб радость жизни и красу земли
Не осквернил, не погубил бандит,
Солдат идет под пули и на штык,
В одном со смертью блиндаже сидит.

Разведку он ведет в слепую ночь,
Гранатами взрывает мощный дот,
С врагом сойдясь в атаке лобовой,
Его без промаха прикладом бьет.

Рукой погладив грозный автомат
И к Западу лицом суровым встав,
Солдат идет в набухших сапогах,
Идет вперед, в своем возмездье прав.

* * *

Свежий ветер ласкает меня,
Где-то снова поют соловьи...
Пробегают по сердцу огонь,
Где вы, карие очи мои?

Славя солнце встающего дня,
Птицы пробуют голос в тиши.
Я тоскую, краса, по тебе,
Где ты, радость моей души?

Вот и солнце за горы ушло,
И туманы встают над рекой,
Но сквозь даль и вечернюю мглу
Вижу облик я твой дорогой.

И, быть может, любовью твоей
Мечь моя и пылает огнем,—
Чем я больше грущу по тебе,
Беспощаднее тем я с врагом.

1945

МОЕЙ РЕСПУБЛИКЕ

Республика моя!
Ты — свет в очах,
Твои заветы нерушимы:
Ты — колыбель моя,
Ты — мой очаг,
Ты — жизнь моя, мой мир любимый.

Здесь юность краткая моя прошла,
Так поздно, поздно расцветая,
Здесь мальчика впервые потрясла
Пастушеская песнь простая.

Как талисман, я горсть твоей земли,
Прощаясь, не надел на шею,
Но образ твой, от рек твоих вдали,
В сыновнем сердце я лелею.

Закрыв глаза, я вижу ввечеру,
Твои поля, цветы в дубраве,
И Агидель, подобно серебру,
Текущей в каменной оправе.

Товарищей я вижу в этот миг,
Учительницу на уроке,
На полках — корешки любимых книг,
И сельской школы зал широкий.

Я вижу отчий дом, старуху-мать,
Черты картины величавой,

Которую так сладко называть
Родной страной, родной державой.

Республика моя!
Я ел твой хлеб,
Я пил живую воду,
Солдат, защитник я твоих судеб,
И всем обязан я народу.

Республика моя!
В чужой стране
Объят я думами твоими,
И, как влюбленный, я шепчу во сне
Твое живительное имя.

Закрыв глаза, я, мнится, вижу вновь
Твой каждый лист и каждый колос...
Бессмертна ты, как первая любовь,
Как первой песни чистый голос.

1945
Восточная Пруссия

БАТЫРАМ СЛАВА

Победителям над Японией

О вдохновенье, пламенем согрей
Песнь о батырах Родины моей.

Пусть долетит в далекий край привет,
Героям, песня, передай привет.

Я слышу дробный, непрерывный гром,
То конница летит на бой с врагом.

Вперед, в атаку! За родной народ!
Свинцовый дождь обрушил пулемет.

Скрежешут танки, громыхает бронь,
По самураям полк ведет огонь.

Бесстрашным львам в бою преграды нет,
Батыров храбрость изумляет свет.

Отважных духом, песнь моя, прославь,
Через Амур они пускались вплавь.

Их кровь пылает, как огонь зари
На берегах суровой Сунгари.

Бойцы штурмуют грозовой Хинган.
Эскадра наша вышла в океан.

Курс на Восток! В тумане, там едва
Курильские мерцают острова.

И Южный Сахалин освобожден...
Враг на колени пал, он побежден.

О песнь моя, вздымайся к облакам,
Орлам могучим передай салям.

Им страх неведом, смерть им не страшна,
О них легенды создает страна.

Ключи от счастья держим мы в руках,
Победы нашей гордо реет стяг.

Была победа наша не легка,
Батыров слава озарит века!

1945

ПОДАРОК НОВОБРАЧНЫМ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

(Экспромт)

Друзья, вы ждали к свадьбе от поэта
Благоуханных лилий и гвоздик.
Но где цветов достану для букета —
Февраль — и сад под выюгами поник.

Взамен примите дар мой сокровенный,
Простую песню, равную цветку.
Она согрета дружбою священной,
Писал я сердцем каждую строку.

И в ней звучат благие пожеланья,
Как солнце ясных, беспечальных лет.
Прекраснее цветов благоуханья
Неомраченной юности рассвет.

1946

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

Таится в камне трещина давно.
Ручей, звеня, точил ее веками —
Не камень сердце, и уязвлено
Оно твоими жгучими слезами.

1946

НЕ ГРУСТИ

Цветок увял — и ты грустишь?
Не надо, не грусти —
Ведь нашей юности цветам
Вовек не отцвести!

Зерно, сорвавшись на ветру
С высокого стебля,
Падет в объятия земли —
Взрастит его земля!

Вот скоро осень... Не грусти —
Уж так оно идет,
Да будет лета твоего
Великолепен плод!

1946

ТЕБЕ МОЙ КАЖДЫЙ ВЗДОХ

Хоть не было певцов в роду моем, но я
Пылающей рукой к перу тянусь, друзья!

Не в силах я уснуть, покуда за окном
Не растворится ночь в сиянии дневном,

Как будто бы в ночах я сердце сжечь хочу,
Как драгоценную последнюю свечу,

Без жалости к себе и вовсе не боясь,
Чтоб раз и навсегда светильник мой погас.

Из глубины души я пламень чувств достал
И лью его в стихи, как блещущий металл.

Зачем? Наживы жду? За славою гонюсь?
Иль сердцу моему так сладок лепет муз?

Но кто же из стихов сколотит капитал?
И золото ища, не всяк богатым стал.

Нет, призрачная мне известность не нужна,
Кому златой дворец воздвигла бы она?

Живет в моей душе стремление одно.
Отечеству служи! — диктует мне оно—

И песню пой свою о громе славных лет,
Глашатаем побед — вот кем ты будь, поэт!

Пой радость, что звенит, летя над всей страной,
И чем живет народ — об этом ты и пой...

Вот для чего, друзья, поэзии огнем
Охваченный, горю и ночью я и днем!

И все, в чем поклялся, исполню честно я.
Тебе мой каждый вздох, о Родина моя!

1946

ДУМЫ О БРАТСТВЕ

Я сын семьи великой.
Хочу вас всех обнять я,
Все сыновья Отчизны —
Мои родные братья.

Но не смогу, быть может,
Подробно описать я,
В каком краю далеком
Живут иные братья.

Они — в Москве, в Приморье,
И за седым Кавказом,
И на степном просторе,
Чью даль не смеришь глазом.

Тот — близко, тот — далеко,
И всех не смог бы счесть я,
Один — на милой Волге,
Другой — в лесах Полесья,

Одни — в горах Карпатских,
Другие — за Байкалом,
Сыны бессмертной славы
Под милым стягом алым.

Те славные герои,
Что льют лавину стали,
И те, кто золотое
Зерно в полях собрали

И толщу пробурили,
Чтоб была кровь земная.
Их разумом и силой
Гордись, земля родная!

Везде в стране родимой
Огонь труда пылает,
Огнем большого счастья
Любой очаг сияет.

У всех свое наречье —
У всех одно желанье.
Хоть непохожи речи —
В сердцах одно пыланье!

Не счесть родных мне братьев —
Семья у нас большая,
Но самым старшим братом
Я русского считаю.

Когда на путь борьбы я
Вступил в порыве гневном,
Он спутником в дороге
Был самым задушевым.

Терпением, умением,
Умом своим горячим
Идти к вершинам славы
Помог он братьям младшим.

Во имя светлой цели
Родных он собирает,
Своим крылом надежно
От бурь их прикрывает.

Чтоб степняки и горцы
И вся семья родная
На свете жили вольно
И рабства мук не зная.

Из тьмы, с тропинки узкой
На путь широкий мира
Помог нам выйти русский,
И счастливы башкиры.

Влилось в родную Волгу
Ручьев и речек много —
Слились все наши тропы
В просторную дорогу!

Трудясь, мы побеждали,
И взяли верх в бою мы.
И с нашим старшим братом
Спасли страну свою мы!

Не счесть моих родных мне!
Спокоен за судьбу я:
Содружество народов
Рать отразит любую!

1947

ВДАЛЕКЕ — УФА РОДНАЯ

... Где Уфа?..
Где Уфа?..
Из народной песни

Вдалеке — Уфа родная,
Агидель — река моя...
Им оставил, уезжая,
Половину сердца я.

Сколько раз я отлучался,
Улетал от вас, крылат!
Сколько раз я возвращался,
Встрече с каждым камнем рад!

Уезжал, не забывая
Стороны родной своей,
Уезжал я, отдавая
Половину сердца ей.

Приезжал — и снова, снова
Теплый взгляд встречал меня,
И звучало дружбы слово,
Грусть, усталость прочь гоня.

Скорби я не предавался
Вдалеке от вас, друзья,
Лишь на время расставался
С половиной сердца я.

1947. Кисловодск

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Ночь в Москве. Снопами свет из окон.
Затихает гулкая земля.
Я в раздумье погружен глубоко,
Слушаю, как бьют часы Кремля.

Я иду по площади московской,
Светом звезд рубиновых гордась...
Не один я по часам кремлевским
Проверяю время в поздний час.

Знаю я, что все народы в мире
Слушают тебя, Москва моя!..
Далеко разносится в эфире
Справедливый голос из Кремля.

1949

ТЕБЕ

Я тебе, дорогая, дарю
Лучших песен моих жемчуга.
Ты сияешь, как юность сама,
Словно сердце, ты мне дорога.

Оттого, что я так далеко,
Пусть не меркнет твой ласковый взгляд!
Я твой образ в душе берегу,
Как заветное счастье хранят.

1950

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Он любит мир,
И никому
Он не желает зла.
Но танк его
Вступил в Берлин,
Когда война была.

Он любит солнце.
Зодчий он.
Добра его рука.
Но час настал —
И человек
Взорвал гнездо врага.

М И Р

Защищает на земле
Советский гражданин.
Трудом возвысил он себя,
Отчизны верный сын.

Он в правоте своей велик,
И смел.
Его не тронь!
Он не позволит
Никому
Разжечь войны огонь.

1950

В ГОРАХ

Люблю бродить в горах родного края.
Как он богат! Здесь я одной ногой
Пласты руды железной попираю,
И самородки золота — другой.

Здесь подо мной уральский мрамор светлый.
Здесь — россыпей рубиновых рудник.
Урал! Твои сокровища несметны,
И даже небо светится от них!

Чуть где в горах я отломаю камень,
Стекает нефти жирная слеза.
А города в низине огоньками
По вечерам так радуют глаза.

А городам-то бѣз году неделя,—
Впервые засверкали их огни,
Но люди в них тем пламенем горели,
Который ночи превращает в дни.

Добытки сокровищ драгоценных,
Сыны труда, они им жизнь дают:
Чугун клокочет в домах,
Сталь — в мартенах,
Цистерны с нефтью все бегут, бегут.

Священный труд! И нет чудес чудесней:
Бегут потоки света и тепла.
И слава наших дел бессмертной песней
Уже в тысячелѣтья перешла.

ПАМЯТНИК

Памятник высокий перед школой,
Дети вокруг него толпой веселой.

У подножья яркие цветы
Самой небывалой красоты.

Дети их садили, поливали,
От грозы и града закрывали.

Тем цветам цвести еще года,
Тем цветам не вянуть никогда.

Памятник из мрамора кому?
И поставлен здесь он почему?

Может, стран далеких покорителю?
Может, войн великих победителю?

Нет, не покоритель — победитель,
Перед школой встал ее строитель.

Здесь стоит, трудами озабочен,
Воин мира, наш простой рабочий.

Тот стоит, кто наше счастье строил
И кого назвал народ героем.

И сказал спасибо потому
И воздвигнул памятник ему.

1951

ЗЕЛЕННЫЕ ВОЛНЫ

Земля родная дышит влагой,
Крылатой радости полна.
День славен трудовой отвагой,
Огнями ночь озарена.

Передо мной хлеба густые
Шумят зеленою волной.
В душе надежды золотые
От этой шири полевой.

Здесь рожь струит свой дух медвяный,
Кипит зеленых волн прибой.
Плывет покой благоуханный,
Земля родная, над тобой!

Здесь вольный труд — хозяин полный,
Наш вдохновенный, жаркий труд,
И оттого так шумно волны
Грядой зеленою бегут!

1951

ВЕСЕННИЙ САД

Солнце наземь
Золотые льет лучи,
Сад на взгорье
Тосковал по ним в ночи.

Одевают
Вишни с яблонями в лад
Свой весенний
Бело-розовый наряд.

Пахнет медом
Этот сад — он весь в цвету.
Труд горячий
День-деньской кипит в саду.

Рук проворство
Превращает землю в пух.
Здесь у веток
От плодов захватит дух!

Тяжкой ношей
Стать плодам здесь для ветвей,
Угощением —
Для хозяев и гостей.

Грудам яблок
На столах у нас алеть,

Жару яблук
На щеках у нас гореть!

Сад весенний!
Он у солнца на виду.
Пусть Отчизна
Станет вся, как сад в цвету!

1951

ПОРТРЕТ НА СКАЛЕ

Среди Уральских гордых гор
Стоит скала.
Своей вершиной в облака
Она ушла.

И зори рдяные плывут,
Над ней лучась.
Горит скала в рассветный час,
В закатный час...

Ширококрылые орлы
Парят над ней,
Река запенилась внизу,
Среди камней.

Сестра Уральских старых гор,
Стоит скала.
Дорога около нее
Кольцом легла.

И ходят люди, что ни день,
Дорогой той.
И каждый путник, подходя
К скале крутой,

Из-под ладони поглядит
На самый верх
Седой горы, что краше всех
И выше всех.

Так чем же путник удивлен?
Чем изумлен?
Быть может, этой крутизне
Дивится он?

Что он увидел над собой,
Взволнован чем?
Какое слово прочитал
Он сердцем всем?

Чье имя ярче и светлей,
Чем солнца свет?
На камне высечен резцом
Вождя портрет.

Встает над Родиной заря,
Парят орлы.
На мой Урал глядит Ильич
С крутой скалы.

На камне высечен портрет —
Здесь,
Над рекой.
Вершину резчик покориł
Своей рукой.

Пусть зной палит,
Пусть ливень льет,
Кружится снег —
Все будет памятник стоять
Из века в век.

Летя, дымятся облака,
Парят орлы,
На мой Урал глядит Ильич
С крутой скалы.

1951

ГОЛОС МОСКВЫ

Позывные Москвы!
Нам повсюду они,
Что ни утро, слышны,
В зной и в ливень, и в снег
Зажигаем ли мы
Новостроек огни,
Или вспять обращаем
Течение рек.

Начинается день.
Снова славит Москва
Всех своих сыновей.
Сколько их у нее!
Снова слышит Держава
Привета слова,
Принимается снова
За дело свое.

От Амура до Белой,
До дальней Невы,
У станков и на пашнях,
В горах и степях
Голос правды гремит,—
Слово нашей Москвы.
Это слово у нас
На устах и в сердцах.

В праздник, утром,
Под небом сквозной синевы

Мы проносим в колоннах
Знамена свои,
И с волнением слушаем
Голос Москвы,
Люди правды,
За мир мы ходили в бои...

...Стыла Волга осенняя
В сорок втором,
И подбитые танки
Сползали во рвы...
Покрывая орудий
Неистовый гром,
Звал гвардейцев на подвиги
Голос Москвы.

Зажигаем ли мы
Новостроек огни,
Для полета ли к звездам
Берем мы разбег —
Слышим голос Москвы.
Этот голос сродни
Всем, кто мир защищает
В суровый наш век.

Голос нашей Москвы!
Справедлив он всегда,
Слышен он пролетариям
В разных краях.
Слово нашей Москвы —
Это слово труда.
Правды слово живет
У народа в сердцах!

1951

САЛЮТ

Бурлит, сверкает торжество ночное,
И, расточая мощь и красоту,
Гремит салют над праздничной Москвою,
Ракеты рассыпает на лету.

Они взлетают, над домами брызнув,
Как пестрый дождь. И громом батарей
Сегодня славит мирная Отчизна
Победный путь своих богатырей.

За залпом — залп... То поступь грозная
Истории самой! И вдалеке
Я вижу:

 встал,
 к победе призывая,
Великий Ленин на броневике.

И словно слышу, как гремит атака,
На штурм дворцов идет рабочий люд,
И полыхает, вырвавшись из мрака,
Огонь «Авроры» — первый наш салют.

Как молния, сверкающий и быстрый,
Густую тьму разя наверняка,
По всей земле разнесся этот выстрел
И озарил грядущие века.

И мир увидел в грозном блеске боя
Ведущий к счастью
Светлый и прямой
Путь, осененный ленинской рукою
И ленинской победною звездой.

1952

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

1

Горем удручен,
Одинок и стар,
Тополь над ручьем
Жаловаться стал.

Он, на свой удел
Сетуя, скрипел:
Прилетевший шквал
Листья оборвал.

Кто-то раз под ним
Свой костер развел,
И окутал дым
Тополиный ствол.

Глупый озорник
Ветку надломил...
Помрачнел старик,—
Свет ему не мил.

2

Тот весенний день
Был счастливым днем:
Вновь помолодел
Тополь над ручьем.

Видит он людей,
Слышит звон лопат.
Вкруг его ветвей
Встал черемух ряд.

В землю быстро врос
Целый лес друзей,—
Молодых берез,
Юных тополей.

А когда весной
Дождь над ним шумел,
Яркою листвою
Лес зазеленел.

И бежит, журча,
Под листвою ручей,
И вода ручья
Сделалась вкусней.

3

В предвечерний час
Шорохом ветвей
Шепчет тополь сказ
О судьбе своей.

1952

ТЕПЛО ЛЕНИНСКИХ РУК

Сын улицы,—

Я рос, я жил на ней,
Как сирота, бездомный и безродный,
И был не хлеб зажат в руке моей,
А камень, запыленный и холодный.

Я от ворот к воротам шел и шел,—

Не отперлись чугунные засовы.

Я стал лицом, как лист осенний, желт...

Я падал.

И вставал.

И падал снова...

Еще бы горше в жизни мне пришлось,

Мне б не было с того пути возврата,

Когда бы правды в мире не нашлось

И рук, что для меня навеки святы!

Рук ленинских,

Отцовских рук тепло

Тогда я и почувствовал впервые:

Оно меня от гибели спасло,

И мне открыло дали заревые.

Мальчишку подобрали с мостовой,

И — прямо в школу,

В дом, где много света.

Сказали так:

«Здесь дом и будет твой.
Расти, учись! Тебе дал Ленин это».

И словом мне,
И делом помогли,—
Мне дали хлеба,
И утерли слезы,
И сердце искрой ленинской зажгли,
И довели до ясных дней сквозь грозы.

В широкий мир
С друзьями вышел я,
Победами прославили мы годы,
И в песнях радость плещется моя,
Как вешние раскованные воды.

Рук ленинских тепло
Я вновь и вновь
С волнением ощущаю жизнью всею.
Ему — моя горячая любовь,
Все лучшее, что в сердце я имею.

Он солнцем стал
В судьбе, в делах моих.
Всегда, во всем и всюду он со мною.
Что — я один?..
Нас множество таких,
Кого повел дорогой он прямою...

* * *

Весенний ветер гладит зябь
И клонит ковыли.
И по воде проходит рябь
Густая издали.

Березы белые кругом
В порыве ветер гнет.
Сейчас ударит первый гром
И молния мелькнет.

Не встану я под тополя,
Пусть хлещет — проливной,
Пойду в весенние поля
С открытой головой.

1954

Я ПРИШЕЛ НА ДЕМУ...

Я стою над Демой, на круче.
Надо мною тополь могучий.

По лучистому лугу иду
И срываю цветы на ходу.

Вижу я в небесах облака,
Их дорога, видать, далека.

Словно дикие гуси, летят
И нигде отдохнуть не хотят.

Принесут они дальней земле
Голубые дожди на крыле.

Я иду. Солнце светит и греет,
Моя молодость здесь не стареет.

Шепчет озеро тайны свои,
И родник признается в любви.

Дарит дерево тенью ветвей,
И поет для меня соловей.

И прохладу приносит волна,
И душа моя счастья полна.

Я его от друзей не таю.
Я на круче, над Демой стою...

1954

В ПУТИ К БОЛЬШОМУ ПЕРЕВАЛУ

По тропинкам горным, сквозь чащобы
Мы с тобою пробирались к свету,
Руку дать всегда готовы оба,
Всюду, где другой опоры нету.

Сколько раз ты руку мне давала,
Сколько раз тебе давал я руку,
Лишь в пути к большому перевалу
Люди цену узнают друг другу.

Все дороги жизни на две части
Поделили мы с тобой без спора,
Поделили горе, поделили счастье,
Поделили все крутые горы.

1954

МОНТЕР

Не раз Бикэ встречала
Монтера на пути,
Да вот не замечала
Огня в его груди.

Ей никогда не снилось
Ни губ его, ни глаз,
Но как-то раз случилось,
Что в доме свет погас.

И Мухаммет явился,
И яркий свет зажег,
И в лампочке забился
Веселый огонек.

И столько в нем задора,
В лучистом огоньке,
Что запыхал он скоро
И в сердце у Бикэ.

И вот, покой тревожа,
Ей сердце говорит,
Что в мире всех дороже
Красивый тот джигит.

Огонь сверкает ярко,
А я хожу и жду,
Когда к друзьям с подарком
На свадьбу я пойду.

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Ярким светом зáлит дом,
Шумно в доме за столом.
Всем гостям тут честь и место,
Не без места и невеста
С женихом.

Ярким светом залит дом,
Мы играем свадьбу в нем.
Разливаем мед по чашам,
Пьем до дна и лихо пляшем
Да поем.

Поздравляем молодых!
Заглядишься на таких!
Пусть в их жизнь вселится счастье,
Пусть не блекнут от ненастья
Щеки их!

Чаши доверху нальем
Всем сидящим за столом.
Счастья в жизни пожелаем,—
Это счастье добываем
Мы трудом.

Пусть завидует нам тот,
Кто весь век один живет,
Кто стареет раньше срока,
Жить привыкнув одиноко...
Так-то вот!

1955

ОСЕНЬ

Осень на дворе.
Но, как весной,
Зелен лист на липе молодой.
Тополь гол,— он сбросил свой убор,—
В небо ветки серые простер.

Мерзнет он с утра и до утра,—
Холодны́ осенние ветра.
Липа рядом с ним стоит,— скромна.
Шаль на ней, как прежде, зелена.

Осень на дворе.
Но все весной
Дышит в этой липе молодой,
Словно встала с шалью на плечах
И в весенних греется лучах.

1956

ИДУ К ТЕБЕ

Ты, легко-легко ступая,
Мимо гряд цветочных шла.
Загляделся на тебя я —
Сердце ты мое зажгла.

Не посмел сказать ни слова
Я тебе, моей судьбе.
И письма я никакого
Не посмел послать тебе.

Что же я такой несмелый?
Мне бы взять да подойти...
Столько в сердце чувств кипело,
А носил их взаперти.

Но любовь — она как птица, —
Не ужиться
В клетке ей.
По тебе душа томится,
По единственной моей.

Радость, жарко пламенея,
Не вмещается в крови.
Я спешу! —
Иду к тебе я
О своей сказать любви.

1956

ПАМЯТНИК САЛАВАТУ¹

На родине героя, перед зданием райкома КПСС, на высоком постаменте возвышается памятник Салавату Юлаеву.

Лицо дождям и вьюгам подставляя,
Годám уже не ведая числа,
Все смотрит Салават
В просторы края,
Где Амина, любовь его, жила.

Он все глядит на Қалмаклáр влюбленно
На Юрюзань, на травы у воды.
Иль видит он
На берегу зеленом,
На заливном лугу
Ее следы?

Иль он налюбоваться
Все не может
На ширь полей,
На землю, что вольна?
Да,
Салавату с этого подножья
Дней наших радость
Хорошо видна!

1956

¹ С а л а в а т Ю л а е в — национальный герой башкирского народа, сподвижник вождя крестьянского движения XVIII в. Пугачева. А м и н а — жена Салавата. К а л м а к л а р — село на правом берегу реки Юрюзани. В нем, по преданиям, родилась и выросла Амина.

МАЙСКИЕ ЦВЕТЫ

Пролился
 щедрый
 теплый
 ливень мая

Над первыми цветами поутру.
И вот,
Весне приветный гимн слагая,
Они заколыхались на ветру.

Мир обновился,
Ими разукрашен,
И стали дали внешние светлы.
Пришли цветы
На праздничные наши,
Уставленные яствами столы.

Окидывая ясными глазами
Неугомонной молодости край,
Пошли цветы
В колоннах
Вместе с нами,
Ликующий встречая Первомай.

Мир трудовой
Шагает к счастью, к свету.
Как не сбываться вам,
Мои мечты,
Когда покроют скоро всю планету
Цветы свободы,
Майские цветы!

1956

ПАРТИИ

Мы клятву дали, стяг целуя твой,
Тебе в сыновней верности, в любви.
Связав все наши чаянья с тобой,
Тебе сердца открыли мы свои.

Той клятвы силу в праведных боях
Нам довелось испытывать не раз:
Огнем гранит развевало в прах
И гнуло сталь,
Но не сломило нас.

Вершили мы нелегкие дела,
Сильны своею верностью тебе.
К победам верность эта нас вела,
Нам придавая мужество в борьбе.

Когда один из сыновей твоих
В атаке жаркой падал на бегу,
Ему на смену пятеро других
Вставали в строй и смерть несли врагу.

Ты за какое б дело ни бралась —
Мы шли с тобой, поблажек не ища.
И плечи миллионов, плечи масс
То дело поднимали сообща.

Мы клятву дали, стяг целуя твой,
Тебе в сыновней верности, в любви.

Связав все наши чаянья с тобой,
Тебе сердца открыли мы свои.

Цветет у нас в сердцах любовь к тебе,
Светла, чиста,— вовек не вянуть ей.
Ты воплощаешь, партия, в себе
Всю славу, все величье наших дней.

1956

* * *

Ты попробуй подняться на гору Махмут,
На высокую гору Бузат,
Все печали долин от тебя отойдут,
И легко ты посмотришь назад.

Ты увидишь сверху огромный простор.
Сможешь полной грудью вздохнуть.
Жизнь — подъем неустанный к вершинам гор.
Жизнь — нелегкий, но радостный путь.

Вечно хочется сердцу новых вершин,
Вечно хочется новых высот,
Оттого молодые дела вершим,
Оттого наш удел высок!

Пусть же будет твердой поступь всегда,
И усталости ты не знай!
Упадешь, обессилив, но и тогда
Поднимись и путь продолжай!

Ты запомни, что радости нет другой.
Я хочу, чтоб тебе везло,
Я хочу, чтобы был под твоей ногой
Камень крепок, небо светло!

Ты увидишь сверху огромный простор,
Сможешь полной грудью вздохнуть.
Жизнь — подъем неустанный к вершинам гор.
Жизнь — нелегкий, но радостный путь.

1957

НЕ ЗА СЕБЯ ЛИШЬ ОДНОГО

Всю жизнь
 трудился мой отец,
 всю жизнь страдал,—
Не слаб, не мал —
Пахал и жал,
Но голодал;
Так на кого ж он уповал,
Хоть был удал?
Благ от муллы,
Благ от аллы¹,
От неба ждал...

Он камень бил,
Плоты водил,—
Деньгу копил;
Ни сил, ни пота не жалел он для земли.
Летело счастье — птица райская,
Да жаль —
Все стороной,—
Куда-то вдаль...
А годы шли.

Худой армяк,
Мешочек с нищенским добром —
Вот все, что смог отец добыть
Своим горбом.

¹ А л л а (башк.) — бог.

Не так-то редко
Вспоминал родной он дом,
Не так-то редко
Душу жгло ему огнем.

Светило солнце в небесах,
Да не ему;
Достаток был в иных домах,—
В его ль дому?
С такой судьбою не мирясь
И не молясь,
Он не хотел покорно лечь в сырую тьму.

Он взял топор,—
Рука тверда, топор остер,—
С лихой бедой,
Со злой нуждой
Пошел на спор.
И на хозяина поднялся своего,—
На бога встал,—
 не сердце —
 камень у того...

Конец один
Был у таких дорог
В тот срок:
Сибирь, где дрозд
В снегах острог,—
Тайгу стерег...

Страдал всю жизнь отец, но не был покорен,
И смерть свою
 не на коленях встретил он...
Таким же, знаю, быть бы мог
Удел и мой,—
Жить в нищете,

Жить в темноте,
Во мгле глухой...

Лицо морщинистым бы
 стало с юных лет,
Давным-давно согнулся б я
 под ношей бед,
Глаза бы выплакал,
 всегда разут, раздет,—
Меня раненько бы
 на тот загнали свет...

Не за себя лишь одного я нынче рад,—
За мой народ я рад — судьба его светла!
Найдя путь Ленина,
 он счастьем стал богат,—
Путем великим этим
 Правда в мир пришла!

КОГДА НАЧНЕШЬ О ЮНОСТИ ТУЖИТЬ

Живет не бесконечно человек,
Все в жизни чередом идет своим:
В свой срок
Виски
Покроет первый снег,
Нагрянет старость беркутом седым.

Но есть и то,
Чему —
Не старясь, жить:
Есть пламя чувств,
Есть в мире труд живой.
Когда начнешь о юности тужить,
Навстречу ей иди прямой тропой.

В поля, где у пшеницы с ветром спор,
Тебя тропинка эта проведет
И поведет к лесам Уральских гор,—
Сквозь бурелом —
Все выше, все вперед!

Увидишь ты
Простор окрестный весь
И вдаль пойдешь,
Оставив перевал,—
В стан юности, что строит город здесь,
Ей комсомол
Сюда путевку дал.

В цветущий сад
Ты по тропе пройдешь,
И на завод,—
В цеха,—
Придешь по ней.
Тебя обнимет крепко молодежь,
И сердце застучит твое сильней!..

Есть пламя чувств,
Есть в мире труд живой.
Им на земле —
Не старясь, жить и жить!
Навстречу им
Иди прямой тропой,
Когда начнешь о юности тужить.

ЧТО ЗА НОЧЬ

Что за ночь! Волшебное крыло
Ширь полей и темный лес покрыло.
Что за ночь! На сердце так светло,
Словно сердце горести забыло.

Эта ночь спокойна и тепла.
Мысль течет, покой не нарушая.
На луну смотрю — луна мала,
Вновь смотрю — теперь луна большая.

Далека луна, но и близка...
Вот в такой же точно тишине,
Рассекла ракета облака,
Наш привет доставила луне.

Льет луна лучи из серебра,
Золотыми мне они видны,
И смеется весело Зугра¹,
Девушка прекрасная с луны.

Что за ночь! Лучи луны струятся,
Дали неоглядные чисты.
Знаю я: в такую ночь рождаются
На земле крылатые мечты.

1958

¹ Зугра — имя девушки на Луне (по народным легендам).

* * *

На весну нет пока и намека,
Не туманится испарью даль,
Закипая метелью у окон,
На дворе куралесит февраль.

Только зреют незримые почки
У деревьев, чтоб в листья расти...
Да не так ли рождаются строчки,
А потом появляется стих...

А иначе и быть не может:
Во владеньях земной тишины
На работу поэта похоже
Созидание чуткой весны.

1959

НА ТРОПИНКЕ

Совсем недавно мы с тобой расстались,
А я уже соскучился в пути.
Какой из троп,
Что позади остались,
Мне побежать, чтоб вновь тебя найти?

Тропинка поведет к тебе какая?
Где дверь твоя?
В какой мне дом стучать?
Какое время —
Полночь ли глухая,
Рассвет ли звонкий —
Нас сведет опять?

Тот миг
Мне встретить песнею какую?
Каким огнем зажжется сердце вновь?..
Одно лишь знаю:
Встречусь я с тобою
На той тропинке, где прошла любовь!

1959

ВЕРНО СКАЗАЛ

Верно сказал
Народ мой родной:
Капли рождают море.
Сад вырастает из ветки одной —
Цвести ему на просторе.

Если разок
Ударим врага —
Тут же он пеплом станет.
Если мы бросим по горстке песка —
Суша из моря встанет.

Реки покорно
Вспять потекут,
Если за них нам взяться.
Людам, что строим единым идут,
Богатырями зваться.

1959

СТРОИТЕЛЬ

Сложил он много этажей —
Уже их тысяча!
Но он
Работы будничной своей
Все не бросает,
В ней силен!

Он делу верен своему,—
Подчас не знает он и сна.
И вся вселенная
Ему
С лесов строительных видна.

Еще немножко —
И ступать
Ему по звездам на ветру
Захочет —
Сможет подавать
И солнцу
руку
поутру.

1959

РОДНИК САЛАВАТА ¹

Слава ходит землею,
Чудесами богата,
Бьет могучей струею
Родник Салавата.

Жизнь он отдал народу,
Честь его высока...
Носят девушки воду
Из того родника.

Утолит она жажду
Тем, кто честен и смел,
Чтобы сын ее вражий
Испить не посмел.

Слава ходит землею,
Чудесами богата,
Бьет могучей струею
Родник Салавата.

1959

¹ В Кигинском районе Башкирии есть родник, который назван именем героя. Когда-то Салават пил воду из этого родника. Старики раньше говорили: „Кто выпьет воду из этого родника, сердце того наполнится чувством дружбы и героизма...“

ЛИЦОМ К ГОРНЫМ ВЕРШИНАМ

Проснулся я не на рассвете,
А раньше птиц проснулся я,
Сказал: — Так пусть же солнце светит! —
И поднялась к горам заря.

Глядел на горные вершины
И думал, как они горды,
И что подвластны им долины,
И что подвластны им сады.

Вершины золотыми были,
Как переполненный бокал,
Вершины свет на землю лили,
И он потоками стекал.

И словно били барабаны,
И крылья красные росли,
И так хотел я, чтоб туманы
Закрывать вершины не могли.

А ведь вершины есть иные,
Туман годов им нипочем,
Они простые и земные,
В них смысл великий заключен.

И из того чужого века,
Взойдя на небо, как звезда,

Перед сознанием человека
Они не меркнут никогда.

Я лучше понимаю это,
И вновь об этом говорю,
Когда на памятник поэта,
Когда на Пушкина смотрю.

1959

В ЗИМНЕМ САДУ

В минуту отдыха редкую
Ильич любит садом,
Он трогает зимнюю ветку,
Снег осыпается рядом.

Что видят глаза его зоркие,
Что они нынче ищут —
Ели на белом пригорке,
Птиц, добывающих пищу?

А, может, он видит дороги,
Что нам разглядеть нельзя,
И потому так строги
Ленинские глаза?

Может, ему сквозь годы
В эту минуту видны
Радости и невзгоды,
Будущее страны.

Ради нее было пройдено
Столько тюрем и бед,
Ради огромной Родины,
Ради ее побед.

Солнце вдали заходит,
Падает красный свет.

Ленин по саду проходит,
На белой тропинке след.

След на дороге белой,
Дорога в снегах легла...
Подвиг мечты его смелой
Мы воплощаем в дела.

1959

ДАЙТЕ СЛОВО И МНЕ...

(Застольная песня)

Дорогие друзья, дайте слово и мне,
Не хочу я молчать от друзей в стороне.

Я желаю, чтоб дни ваши светлыми были,
Чтоб любимые ваши сильнее вас любили.

Чтоб усталости руки вовеки не знали,
Чтобы там, где прошли вы, цветы расцветали.

Чтобы было всегда, словно в самом начале,
Чтоб столетье свое молодыми встречали.

Пусть состарится старость в сторонке сама,
Пусть обходит испуганно ваши дома.

За столом умолчать мне сегодня нельзя,
Я встаю и прошу: — Дайте слово, друзья!

1959

ВСПОМИНАЯ МОЛОДОСТЬ

1. Так ли начинается!

К солнцу,
Чуть покажется оно,
Тянется
Береза на холме...

Сердце на двоих у нас одно —
Как же врозь нам жить,
Тебе и мне?

Ласточке гнезда одной не свить.
С крыльями двумя орел любой...
Как же без тебя смогу я жить?—
Так ли начинается любовь?..

2. Знаю... не знаю...

Я знаю:
От нее я без ума,
Нет чувству моему конца и края!..
Но влюблена ль, друзья, она сама,
И любит лишь меня ли? —
Я не знаю.

Метет метель,
Мой заметая след,
Но для меня зима подобна маю,—

Я к милой мчусь...
А ждет она иль нет? —
Вот этого, друзья, пока не знаю.

Подул меж нами ветер ледяной.
Молчит она,
Я тоже замолкаю.
Сойдутся ли пути — ее и мой? —
Не ведает она,
И я не знаю.

Я гордый человек, —
Вся в этом суть, —
И голову пред милой не склоняю.
А склонит ли она когда-нибудь
Передо мною голову? —
Не знаю...

Эх, молодость!...
Где мне тебя искать?
Вот тропка в сад,
А вот тропа лесная...
Я девушкой давно забыт, видать...
Смогу ли позабыть ее?
Не знаю.

3. Лишь тогда...

Так же,
Как бывает юным каждый,
Каждому в свой срок и старым стать.
Осень ты свою не встретишь дважды, —
Будь же саду щедрому под стать.

Лишь тогда
Сказать ты будешь вправе:
«Жил и я!» —
Тут не солжешь ни в чем;
Лишь тогда
Народ тебя прославит,
Станет поминать тебя добром.

4. Пусть молодость проходит так, друзья!

Пусть молодость,
Дням счета не ведя,
Не зря пройдет,
И с яблоней бесплодной,
С землею голой, с тучей без дождя,
С неспетой песней
Пусть не будет сходной.

Пусть молодость
Проходит так, друзья,
Как теплый дождь
Над зеленью округи, —
С собою свежесть вешнюю неся
И выбрав песню
В спутницы, в подруги.

Пусть молодость
Свой труд, свой ясный путь
Воспеть сама
С такою сможет силой,
Чтоб мы потом
Смогли бы вспомнить:
«Все это в нашей молодости было!»

5. Играй!

Играй, джигит!
Гармонь твоя звучна,—
Пусть девушки
Спать не ложатся рано.
Вот-вот
Взойдет
Из-за горы луна
И вспыхнут звезды, зыблясь безустанно.

До теплых майских сумерек
У нас
И соловьи на ивы не садятся.
Встать рано —
Значит, встать, ну, в самый раз!
Но рано лечь —
Во многом просчитаться...

Играй, джигит!
Гармонь звучна, нежна,
А девушки...
Да им сейчас до сна ли?
Уже вошла из-за горы луна,
И звезды замигали, заблестали...

1959 — 1960

КОММУНИСТЫ

Живет во мне
Незыблемым и чистым
С великим смыслом
 слово — коммунисты!
Оно неиссякаемою мерой
Во всем лучится
 Ленинскою верой.

И, возвышаясь, заполняет сердце
И делает тебя единоверцем.
Я песнь пою, об этом всюду помня:
О как бы суть всю
 выразить его мне!?

Теряя равновесие покоя,
Я твердо знаю,
 что это такое.

О дай, земля, мне мудрости и силы,
Чтоб это слово Солнцем засветилось!

Я проникаюсь светлыми мечтами
И напрягаю до предела память:
Хочу громоподобным и искристым
Возвысить словом
 слово — коммунисты.

Они идут, не покидая годы,
Из революций, тюрем и походов...
Становятся родней, дороже, ближе,
И я их сердцем чувствую и вижу...

* * *

Тишина у горного аула.
Слепнут окна в корке ледяной.
Сердце стужей хлесткой захлестнуло,
И свистел, не требуя отгула,
Заполярный ветер низовой.

Может, потому так зашумели,
Вылетая, словно из засад,
Молодые, буйные метели,
Что домой в простреленной шинели
Возвратился доблестный солдат.
Он с собою ленинские вести
Нес и думал: как бы донести?!.
Веруя своей партийной чести,
С голытьбою двинулся он вместе
В новый день по верному пути.

Он прошел в боях огни и воды;
Для него мечта — не темный лес...
Ради завоеванной свободы
Не страшны ему с родным народом
Ни тюрьма, ни ссылка, ни обрез...

Не скажу, что был он из металла,
Только коммунистом был солдат...
Ночь глухая, темная стояла...

Пусть солдата храброго не стало,
Но в строю товарищи стоят.

Их у нас в России миллионы!
То они, бесстрашные бойцы,
Вставшие под красные знамена,
Жизнь хотели видеть обновленной —
Как и их бывалые отцы.

Их девиз единственный на свете:
Не сдаваться, выстоять, дойти!..
Пусть ненастье пулями их метит,
Но они за Родину в ответе,
Не сходили с мудрого пути.

Партия, ведь ты их воспитала,
И они тебе принадлежат,
И любой из них — большой и малый,
Не приемля жизни вполнакала,
Стал партийной армии солдат.

На себя удары принимая,
Сколько полегло в сраженьях их?..
Но росли — победы утверждая,
И огонь, и страхи приглушая,
Их неотступавшие ряды.

Путь один — туда, где правда светит,
Справедливей не было путей,
И ничто — ни пули и ни ветер,
Никакие происки на свете
Не заглушат Ленинских идей.
Партия сердца им окрылила,
Из мечты взметнула паруса,

И такую силой наделила,
Что дорогу новую открыла —
Ни куда-нибудь, а в небеса.

Кто бы мог поверить в это чудо,
И враги, кляня Советов власть,
Удивлялись подвигом — откуда
На Руси неслыханная удаля,
Дерзость беспримерная взялась!?

Только что бы там ни говорили,
И какие б козни ни плели —
Коммунисты снова победили:
В космос мы впервые запустили
Ради мирной жизни корабли.

Да, моя страна для них загадка,
Потому им нынче не до сна,
Только, пострадавшая порядком,
Стала верной стартовой площадкой
На земле Советская страна!

И о ней, об этом люди знают,
Будут все грядущие века
Говорить, все выше возвышаясь,
Знамя нашей правды озаряя,
На пяти земных материках.

Партия, свети зарей лучистой,
Правотою вечною свети,
А твои бойцы и коммунисты
Не сойдут в любой беде тернистой
С твоего бессмертного пути!

ЯНГАНТАУ

Янгантау жаром пышет,
На холодный камень плещет,
Словно сердце тяжело дышит,
От большой любви трепещет.

Знаю я: земля пылает
Изнутри пожаром вечным.
Знаю я: в борьбе сгорает
Так же сердце человечье.

1960

* * *

У кого много сил? У солнца!
Вот оно снега растопило,
Заглянуло в мое оконце,
Даль зеленым ковром покрыло.

Все живое радо теплу.
Зрелость сочных плодов сторожу,
И недаром в почетном углу,
В этой песне, солнце сажу.

И недаром сердце мое
Горячее день ото дня.
Это мне от солнца светло,
Это солнце любит меня.

1960

МНЕ КРАТКИЙ СРОК ДЛЯ ОТДЫХА ДАЕТСЯ...

Мне краткий срок
Для отдыха дается,—
Привалом и солдат не обделен,
Но он всегда солдатом остается,
С оружием не расстаётся он.

Мне краткий срок
Для отдыха дается,—
Вдаль путь зовет,
И на глазах моих
Черемуха под теплым ветром гнется:
Молоденькая,
В почках вся тугих!

1960

ЗАСТОЛЬНАЯ НА НОВОСЕЛЬЕ

Хвала столу! И слава хлебу с солью!
Да будет новый дом благославлен.
Да будет счастье спутником застолью,
Да не покинет песня этих стен!

Широк ваш стол. И солнце входит в залы
И в наши души входит неспеша.
Пусть плачут запотевшие бокалы,
Но пусть не плачет ни одна душа.

Рождается на свет ребенок плача,
Но пусть без слез идут его года.
Он в мир войдет, своей души не пряча,
И счастье здесь пребудет навсегда.

Пусть будет дождь, пусть будет снег,
Пусть будет
У дня и ночи в жизни свой черед,
Но пусть горячей крови не остудит
Коварства или равнодушья лед.

1960

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Да, были дни осенние щедры,
Лес расточал богатства яро.
И только, как ненужные дары,
Всю осень, до безлиственной поры,
Горели гроздья волчьих ягод.

Заметных, как тревожные огни,
Несорванных, их было много...
Пусть волчьими и названы они —
Ни разу волк их не потрогал.

Я видел: люди тоже не хотят
Их красотой подивиться, —
Зачем он людям, пышный тот наряд,
Не нужный ни волкам, ни птицам?

Дожди пошли. Короче стали дни.
Опасть и сгнить — все, что осталось,
В надежде: может, сгнившие, они
Хоть в ком-нибудь разбудят жалость...

Я не жалею злую их красу,
Держу ее всегда в опале,
Хоть ягоды в моем родном лесу —
Не на чужбине — вызревали.

Меня не огорчает эта смерть:
Из праха к праху дверца.
Я знаю: счастье — нужным стать суметь,
А не впустую, как они сгореть...
Не так ли, сердце?

1960

* * *

Умирает дуб извечно стоя.
У беды, не дрогнув,
На краю,
Он всегда, как мужественный воин,
Сохраняет выдержку свою.

Мне все это дорого и любо.
Я хочу в незыблемом ряду
Перенять земную стойкость дуба
Всем безвестным бедам
На беду.

1960

* * *

Говоришь ты мне — позову врача,
Если сердце твое болит! —
— Не решай, прошу тебя, сгоряча,
Нет, не врач меня исцелит!

Ты сама, любимая, знаешь о том,
Так, оставь телефон в покое.
Будь добра, поделись ты со мной теплом,
И до лба дотронься рукою.

Буду я повторять тебе вновь и вновь,
И в свидетели всех беру,
Что важней всего для меня любовь,
Если любишь, то я не умру!

1960

* * *

Зеленые поля!
Поля родные!
Чем вас украсить мне?
Вы широки!
Я разбросаю зерна золотые
И посажу —
защитой им —
дубки.

По вечерам
И по утрам
Росою
Пускай омыты будут зеленя.
И пусть дубы
Песчаным бурям зноя
Отпор дают,
Прочь засуху гоня.

Взволнуется
Полей зеленых море,—
В рассветный час
Под ветром —
Не до сна.
Пусть сок земли,
Свет солнца на просторе
Сольются и вскипят в крови зерна.

Труд хлынет мой
С осеннего раздолья
Пшеницей золотою в закрома.

Он станет теплым хлебом,
И в застолье
Его прославят людные дома.

Труд в песню перейдет.

И — удалая! —

Нас песня поведет

Опять на труд.

Пусть,

из земли вот так и вырастая,

Вновь

землю песни к почестям ведут!

1960

УТРЕННИЕ ДУМЫ

Игрой беспечной
Ветер на рассвете,
Как озорной мальчишка, увлечен:
Стучит он в окна,
Шустрый этот ветер,
И волосы березам треплет он;

И в клочья рвет
Туманов дым ползучий,
И травы гнет,
И, миновав луга,
Взмывает к тучам,— гонит их,
А тучи —
Роняют наземь слезы-жемчуга...

Спустясь к реке,
Он вспенивает волны,
Выщипывает пух у лебедей,
И, их обняв, несется, силы полный,
Вновь к небесам,
И дует все сильнее...

Став бурюю,
Спешит он книзу снова,
Расчесывает гривы волн шальных,
Раскачивает лодку рыболова,
Теснит плоты, толкая в пропасть их...

Я вздрагиваю:
Ведь вот так же дуя,
Ввергает суховой поля в тоску.
Я вздрагиваю,
На сады гляжу я...
Твержу я песням:
«Будьте начеку!»

Я вздрагиваю,
Чуя злые ветры,—
Тлетворно их дыханье,
Путь — не нов.
Разносят запах пороха по свету
Они с морских далеких берегов...

Ведь такие ветры на планете
Ее благополучию грозят...
Нет, пусть не дуют в мире
Ветры эти,
Пусть по земле
Не рассевают яд!

Пусть землю
Не охватит
Смерти пламя
И не покроют смертных мук следы!
Пусть детворы счастливой голосами
Приветливые полнятся сады!

Пусть ветры
По речной гуляют шири,
Пусть легким будет вод прозрачных бег!
Пусть ветры
Не пожарщиками в мире,

А лишь цветами
В наш пропахнут век!

Открыв окно,
Я день встречаю светлый.
Гудит мой сад, роняя вешний цвет.
Играют ветры,—
Сил весенних ветры...
Пусть никогда не дуют ветры бед!

1960

Я В ВАШИХ РЯДАХ

Те дни поныне в памяти моей,
Как будто было это все вчера,
Гладь озера и облака над ней,
И наши голубые вечера.

Мне не забыть далекой той поры,
Знамена и веселый строй ребят,
Я вижу — пионерские костры
У леса потемневшего горят.

Я вижу грядки, политые нами,
Я слышу звонкий барабанный бой,
Незванные, приходят вечерами
Воспоминанья те наперебой.

Я помню все. Но нету сожаленья,
И мне от этой памяти тепло.
Мы выросли. Другое поколение
Уже давно на смену нам пришло.

Им легче, чем отцам их приходилось,
Но та же цель у юных впереди.
Я счастлив тем, что это повторилось,
Что сын мой носит галстук на груди.

Мозолями крепки мои ладони,
И знать дают седины о годах.
Но мне, друзья, не надо лучшей доли,
И сердцем снова в ваших я рядах!

1961

КОГДА ШУМЯТ ДУБЫ

На горном склоне, над рекой,
Над крутизной береговой
Взошли весеннею порой
И в рост пошли дубы.

Встав, как отряд, готовый в бой,
И небо подперев собой,
Сомкнули строй ветвистый свой
Могучие дубы.

Став на пути у бурь стеной,
Сдружась со щедрою весной,
На страже благ земли родной
Шумят-гудят дубы.

Орел скрывается меж скал,
И тополь гнется, хоть не мал,
И громыхает туч обвал,
Когда шумят дубы.

Глаза мои влажнеют вдруг,
И мысль парит,— за кругом круг,
Поет природа вся вокруг,
Когда шумят дубы.

Спешу я в молодость свою,
В мечтах — я вновь в ее краю;
Не сплю,— то лягу, то встаю,—
Когда шумят дубы.

Пусть в берега бьют волны рек,
Пусть будет счастлив человек,
Пусть молодыми будут век
Могучие дубы!

1961

КАК УЗНАЛИ...

Как узнали все про то, что болен я,
Что решили навестить друзья меня?
Не пойму я, как случились чудеса,
Что пришли ко мне зеленые леса.

Кто же, спрашиваю, весть лесам принес,
Что пришли ко мне приветы от берез,
От черемух, от тропинок и дорог,
Все полным-полны заботливых тревог.

Получил я пожеланья от цветов,
От ложбинок и от ягодных кустов,
От ветров, цветной ласкающих ковер,
И от рыбных наших, сказочных озер.

Долетели голоса высоких гор,
Родников и рек хрустальных чистый хор,
Взмахи крыльев соловьиных донеслись,
Песни радости и горя пролились.

И, лучами животворными горя,
Опустилась на постель мою заря,
Это солнце мне послало ясный свет,
Это солнечный в ушах звенит привет.

И еще леса калину принесли,
И целебную траву моей земли,

Принесли они участие и любовь
Для того, чтобы здоровым стал я вновь.

Вот опять стою я твердо на ногах,
Силу чувствую могучую в руках,
И, от всех своих болезней исцелен,
Край родимый, отдаю тебе поклон.

1961

НЕУЖТО ПОЗАБЫТ!..

Неужто позабыт я земляками?
Уже давно от них привета нет...
Покоя мне
Все не дает ночами
Моя сторонка,
Песенный мой свет.

Что ж это так?..
Да я один ли славлю
Мои края?
Они ль не хороши?!
Чтоб песни петь,
Я эти чувства плавлю —
Вот золото,
Вот серебро души...

Вернулся б я...
Да все не по дороге...
И к речке Алайылга¹ вернулся б я,
И к речке Гульйылга¹ вернулся б я...
Ведь у меня душа не зря в тревоге:
Соскучилась по мне земля моя...

Соскучились по мне, наверно, горы,
И Алайылга — волна в ней холодна,
И Гульйылга — студена в ней волна,

¹ Алайылга, Гульйылга — реки на родине автора.

Черемух вешних белые уборы,
И тополь — дед —
Он крепок, старина!

По мне уже соскучились, быть может,
Мои родные светлые края,—
И звон полей, и песня соловья,
И костяника спелая вдоль стежек,
Где проходил
С кнутом подпaska я.

Опять цветы пестреют луговые...
Мои морщины глубже, что ни год.
Я б не скучал...
Но есть места родные,—
Те, где впервые
Мой пролился пот.

1961

* * *

Что жизнь без дружбы — уголь без костра.
Погаснет искра, не достигнув неба,
И будут одиноки вечера,
Хоть в доме вдоволь и вина, и хлеба.

Когда есть друг, теплее жизнь всегда,
И пища разделенная вкуснее,
И легче сердцу кажется беда,
И радость сердцу кажется полнее.

Мы счастливы, коль друга обретем,
Пусть дружба тыщи лет живет на свете.
Затем мы другу руку подаем,
Что мы и сами этой дружбы дети.

1961

ЖИЗНЬ, ОСТАВШАЯСЯ В ПЕСНЯХ

„Страсти к жизни у меня б хватило
Десять жизней жить на этом свете“.

Г. С а л я м

Там, в земле далекой Ленинграда,
Спит поэт, но слезы лить не надо,
Ведь для песен вовсе не преграда
Той могилы крепкая ограда.

Слезы лить не надо — песня бьется,
К сердцу снова радостно прихлынув.
Слезы лить не надо — песня льется,
Сторону родную не покинув.

* * *

Я прошел жестокою войною,
Замерзал в снегу, горел в огне,
И Салям повсюду был со мною
Там, где было очень трудно мне.

Если сердце покидала сила,
Слышался мне шепот на рассвете:
«Страсти к жизни у меня б хватило
Десять жизней жить на этом свете».

Шел Салям со мною до Берлина,
Чтобы мир был светел и чудесен,
Волею народа-исполина,
Волею своих железных песен.

* * *

И труба победу проиграла,
И домой я возвратился снова,

Чтоб услышать, как дубы Урала
Скажут мне приветственное слово.

Ласточки приветы щебетали,
Майский ветер нежно гладил щеки.
И опять мне песни сниться стали,
И опять мне сниться стали строки.

Голову черемуха склонила,
Прозвенело мне в ее ответе:
«Страсти к жизни у меня б хватило
Десять жизней жить на этом свете.»

Жаворонка я спросил с волнением:
— Где Саям? Скажи и счастлив буду! —
Жаворонок мне ответил пеньем:
— Погляди вокруг, Саям повсюду!

Здесь Саям! — цветы пролепетали.
Здесь Саям! — прогрехотали горы.
Здесь Саям! — мне улицы сказали.
Здесь Саям! — ответили просторы.

Жив Саям! — шепнули волны Белой.
Он пришел! — ответил берег Демы.
Он вернулся к нам дорогой смелой! —
Прогремело небо первым громом.

И Уфа смеялась, — он со мною,
Ведь его судьба с моей едина!
И Тэгеш, его село родное,
Рассказало, как встречало сына.

Жив поэт, и этому поверьте,
Как и сам я вмиг поверил в это.

Жив поэт! Нет смерти для поэта,
Если песня им своя пропета!

Если песне жить, то жить поэту!
Биться сердцу, улыбаться взгляду!
Пусть незримо он идет по свету,
Но всегда поэт с тобою рядом!

Как хотел бы жить и жить я вечно!
Жить в лучах, что солнце разливает,
Жить и песней радовать сердечной,
Песней той, что в стужу согревает!

1961

Г. С а л я м (Галимов Салям) — талантливый башкирский поэт, родился в 1911 г., умер и похоронен в Ленинграде (1939). Тэгеш — родина Саляма в Челябинской области.

ТРИ ПОДАРКА

Я вам спою про давние года:
Я был еще совсем малыш тогда.

Мне три подарка мать дала моя.
Как сердце билось! Был счастливым я!

Дала портрет мне, книгу, карандаш,
Промолвила: «Подрос сынок-то наш!..»

Дала портрет, обвитый лентой, мне.
Я прикрепил рисунок тот к стене.

С любовью посмотрел Ильич на нас,—
С улыбкою взглянул, прищурив глаз.

Его портрет — со мной с тех давних дней,
Ильич в моей душе, в крови моей.

Вошла и книга в детское житье,
Я с трепетом разглядывал ее.

Какие тайны в книге? — размышлял.
Ведь был тогда еще совсем я мал...

Прошли года... Подарок тот со мной,
Я в стужу согревался книгой той.

Всегда в пути светила мне она
И окрыляла ум — честна, ясна!

С тех пор всегда — со мной той книги свет,
В ней нахожу секрет своих побед.

И карандаш со мной. Вот мой удел:
Вселенную в мечтах я облетел.

Хвалу я Человеку воздаю —
О Ленине бессмертном я пою...

Моей России — мой земной поклон,
Мое спасибо. Ленин ей рожден!

Я песню спел про давние года,
Я был еще совсем малыш тогда.

Мне три подарка мать дала моя,—
С волненьем сердце бьется — счастлив я!

1962

УЛИЦА ЛЕНИНА

Хорошо под небом темно-синим
Мне глядеть на милую Уфу,
Разве я не счастлив,
Что отныне
Я на главной улице живу!

Ленинская улица красива,—
Утопает в зелени она...
На другом конце ее шумливо
Бьет о берег гордая волна.

Здесь и солнце будто не заходит,
Не бывает ночью тьмы слепой.
Мотыльками снег летит — к погоде,
По садам повеяло весной.

В час, когда один иду
Мечтая,
Каждый раз душа моя поет,
Словно эта улица прямая
Через страны дальние
Ведет ..

День придет —
Свершится чудо это,—
Красный флаг пойдет еще сверкать!..
И на главных улицах планеты
Будет имя Ленина сиять.

Этот день
Я песней славлю снова
И, как друга, в путь с собой зову...
Может, оттого я и взволнован,
Что на главной улице живу!

1962

МОЙ СТИХ

Пока что нет плаксивых слов
В стихе моем,

как я,

земном.

Его б вписать во тьму веков
Небесной молнии огнем,
Огнем горенья моего.

Пусть виден он всего лишь миг,
Но чтоб сияние его
Запечатлеть в сердцах других.

1962

ТО СО СТРАСТЬЮ, ТО С ТОСКОЮ...

Не пойму я, что такое,
Гулко кровь стучит в висок,
То со страстью, то с тоскою
Календарный рву листок.

Год прошел, и значит снова
Стали старше мы, друзья,
Но опять веселым словом
Новый год встречаю я.

Это будет неизменным,
Это кто-то счастья ждет,
Это старости на смену
Бодро молодость идет.

Утешенье было б ложью,
Время быстрое бежит,
Кто-то сходит вниз, к подножью,
Кто-то на гору спешит.

Восходящим пожелаю
Больше радовать людей...
Отгорю я, отпылаю
В суматошном всплеске дней.

Скоро сердце успокою,
Час великий доживу,
И со страстью, и с тоскою
Лист последний оборву.

1962

УКРАИНА

Павло Тычине

Украина, я по полям
По твоим проходил,
Твое горе делил пополам,
Вместе слезы лил.

Видел землю твою в огне,
Смерть твоих сыновей,
Эта память живет во мне
Давней болью всей.

Мне твой ласковый свет сиял,
Где цветы распускались рясно,
На коленях и я стоял
Перед домом Тараса.

Украина, друзей страна,
Страна песен,
Без тебя моя даль темна,
Мир мой тесен.

Кто не славил еще тебя?
Всех на свете ты полонила.
Шлю я песню тебе, любя,
Ты прими ее, Украина!

1962

ВЕСЕННИЕ КАРТИНЫ

Лес вздохнул...
А что он мог поделывать,
Если приглушая шум берез,
Вполз туман в него
Густой и белый,
Как седобородый Дед-мороз.

Но проснулись
Волны Агидели
И взломали синий тяжкий лед,
И быстрее
Ветры полетели,
Возвещая птичий перелет...

А потом листвой, как полотенцем,
Утирали тучные леса,
Словно зеркала, чтоб в них глядеться,—
Над родным Уралом небеса.

Светит день, но он всегда
От века
Где-то зарождается во мгле,
Чтоб потом, сроднившись с человеком,
Стать необходимым на земле.

Хорошо!
И все-таки как труден
Путь его,
Не потому ль легли
С самого рассвета в гуле буден
Капли пота на лице земли.

1963

* * *

Уже давно тебе не восемнадцать,
В работе цену силам знай своим;
Эх, делом бы лишь добрым заниматься
И ходу не давать делам дурным!..

Все вдаль и вдаль шагать бы,
Оставляя
Лишь светлые,
Лишь добрых дел следы;
Весь мир пройти бы,
Звезды рассевая,—
Невянущие вырастить цветы!..

1963

УРАЛ ГОВОРIT МНЕ

Солнце землю теплом окружило,
Обогрев, обласкало цветы,
Чтобы все веселилось и пело
Среди этой сплошной красоты.

Ветер крыльями легкими веет.
Ветру путь беспредельно широк.
Этот ветер забыть не сумеет
Тот, кто землю покинет в свой срок.

И смотрю я на эти просторы,
И глаза мои нынче остры.
Вижу горы — но это не горы,
Богатырские встали шатры.

Глажу рожь неумелой рукою,
Наклоняю лицо к роднику.
Что за чудо и счастье такое
На моем повстречалось веку!

Это край мой, любимый навеки,
И дожди и снега я люблю!
Закрываю счастливые веки,
И дыханье земное ловлю.

И земля говорит мне о радости,
Каждой малой былинкой цветет,
И плоды тяжелеют от сладости,
И мечта за собою зовет.

Мать к груди прижимает ребенка,
Видит девочка яркие сны,
Я желаю смеяться ей звонко,
И ни разу не видеть войны.

Ей с любимым гулять вечерами,
Ей не знать ни утрат, ни потерь,
Потому-то я встал рядом с вами,
Те, кто мир защищает теперь.

Потому-то все, все, что я делаю,
Я единою целью связал!
...Эту песню напела мне Белая,
Эту песню Урал нашептал.

1963

* * *

Россия — не только березы,
Воспетые нами стократ,
Россия — тревожные грозы
И боль от великих утрат.

Я вижу: за этим простором
Горят, пламенея, лучи
Огромного сердца, в котором
Народная воля стучит.

Им поднята тяжесть такая
Успехов, борьбы и потерь...
Как красное знамя, сверкает
Оно над землею теперь.

1963

* * *

Снова, снова льют капли,
Снова думаю о том,
Почему мы лишь в апреле
Ленинскими дни зовем?

Семена, что он посеял,
Прорастают круглый год,
И всегда живет идея,
Вдохновившая народ.

Каждый день ликуют реки,
Каждый день зовут дела
Той эпохи, что навеки
Этим именем светла.

1964

МОЕМУ БРАТУ

Жизнь идет счастливою дорогой,
Но не думай, брат мой молодой,
Не отдавший дань крутым тревогам,
Что она пришла

сама собой!..

Да, цветы цветут на месте боя,
И кивают нам, но помни ты
Тех, кто заслонял в боях собою
Эти медуничные цветы.

Ты красив и крепок,
И плечист ты, —
Я горжусь и радуюсь тобой.
Ну, а сколько из атак огнистых
Не вернулось вот таких
домой?!

Не забудь о них, храни их свято
Имена... Свободный человек;
И всегда
Считай себя солдатом,
В самый беспокойный трудный век.

Жизнь идет прославленной дорогой,
Но не думай, брат мой дорогой,
Не познавший бед земных в тревогах,
Что всегда была
она такой.

Опоздало нынче прийти тепло,
И черемуха — распуститься,
И металась Белая тяжело,
И боялись вернуться птицы.

Соловьи с опозданием начали петь
И исполнили песен мало,
Не успели ягоды в срок поспеть —
Солнце редко луга ласкало.

И земля родимая вдоль дорог
Тосковала о лучшей доле,
Лишь один хлебороб уложился в срок
И засеял вовремя поле.

Так и шел человек от страды к страде,
Хлеб убрал и посеял снова,
И росла его слава по всей стране,
Прозвенеть, как песня, готова.

Сколько б весен теплых ни увидал,
Осень щедрую вспомню снова.
Друг, прости меня, что опоздал
С благодарственным этим словом.

1964

ЛИШЬ БЫ НЕ РАСТЕРЯТЬ...

Ничуть не удивительно, что каждый
Себе находит друга,—
Жизнь идет!
Кто одинок — найдет любовь однажды,
Кто без родни живет — родных найдет.

Ночлег находит путник,—
Все добудет...
Спешит сосед на огонек зайти...
Но если растеряют совесть люди,
То как ее удастся им найти?

Всегда скучать по сердцу будет сердце,—
И что ж! —
Не удивительно ничуть...
Коль денег нет —
Найдем! —
Куда им деться?!...
Лишь совесть
Не терзала б грудь...

1964

НЕТ, НЕ ЖАЛЕЮ...

Может, кто-то скажет, грусти не тая:
«И зачем на свет-то появился я?!»
Нет, мой друг, об этом не начну жалеть,—
На земле на нашей я рожден гореть!

Все земле оставим —
Станет для людей
День грядущий ближе,
Прошлый день светлей...

1965

ОПАДАЮТ ЖЕЛУДИ...

Опадают желуди,—
Их ветер
Осенью срывает без труда.
Старый дуб!
Ты не тужи:
Мол, дети
Все поразлетелись, кто куда...

Так уж повелось на белом свете:
Голы ветки,—
Холода пришли;
А весна нагрянет — дети эти
Выглянут ростками из земли.

Сожалеть не станешь ты об этом —
Окружит тебя дубков семья.
В них, в дубках,
Согретых вешним светом,
Повторится молодость твоя.

Желуди твои
Пусть опадают —
В щедрой им земле зимой лежать.
Дни свои в печали коротают
Лишь бобыль
Да без детишек мать...

1965

ПАМЯТИ ДРУГА

Сдружили нас
Одни и те же тропки,
И нам тепло
Давал костер один,
И к молниям тянулись мы,
Не робки,
Стремясь достать до облачных вершин.

Ночным шатром одним и тем же были
Прикрыты мы,
Дивясь его красе.
Мы нашу землю-мать благодарили
За нежную любовь,
За яства все.

Будили родники одни и те же
Нас песней серебристой в ранний час.
И на одном и том же побережье
Сияла, как маяк, звезда для нас.

Но песенная юность пролетела,
Нас вдаль увел
Метельный путь войны,
Мы приняли себе на плечи смело
Весь груз ее,—
Сильны, закалены.

Пылало в нас одно и то же пламя, —
И жажда жить,
И ненависть к врагу.

Был враг один и тот же перед нами,
Шли сквозь одну и ту же мы пургу.

Все испытали в битве мы суровой,
Врата Победы стали нам видны:
Вот-вот свое последнее слово,
Отмщенья слово,
Скажет бог войны...

Но вышло так,
Что в эту пору горе
Обрушилось негаданно на нас,—
И вырезали на скале у моря
Твое мы имя
В горький этот час.

И, на чужбине преклонив колени,
Застыл я с автоматом за плечом:
Сквозь слезы я смотрел на волны в пене,
На ту скалу
На берегу морском...

Но для меня ты жив,
Мой друг бесстрашный,
И в радости, и в горе ты со мной;
И музыкою молодости нашей
Полна моя душа —
Ей чужд покой.

Одни и те же тропки
Нас сдружили,
Костром согреты были мы одним.
Мы вместе искры молний потушили,
Одних и тех же туч
Развеяв дым...

СЛОВО СОЛДАТА

Сто раз
Я умирал
И воскресал
На горестных, крутых путях войны.
Враг землю сталью огненной кромсал,
Топтал поля моей родной страны.

В огне я был,
В сырой земле бывал,
Закапывали заживо меня.
Но в новую атаку я вставал
И сизнова шагал среди огня.

А сколько раз
Тонул и выплывал,
Одолевая реки и моря!
Кровь? — говоришь...
Был мир от крови ал,
От крови той была красна заря.

Но верил я,
Что снова расцветет
Земля моя...
Всегда я знал одно:
Земля весь мир прокормит,
Коль народ
В нее посеет доброе зерно.

Так будет! Да!
И вера в то тверда,
Не поддавалась бедам никогда.

Я заявил врагу:
Москву мою
Он не увидит — рухнет на ходу.
Не будет, нет,
В Уральском он краю,
А до его Берлина я дойду!

Во скольких странах,
Зная правды взвив,
Победы я ворота открывал!
Великодушен, прям, вольнолюбив,
В чужих краях вставал я на привал...

Я умирал
И воскресал
Сто раз;
Взгляни, взгляни —
Живой я и сейчас!

Пускай хранятся в памяти земли
Мучительные все мои пути,
Все беды, что на плечи мне легли,
Все то, что мне пришлось перенести!

ДЛЯ ТЕБЯ

Я слова такие собираю,
Чтоб звенели — серебру под стать.
Памятник из слов я отливаю,
Ржавым никогда ему не стать.

Ставлю на огонь свои слова я,
Чтобы чище были и сильней.
Памятник заветный отливая,
Знаю:
В этом —
Жизни суть моей.

Я в своем труде чуждаюсь лени,
Недоем, расстанусь и со сном,
Все — лишь для тебя,
Мой современник,
Устали не знающий ни в чем.

1965

ЕЩЕ НЕ ПРОБУДИЛСЯ ВЕШНИЙ ГРОМ

Еще не пробудился вешний гром,
Еще он дремлет в тучах снеговых.
А хлебороб
Цветами все кругом
Уже давно
Покрывл в мечтах своих...

Он чувствует всем существом сейчас,
Как теплый ветер веет над землей,
И как под снегом,
Скрытые от глаз,
Травинки дышат силой молодой.

Не знающий покоя человек
С утра душою рвется на поля;
Еще везде там голубеет снег,
В мечтах же —
Хлебом полнится земля...

* * *

Весна бывает разной, что ни год,
И лето лету — рознь...
А дни летят.
Пускай расколет буря небосвод —
Земля наденет пестрый свой наряд.

У хлебороба множество забот:
Кладет он в землю доброе зерно;

Свои надежды
В борозду кладет
Он с тем зерном отборным заодно...

И вот плоды и сердца, и ума,
Плоды труда,
Плоды мечты своей
Жнет осенью
И свозит в закрома
Он с золотых приветливых полей.

В единоборстве
С пылью и жарой,
И с ливнями, когда кругом потоп,
В борьбе с любой ненастной порой
Он — победитель! —
Этот хлебороб.

Молчат поля
Под властью дум своих,—
Поля, что звоном были так полны.
Все меньше, меньше золота на них,
И все полней,
Богаче
Стол страны.

На этом славном праздничном столе —
Честь хлебороба,
Каждый вздох его,
Бессонной ночью думы о земле,
Мечтаний воплощенных торжество,

Его любовь,
Стремлений высота,
Взгляд в будущее, в дали новых лет,

И совести рабочей чистота,
И в сердце, и во взгляде
Счастья свет...

Еще не пробудился вешний гром,
Еще он дремлет в тучах снеговых.
А хлебороб
Цветами все кругом
Уже давно
Покрыл в мечтах своих.

Пусть проплывут грядущие года
По этим тихим, ласковым полям —
Жить славе хлебороба,
Жить всегда!—
Он дал тепло
Тебе и мне —
Всем нам...

1966

* * *

Зеленая песня полей! —
В ней хлеб и цветы,— все ведь в ней —
На свадьбе на первой твоей,
На свадьбе последней твоей...

Не эта ли песня полна
Извечным сердечным теплом?
Хочу, чтоб вспорхнула она
С ладоней моих соловьем.

И вдаль, к тополям бы, к садам
Пускай полетела б она,
И к жаждущим песни сердцам,
В которых бушует весна...

1967

По-разному весны дышат,
По-разному льют свой свет,
Но все равно все слышат —
Цветет в полях горицвет!

И все равно ведь почки
Раскроются, пока спишь,
Прольется дождь на листочки,
Разбудит ночную тишь.

Закрыт горизонт ненастьем,
Даль за ним не видна,
Но снова несет нам счастье
На крыльях своих весна!

1967

САТИРИЧЕСКИЕ

СТРОКИ

ХВАСТУНЬЯ

Б а с н я

С победным возгласом: «Куд-куд! Кудях!
Знай наших!»

Гнездо свое покинув, как-то раз
Рябая курица на крышу взобралась.
Так гордо крыльями рябуша машет,
Так лихо свой вздымает хохолок,
Что тут бы всяк подумать мог:
«Эге, как нашумела!
Видать, большое сделала ты дело».
Рябуша между тем на землю прыг
И — на соседний двор, всех озадачив вмиг.
«Ну, раскудахталась сегодня невеличка!
Не золотое ли снесла яичко?»
Все кинулись к ее гнезду
И тут — к всеобщему куриному стыду —
Не золотое там нашли — простое
Да крохотное, серое такое,
Без скорлупы. Эх, что еще сказать! —
Ну, перепелке махонькой под стать.

Пожалуй, не было б нужды в морали,
Когда б поменьше хвастали и ввали.

1952

ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО И МЯКИНА

Б а с н я

Однажды с недовольной миной
Спросила у зерна мякина:
— За что, скажи,
Ко мне все безразличны,
А вот пекутся о бытие твоём?
Ведь ты и я — пшеничны,
И в срок один с тобой вдвоем
Из одного мы вышли колоска,
Питали соки нас одни
И ветерок один ласкал.
Но странные настали дни:
Тебе везде — большой почет!
Народ и торты из муки твоей печет
И булок лучшие сорта!
А я...
Я стала кормом для скота!
Тебя хранят и величают хлебом,
А я вот мокну под открытым небом!..
За что же мне такое суждено
И в чем тут
Главная причина?
— А в том,—ответило зерно,—
Что ты... мякина.

1959

САМОУВЕРЕННЫЙ ПЕТУХ

Б а с н я

Бьет крыльями, теряя пух,
И во весь дух орет петух:
«Я пропою — и наступает день!
Встает народ окрестных деревень!
И, услышав мое ку-ка-ре-ку,
Спешит с бельем молодка на реку.
Бегут на пастбища стада,
И в поле разгорается страда!
Без моего призыва-пенья
Земля б замедлила вращенье!..
Я — центр земли,
Вселенной пуп!»
Но вот попал
Петух крикливый в суп.
И что же?
Все осталось так, как было.
Паслись стада и шла страда.
И на реке белье хозяйка мыла.
А как Земля?
Нисколько не смущалась:
Она — по-прежнему вращалась!..

1959

ТРОПИНКА И БОЛЬШАК

Б а с н я

— Что ты, большак:
И шум и пыль,
Поток машин, людей толпа...
А надо мной —
Шумит ковыль! —
Кичилась узкая тропа.—
По мне в зеленой мураве
Лишь работяга-муравей
Ползет. Да в месяц раз
Просеменит ишак...
— Так чем ты хвастаешь! —
Захохотал большак.—
Я не такой,
Нет, я душой широк.
Пускай порой я запылен,
Но я люблю машин поток,—
В толпу людей влюблен!
И жалок мне, тропника,
Жребий твой!..
И вскоре шумный, радостный большак
Асфальтом заблистал перед тропой.
Ну, а тропа,
Что проторил ишак,
Совсем исчезла под травой.

1961

ХОМЯК И ЕЖ

Б а с н я

У края поля нынешней весной
Перепахали хату хомяка.
Бежит хомяк к ежу —
В удел лесной:
— Земной поклон от земляка!
О, дорогой друг еж,
Жестокий рок меня карает!
Стояла моя хата с краю,
И вот ее снесли —
Жить стало невтерпеж!
А все — целинники,
Все эта молодежь!
И кладовая вся разорена,
А сколько было в ней зерна!
Ограбили средь бела дня!
О злые люди!
За что преследуют меня?
Меж тем тебя все любят!
— Ну как ты, глупый, не поймешь, —
С улыбкой отвечает еж, —
Ко мне за то любовь,
Что истребляю змей.
А ты...
Ты — враг хлебов,
А значит — враг людей!
Не раз встречал я на веку
Людей,
Подобных хомяку.

1963

ЛИСА-КУРЯТНИЦА

Б а с н я

Бывают же на свете чудеса:
Отвесив реверанс раззявам,
Оформилась лиса
На птицеферму завои!
Работою зав рыжий дорожит:
Ночей не спит —
Все сторожит,
За поголовье птиц дрожит.
То нежно манит петушка,
То курочку ласкает.
А между тем исподтишка
Их в лес — в нору таскает.
Лиса сыта, всегда навеселе.
Но вот разнесся слух в селе:
На птицеферму скоро
Нагрянут ревизоры!
«Ревизия? Ха-ха-ха-ха!
Ну что ж: я актик подпишу,
Но прежде
Красного им петуха
Под крышу подпущу!»
Был птичник пламенем объят —
Всю ночь гулял петух.
Но вот, когда пожар потух,
Несет лисица двух цыплят —
Кричит:
«От пламени спасла!
Вот видите:
Аж шубу я прожгла!

Огонь и дым,
А я — цыплят несу!
Награду требую теперь я!»
И наградили бы лису,
Да обнаружили в лесу
В норе... три пуда перьев!

1952

ОБЪЯВЛЕНИЕ И ЗАЙЦЫ

Б а с н я

Дискуссию решили провести,
Повесив объявление о том,
«Как надо сад оградой обнести,
Чтоб яблонь не изгрызли зайцы в нем!»

И начали судить там и рядить:
— Сад можно бы плетнем огородить!
— Ограда быть дощатою должна!
— Нет, нужно лить ее из чугуна!

Произнесли немало громких слов,
И завершили спор в конце концов.
Но... никаких не надо там оград:
Уже изгрызли зайцы весь тот сад...

1967

ПОЭМЫ

Девушки

Дитя... дитя —
Цветок сердца.

(Слово матери)

Минкай-агай
Полжизни сетовал
На изобилъе дочерей.
И болью невезенья этого
Он привлекал к себе людей.
И часто он ругал, разгневавшись,
Гайнур-апай:
«Какая прыть!
Сверх меры нарожала девочек.
Однажды, исключенье сделавши,
Могла б и сына мне родить...
Ан нет,
Никак не остановится,
Хоть в доме шестеро девчат.
(Гайнур-апай всему виновница,
Минкай-агай не виноват!..)
Была бы ты женою лучшею,
Сказав:
— А вот и твой сынок! —
Я б даже по такому случаю
Мог подарить тебе платок.
И дочь,
Хотя души создание,
Но все же не сынок-джигит.
Она тебя за все старания,
За хлеб,
За соль,
За воспитание,

Как сын, не отблагодарит.
Что толку в дочерях?
Растила их,
А ждет ли радость впереди?
Исполни пожеланье, милая,
Джигита-сына мне роди...»

* * *

Жизнь прожить —
Не поле перейти,
Вмиг не пробежать все расстояние.
Нахлебались горя по пути
В драках,
Да в рыданиях,
Да в стенаниях.
Вновь Гайнур-апай слезу прольет
И очередную дочь рождает.
— Снова появился лишний рот! —
Каждый раз Минкай ее ругает.

И Гайнур шептала, не шутя:
— Горе мое,
Дочки мои,
Дети,
Нет несчастней моего дитя
Существа на этом белом свете!

ЗАПУТАННЫЕ МЫСЛИ

Минкай-агай роптал:
— О, божество!
Дать бедняку могла б совет свой дельный,
Какой предлог избрать

И у кого

Мне для семьи просить надел земельный?

Боль в сердце, словно нож —

По рукоять!

Но сердце все равно не объясняло:

Виновного где можно отыскать

В том, что земли он получил так мало?

Мулла творит задумчиво намаз,

Где истина, как вечность нерушима,

Что после смерти каждому из нас

Земли вполне хватает три аршина.

А, если недоволен ты,

Потом

Тебя заботой сам аллах приветит,

Тебя землей одарит он на том,

А не на этом сумеречном свете.

Минкай молчит.

И представляет лишь,

Как голову его кладут на плаху:

— Да уж, пожалуй, им не угодишь,

Ни этому мулле и ни аллаху.

Кто в безземелье виноват?

Жена.

Кто дочерей рожал подряд?

Жена.

И каждый год, хотя никто не просит,

Очередную дочь в семью приносит,

А ну скажи, кто виноват?..
Вот, например, сосед Зиннат,
Уж он женился не бесцельно:
Пять лет рождались сыновья —
Хоть у него росла семья,
С ней вместе рос надел земельный.

Лошадок пара у него,
Посевы собственные — нива!
Вот так от корня одного
Восходит многоствольно ива.

Минкай простых вещей понять не смог —
Был завистью он ослеплен незрячей:
Сосед Зиннат и сыновей и снох
Давно заставил на себя батрачить.

Еда:
Горбушка с кислым молоком.
Наряд их:
Над заплатою заплата.
У богача любого батраком
Не легче быть, чем сыном у Зинната.

Зиннат твердит:
— Без пота счастья нет,—
Немало сняв с чужой работы пенок.
А если разоряется сосед,
Он землю покупает за бесценок.

Минкай-агай,
Минкай-агай,
Хоть тут вздыхай, хоть не вздыхай,
Не получает женский пол

Земли...

Ну что за произвол!

А коль сынок родится вдруг,
Так пригодится пара рук,
Не то, что траты на девчат,
На платья длинные до пят.

Минкай, коль к дочкам нет любви,
Хулой жену ты не гневи!
Но сына просит принести
Он вместо дочерей шести.

«Аллах, внемли моим устам,
Чтоб сына видеть довелось.

Аллах!..»

Минкай-агай устал
Батрачить до седых волос!

ПОТУХШАЯ РАДОСТЬ

Уже и радость та близка
И на лице сиянье ласки,
А он нередко старика
Без сына
Вспоминал из сказки.

В семье прибавилось мужчин,
И торжество не беспричинно —
Минкай-агай не верит:
— Сын?
Гайнур мне подарила сына?

За месяцами шли года.
Минкай-агай ждал с нетерпением

Раздел земли придет когда,
Да и второй сынок за первым.

Спустя три года
Старики,
В ауле землю разделяя,
Сказали:
«Нет, нам не с руки
Беднягу обделить Минкай.»

Но вновь ему не повезло:
В один из дней зимы последних
От хвори умер,
Как на зло,
Единственный его наследник.

Когда на кладбище шагал
С глазами полными слезами,
Вздыхал:
«За что аллах воздал
Семье такое наказание?!»

УНЫЛАЯ ПЕСНЯ

Германская война.
Четырнадцатый год.
А жизнь всего одна,
И каждый слезы льет.

Один Минкай своей
Заботой удручен:
Отныне дочерей
Не выдаст замуж он.

К нему болезни льнут
И нет наследника.

На фронт не заберут
«Белобилетника».

А песенки слышны
Бывали до войны:

«Вдоль улицы вашей направлясь,
Ограду тотчас разберем,
И дочек — башкирских красавиц —
У вас украдем, уведем».

Минкай был песням рад.

Не рад он тишине.

Все улицы молчат —

Джигиты на войне.

Лишь песню за гумном

На берегу реки

В молчании ночном

Заводят пареньки:

«Шабыр-шабыр,— дождик по крышам
Шуршит и стучит у дверей.
Теперь за безштанных мальчишек
Отцы выдают дочерей».

— Не за душу берешь,

Та песня в тишине,

А, как кровавый нож,

Пронзаешь сердце мне! —

Минкай, от злости лют,

Стоит перед окном.

А пареньки поют

У речки за гумном:

«Война изменила порядки:

Ну чем не приятен, не лих

Старик на девятом десятке —

Для дочери юной жених?»

Хоть люльку покачай,

Пока Минкай нет.

Качай, Гайнур-апай,
И песню спой чуть свет:
 «Дочки мои, доченьки,
 Словно луг цветов.
 Песней напращаны
 Каждой сто сватов.
 А из ста женихов,
 А из ста молодцов
 Выберешь, Гюльнур, всего
 Только одного».

Ах, после песни ей
Еще грустней, чем до —
Ведь бедных дочерей
Не сватает никто.
А их сосед Зиннат
Печалится вдвойне:
Его сынок-солдат
Далеко на войне.
Он сильно похудел,
Но разве легче ей?
Ведь женщины удел
Гораздо тяжелей.
Ведь принято считать
Бывало в старину
Полчеловеком
Мать,
Иль дочку,
Иль жену.
Один совет к тому ж
Мы слышали везде:
Коль ты хороший муж,
Жену держи в узде!
Почаще бей жену,
Ведь ей полезен кнут,

За битую одну
Небитых двух дают.
Суть в истине святой.
Недаром говорят,
Что «долог волос той,
Чей ум коротковат».

ОН ПОНЯЛ...

Сколько ни смотрел Минкай
Из окна своей хибары,
Сколько ни корпел Минкай
Над землею байской даром,—
Так и не прозрел Минкай.

Разве жизнь нехороша?!
Человек рождается, зреет,
Горбится,
Едва дыша,
Окончательно стареет,
Но с собою в гроб не смеет
Унести он ни гроша.
Разве что без мук светлеет
Отлетевшая душа.

Ни имущества,
Ни дома
В гроб с собой не унести,
Хоть их нажил ты законно
В долгом жизненном пути.
Говори: «Прощай, прости!»

Все окутано туманом,
Не придти тебе на пир,

Все опутано обманом.
Ты остался нищ и сир.
Отмахнись ты словом бранным:
«Пусть сгорит он этот мир!»

* * *

Ветром огненным продуло
В октябре весь белый свет:
До башкирского аула
О земле дошел Декрет.

Вихрь листвою красноватой
Устилал родимый край.
Что жеңа не виновата
Понял в этот день Минкай.

Дали землю и на дочек,
Дали землю на жену.
Первый раз Минкай хохочет,
Разгоняя тишину.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Утренний ветер щекочет щеки,
Шуршит листвою лесистых троп.
Капли росы с деревьев высоких
На землю падают:
«Топ да топ».

Травы валяются на суглинок,
Цветов прогибаются стебельки.
Туман,
Сгущающийся в низинах,
Ветер порывистый рвет в клочки,

И ничего, что не видно солнца,—
Восход,
Как огненная река:
В ней лентою золотой несется
Туман
Или редкие облака.

Ветер ласкает и гладит кожу,
Что-то встревоженное шепча,
На материнскую ласку похожий,
Что неизменна и горяча.

Кто там по улице ранней ранью
Быстро шагает?
Это — Гюльнур!
Если повсюду соревнованье,
Разве кто дома высидит, хмур?

В полях идет наступленье ныне:
Все беспокойней,
Быстрей,
Лютей,
Тщательней полют поля полыни,
Сознание пропалывают людей...

Гюльнур к груди прижимает малое,
С каждой зарею в ясли идя,
Свое,
Полуторагодовалое,
Нежное, крохотное дитя.
«Зеница очей моих,
Мое сердце,

Ты для матери целый мир.
Золотце! Крепни, расти усердно,
Помни: отец твой в труде батыр.
Вырастешь,
Станешь в дороге долгой
Солнца светлее, полней луны,
Будешь, как я теперь, комсомолкой —
Ох, как помощники нам нужны.
Будешь служить для других примером,
Будешь учиться — поступишь в вуз,
Станешь пилотом иль инженером,
Ленинский будешь крепить Союз.
Ну, обхвати же меня ручонкой,
Ну, улыбнись, обними меня.
Я молоком накормлю девчонку —
Кровь с молоком!
Горячей огня!»

Мелькает Гюльнур рабочее платье
Утром,
Чтоб заново вечерком,
Матери дочь раскрыла объятия,
С кличем восторга,
С открытым ртом.
Мягким пушком поросшее темя,
Глазки от радости слез полны.
Вот наступило какое время:
Стали и мать и отец равны.
Они относятся к той породе,
Что, соревнуясь, вперед идет.
Он победитель —
Она в почете,
Она победитель —
Ему почет.

Сегодня они обретают силу,
Сердца распрямляя в стране своей.
А сколько до срока сошли в могилу
Отцов, матерей,
Отцов, матерей!..

Сегодня мать — бригадир умелый,
Сегодня мать — горсовета член,
В объятия вуза шагает смело
В небо летит, надевая шлем.

Девушки прыгают с парашютом,
Шелком скрывая неба зенит.
Они навстречу веселым шуткам
Смеются так, что небо звенит.

Все чаще они расстаются с кухней,
Идут вдоль земных и небесных трасс.
Счастье наставшее не потухнет
И не погаснет в блеске их глаз!

Светлая звезда

Памяти командира полка — гвардии подполковника. З. М. Басырова, героически погибшего на фронте Великой Отечественной войны.

В битве мы сильнее тигров.

Г. Тукай

Не собирайся в путь один, без друга.
Пусть встанет в небе светлая звезда,
Пусть проведет тебя сквозь ночь и выюгу,
И всех врагов осилишь ты тогда!

Из песни

ПРОЛОГ

В тот трудный день
Не яблони цвели,
И не туман
Клонился до земли,

И не звучала
Песня соловья,—
Зола и дым
Заволокли поля.

Не жаворонок
Взвился к небесам,
А гром орудий
Землю сотрясал,

И руки заскорузлые
Солдат
Врезались в землю
Сотнями лопат.

Жестокий враг
Спешил огонь раздуть,

Осколками
Терзал земную грудь;

Пошли в поход
Исчадья темных сил,
И ветер смерти
В поле колесил;

Не молния
Дробила своды мглы,
А пушек
Раскаленные стволы.

Шел старый мир на нас,
Огнем дыша,
И гневом
Переполнилась душа!

МОЙ ДРУГ ВАДИМ И МОЙ ЗЕМЛЯК БИЛАЛ

Парень русоголовый Вадим на Байкале рыбачил,
Парус над ним вздувался, качала его волна;
Билал, мой земляк смуглолицый, жизнь на Урале
начал,

Там, где под серые камни пускает корни сосна.
Золото намывал он на берегах песчаных,
Мимо него проносилась серебряная вода;
Был он старатель известный и отыскал неожиданно
Клад, о котором деда мечтали в былые года.

Оба они проворны. Дело сделают мигом!
На свадьбе они балагуры, на отдыхе — весельчаки;
Оба еще безусы — и только по старым книгам
Знают о прошлом, знают, как давние дни горьки.

Счастье, живое счастье стояло над их колыбелью,
Оба молодые были — юность свое брала;
Над ними в высоком небе веселые песни звенели,
Их жизнь была полноводна, радостна и светла!

.

Прибыли два солдата с разных концов державы,
Не знали друг друга прежде, но думали об одном;
Страна повела обоих дорогой воинской славы,
Страна их широкие плечи покрыла шинельным сукном.

Дороги воинской славы, дороги в огне и дыме...
Стертые до крови ноги... черных пожарищ чад...
Стали они друзьями, стали они родными:
Самое сокровенное брату доверил брат!

Пускай они были несхожи лицом и оттенком кожи,
Но дружбу их освятило пламя большой войны;
Отчизна в огне сражений стала еще дороже,
В боях закалялись братья — земли золотой сыны.

Защитные их петлицы покрылись серою пылью,
Выгорели на солнце волосы двух бойцов,
На лбах загорелых морщины свою тропу проложили,
В лицо им войнадохнула пороховым и свинцом.

Путь их пролег через пущи, через леса и трясины,
А над лесами клубился душный июльский зной;
Два бойца-пехотинца, два парня, два храбрых сына
Жили одной надеждой и думой и мыслью одной.

Они не мечтали о славе, но гордой воинской чести
В сраженьях не уронили — им честь была дорога!
Когда надвигалась опасность, оба солдата вместе
В первых рядах бросались на яростного врага.

Горе страны давило на их молодые плечи,
В походах немало горя на долю выпало им.
Но дружба — она и горе и тяжкую рану лечит!
Так шли по войне два брата, два друга — Билал
и Вадим.

ПЕРЕД ГЛАЗАМИ — ВОСТОК...

Пролег по холмам и болотам путь отступленья
жестокий.
Идем и, на солнце глядя, душе говорим: живи!
Солнце — оно перед нами поднимается на востоке,
Заходит за нашей спиною, захлебываясь в крови.

Сколько верст за плечами, сколько до боли милой
Земли за спиною осталось, священной, родной земли;
Земли, в которой старинные дедовские могилы,
Земли, над которой зори нашего детства цвели!

Сколько песен печальных, сколько берез и елей,
Сколько детей любимых, домов, сожженных дотла!
Павших в кровавой битве лежат на земной постели
Доблестных и незабвенных друзей дорогих тела.

Извилистая дорога, черная пыль в гортани;
Пусть тяжела твоя доля — солдату плакать нельзя!
Идет на восток колонна. Скупые слезы глотая,
В суровой той колонне шагают мои друзья.

Не за одно оружие сегодня солдат в ответе,
Не только за жизнь солдата идет сегодня борьба:
Слова великой надежды приносит восточный ветер,
Лежит на плечах пехотинца бескрайной страны судьба.

Вадим и Билал шагают... Хотел бы я вместе с ними
Запеть, чтобы песня эта осталась в веках жива,
Чтоб эта песня осталась памятью о Вадиме,
Чтоб в этой песне навеки остались Билала слова!

Шагают солдаты, в поту и пыли;
Я сердцем с ними в ладу,
Я с ними пойду хоть на край земли,
Я с ними рядом иду!

ЗА СПИНОЙ — МОСКВА

Отходит рота — новое село
Покрылось черной тенью;
Какою болью в сердце к нам вошло
Страданье отступленья!

Пусть про название этого села
Не все из нас спросили,—
Его печаль нам будет тяжела:
Ведь это часть России!

Враг все испепеляет на пути,
Людей лишая крова,
Но мы придем, должны назад придти!
Все отвоюем снова!

О Родина! Пожар еще не стих,
Но сильными руками
Мы отомстим за городов твоих
Поруганные камни...

• • • • •

Дышит поле копотью и гарью,
Гнев клубится в воздухе сыром,
Над землей, в огнях зарниц и зарев,
Мечется тяжелокрылый гром.

Молнии сверлят ночную темень,
Бурю неизбежную суля,
Но молчит, окутанная тенью,
Горем опаленная земля.

Приказали роте в землю врыться,
На лопату нажимай, нога!
Здесь рубеж. Здесь доблесть распрямится
В полный рост перед лицом врага.

Мчатся громы над землею русской,
А Билал врывается, как крот,
В глину. Он возводит крепкий бруствер;
По спине течет соленый пот.

Дождевой воды полно в окопе,
Каской воду черпает солдат;
Жадный дождь траншею не затопит,—
Вгрызлись в землю лезвия лопат.

Гневом и отвагою объяты,
В пересверке множества зарниц
Яростно работают солдаты:
За спиной — столица всех столиц!

За спиной Москва — столица мира;
За нее, в огне лихих годин,
Встали на смерть братья — сын башкира,
Русский, и татарин, и грузин.

И Билалу сквозь свинцовый воздух
Видится, как, выстоять веля,
Алые рубиновые звезды
Поднялись над башнями Кремля.

Ловко он орудует лопатой,
Он склонить не хочет головы;
Никогда не будет враг проклятый
Пировать на улицах Москвы!

О Москва! Ты сердце всей России,
Из очей твоих струится свет,
Живы мы, хоть нас свинцом косили,
Без тебя, Москва, нам жизни нет!

За тебя принять готовы муки,
Отстоять тебя в святом бою.
Видишь, как окрепли наши руки?
Мы спасем тебя — любовь свою!

По позициям в плаще зеленом
Командир проходит боевой,
Он к бойцам, в работу углубленным,
Обратился с речью огневой:

— Слушайте, друзья! Великой клятве
Всей душой, всем сердцем мы верны:
Защитят Москву народы-братья,
Здесь пройти фашисты не должны!

— Не пройдут! — кричат ему солдаты.
Тонны грунта кажутся легки,
В липкий грунт врезаются лопаты,
Гладкие чернеют черенки.

До рассвета в землю вгрызлась рота,
Сердце и оружие на посту.
Крепких рук упрямая работа
Победила ночи темноту.

Протянулись темные окопы
По полям в колосьях и цветах;
В этот миг из пушек всей Европы
Вновь огонь открыл проклятый враг.

.

Кажется, огонь сживет со свету
Всех друзей в траншее роковой...
Только для солдата смерти нету:
Как там ни мудри, а он живой!

Лютовал фашист — упиться кровью
Захотел... Боец остался цел,
Он с пилотки стряхивает комья,
Проверяет тщательно прицел.

Он готов идти в огонь и воду,
Если надо — жизнь в бою отдать
За Отчизну, за ее свободу,
За Россию — всех народов мать.

...Приподнялся Вадим, кругом глядит,
Билала ищет — друга своего:
— Ну как, покуда цел? Скажи, джигит!
Еще живой, ну, значит, ничего...

Порядок, значит! Пронеслась бомбежка,
А ты глядишь, как прежде, молодцом:

Все под рукой — и автомат и ложка,
А здесь, в окопе, нам и стол и дом!

Пока тебе верны глаза и руки,
Вперед, солдат, с надеждою гляди.
Придем домой... забудем эти муки,
Невест увидим... Праздник впереди!

А если пуля угодит шальная
В висок, ну что ж, придет конец тогда,
Хоть жить и жить нам без конца и края
Не надоест, должно быть, никогда.

И то сказать: со смерти взятки гладки!
Да что гадать! Покамест все в порядке.
Коль суждено, домой вернемся мы,
И вся Россия скажет нам спасибо!..
Вдруг, воплощение подлости и тьмы,
На них пошли фашистских танков глыбы.

Встал Билал, вложил запалы.
Вся родимая земля
Обратилась к Билалу,
В битве выстоять веля!

Тяжело солдаты дышат,
Каждый в сердце все решил;
Землю русскую колышет
Тяжкий ход стальных машин.

И, быть может, сердце сжалось
У иного в этот миг...
Но отвага подымалась,
В бой звала друзей моих.

Лишь отвага и упорство
Помогают в битве той,
Где идет единоборство
С черной гибелью самой!

А кому на этом свете
Только шкура дорога,
Тот бежит от лютой смерти,
Но умрет наверняка.

В лик войны взглядишь без дрожи,
В сердце страх сумеи унять.
Жизни собственной дороже
Нам, друзья, Отчизна-мать!

БИЛАЛ ЖДЕТ...

Билал в поту,
В пылу Билал
К сырой земле
Лицом припал.

И новую
Отвагу в грудь
Ему земля
Спешит вдохнуть.

И видит он, что не дают пощады
Артиллеристы алчному врагу:
По башням бьют тяжелые снаряды...
И слышит он железную пургу.

Враги хотят, чтоб гордые согнулись,
Хотят у нас отнять и хлеб и кров,

Они хотят красу московских улиц
Залить огнем из тысячи стволов.

Глядит Билал, как, землю разминая,
К траншее узкой медленно идет
Машина многотонная стальная,
Угрюмый броненосный самоход.

Крестом когтистым черный танк украшен.
Под ним народы корчились в пыли.
Ужели лягут тени этих башен
На тело нашей матери-земли?
Так что ж, бежать?
Раздавит и пройдет,
Таясь, лежать?
Покатится вперед —

Всей сталью плит,
Колес и гусениц,
Чтоб кровь пролить,
Чтоб слезы полились...

...И тут Билал увидел вдруг,
Как из окопа кто-то вылез,
Винтовку выронил из рук,
Глаза от страха округлились.

Он бледен, он белей стены,
Дрожит, руками в воздух тыча,—
Нет, он не сын родной страны,
Он жалкой трусости добыча!

Он точно призрак мертвеца,
Он тень своей постылой смерти.

Сильны солдатские сердца,
Они предательства не стерпят!

Билал подумал: «Я смогу ль
Стерпеть? Нет, вытравить заразу!»
Он выстрелил. Но десять пуль
Пронзили сердце труса сразу.

Свинец из десяти стволов,
Дымков белеющая стая...
Да, здесь не нужно лишних слов,
То кара Родины простая.

Свалился трус. Свалился в прах.
Он мертв, ему пощады нету;
Казалось, собственный свой страх
Убил Билал в минуту эту...

Удобного мгновенья ждет Билал,
Чтоб черный вихрь металла
Не поразил его... Теперь пора!
Оно уже настало!

Привстал боец. Схватиться он готов
С машиною стальнойю.
Все ближе танк, но сердце не дрожит,
Оно готово к бою.

Билал стоит. Он, словно богатырь,
С землей родимой сросся,
Ведь для него шумят ее леса
И шелестят колосья.

Раздался взрыв. Земля потрясена,
Окоп окутан дымом,

Но чудище еще ползет... Ужель
Осталось невредимым?

Ужель не меток был боец Билал,
Иль силы не хватило?
Ужели будет танк ползти вперед,
Терзая край наш милый?

Но вот завыл и завертелся танк,
Угрюм и безобразен,
И, словно кожа с гадины змеи,
Сползают цепи наземь...

Он вправо накреняется чуть-чуть,
Он дернулся и замер.
— Теперь вам больше не открыть огня,
В огне сгорите сами!

ТАНК НАД ОКОПОМ БИЛАЛА

Но пока Билал и Вадим вдвоем
Расправлялись с танком врага,
Много новых машин показалось вблизи,
Не стихала огня пурга!

Друг за другом ползут они, сея огонь,
Громохвая, смердя, рыча.
Многотонная тяжесть на узкий окоп
Навалилась, легла, горяча...

Едким дымом траншея наполнилась вся,
Темной сталью оделась высь,
Яркий солнечный день почернел, как ночь,
Но в мозгу не померкла мысль:

«Неужели я выполнить долг не смогу,
Отомстить врагу не решусь?
Неужели я в тесном окопе своем
Пропаду, как последний трус?»

Переполз траншеею тяжелый танк.
Встал, пошатываясь, Билал
И, бутылку с горючей смесью схватив,
Вслед машине ее послал.

И машину смерти окутал дым,
И туманом оделся простор,
Побежали вверх языки огня,
Запылал, загорелся мотор.

— Молодец! — кричит Билалу Вадим, —
Пусть они убивать мастаки,
Пусть беснуются, — Гитлера угомоним,
Обломаем ему клыки!

«Думал, мы тебе поднесем хлеб-соль,
На колени падем пред тобой?
Только нет в России таких людей,
Мы еще разочтемся, постой!»

Так решил Билал. И увидел он,
Как машины идут, пыля;
И в груди у бойца нарастает гнев,
И горит и дымится земля.

Но ее умертвить не сумеет враг!
Землю взрыв потряс — и Билал
На угрюмый дерн, на окопа край,
Обливаясь кровью, упал...

...До вечера гремел жестокий бой,
Ряды бойцов отважных поредели,
Немало их в сражение полегло
За честь Отчизны, милой с колыбели.

Всю кровь до капли отдали они
За Родину и за ее победу,
Они в штыки ходили на врага,
Их ярость в битве подлый враг изведal.

И, не жалея юности своей,
Во имя человечества сражаясь,
Они, гранаты крепко сжав в руках,
Под танки многотонные бросались.

А кто остался жив, не отступил,
Хотя и был в тяжелой битве ранен.
Враг отошел, прорваться не сумев.
Настала тишина на поле брани.

ВАДИМ УХОДИТ НА ПОИСКИ...

Солдаты перевязывают раны,
У бруствера присел Вадим Белов;
Неподалеку, пламенем багряным
Одеты, танки, словно куча дров.

Их алчные водители мечтали
Нас удушить, стереть, зажать в кольцо,
Но в смертный час сквозь щели увидали
Они солдата русского лицо.

Им слишком долго было неизвестно,
Что велика, грозна России месть,

Что на земле советской нет им места,
Зато под ней — им много места есть!

Над степью голою, пропахшей гарью,
Повис заката обагрённый стяг...
Вадим молчит, разматывая марлю,
Кровь на руках его и на щеках.

Потом глядит он на солдат бывалых,
Глазами жадно ищет он Билала,
Но не видать джигита среди них.

У ротного он просит разрешенья
Идти искать пропавшего бойца,
Туда, где полыхал огонь сраженья,
Где встали насмерть русские сердца.

Темно, но скоро солнце встанет ало,
И свет зари поднимется багров.
Искать солдата храброго Билала
Идет другой солдат — Вадим Белов.

Кипела от восхода до заката
На этом поле смертная борьба...
Не здесь ли яблони цвели когда-то
И поднимались пышные хлеба?

Вот и окоп. Вадим прилег, с ним рядом
Лежит боец — он на спину упал,
И, мрак ночной пронзая зорким взглядом,
Узнал Вадим, что перед ним Билал.

Он без сознания. Еле-еле дышит.
И вот Вадим к его груди приник.

Сердцебиенье слабое он слышит:
Жив богатырь! Не сломлен фронтовик!

— Солдат, ответь мне, что с тобой
случилось?

Коль жив, солдат, так поднимись и встань!
Ведь ты терпел, когда и сталь крошилась,
Выдерживал, когда сгибалась сталь...

Куда ты ранен, что тебя свалило?
Никак наощупь раны не найду...
Как мне вернуть тебе былую силу?
Я руку на сердце тебе кладу.

Сквозь пелену доносится к Билалу
Знакомый голос — это он, Вадим!
Опять спасает друга, как бывало,
Хороший друг. Хвала друзьям таким!

Знакомый голос в сердце проникает,
Как солнца луч, как приказанье — жить!
Как песня человеческая, такая,
Что все недуги может исцелить.

Он открывает очи — сотни звездных
Больших огней пронзают небо вдруг...
Каким огнем одет прозрачный воздух,
Какое счастье — знать, что рядом друг!

Билал рукой, зубами скрипнув, двинул,
Вадим взглянул с заботой на него,
Поняв, о чем тот просит, флягу вынул
И напоил он друга своего.

Сырым платком отер лицо солдата,
— Билал... родной мой, — прошептал любя.

Для нас, бойцов, законы дружбы святы.
Солдат спасенный приходил в себя.

Промолвил он: — Вадим, голубчик, ты ли?
Меня нашел ты? Но ведь ночь темна...
Вадим в ответ:— Ни ночь, ни бури крылья—
Ничто для дружбы, коль она верна!

Друзья такие познаются в горе,
А не на свадьбе, под бокалов звон;
Идти в огонь с решимостью во взоре,
Спасая друга,— это наш закон!

Взлетают к небу яркие ракеты,
Сторожкую расцвечивая тьму,
Своим бинтом товарищ поделился,
Склонясь к Билалу, он помог ему.

Билал теряет иногда сознание,
Потом в себя приходит он опять
И чувствует спокойных рук касание,
Не устающих рану бинтовать.

Нет, не окровавленными бинтами,
А силой сердца спас Билала друг!
Хотелось это выразить словами
Билалу, но солдат забылся вдруг.

НЕ БРОСИЛ ТОВАРИЩА...

Думает Вадим: «Пора в дорогу,
Скоро сгинет ночи пелена,
Дел немало переделать надо,
Праздник впереди, сейчас война...»

Сильными солдатскими руками
Оторвал Билала от земли.
Тяжело идти с такою ношей,
Труден путь, но сердце так велит!

Ускоряет он шаги и слышит
Шорох, или шепот, или шум,
Может, шелест листьев. Но Вадиму
Разное приходит тут на ум.

Быть может, это за кустом
Враг шевелится?
Быть может, оземь бьет крылом
Ночная птица?

Иль, может, то, оторопев,
Стрельбы пугаясь,
Шныряет посреди степей
Трусливый заяц?

Иль это раненый ползет,
Ползет и стонет?
Но он родную часть найдет,
Друзей догонит!

Иль это враг,
Скрывая страх,
Проходит мимо,
Чтоб в тыл зайти
И вновь уйти
Неуловимо,

Чтоб все секреты разузнать,
Все тайны вызнать

Для тех, кто хочет растоптать
Мою Отчизну?

.

Вадим глядит в ночную тьму,
Ночь, как смола, густа.
Перед собою в двух шагах
Не различить куста.

Вадим глядит в ночную тьму,
Тревожно одному.
Куда и по какой тропе
Теперь идти ему?

Здесь поле боя, здесь идет
Великая борьба,
Твоей земли, твоих детей
Решается судьба.

.

Сомненья нет,
Идут враги,
И тишине конец.
Слова чужого языка
Услышал вдруг боец.

Куда пойдет боец Вадим?
Ведь не видать ни зги.
В какую сторону теперь
Направит он шаги?

И честь и совесть в нем живут,
Они ему велят:
В час трудный друга не бросай,
Держись прямей, солдат!

Вадим товарища несет.
Святой закон у нас:
Не оставлять друзей в беде
В тяжелый, горький час!

КИНЖАЛ С СЕРЕБРЯНОЙ РУКОЯТКОЙ

Вадим воронку отыскал —
Окапываться поздно,—
И вражья бомба иногда
Бойцу приносит пользу.

Враг бесновался целый день:
Убить «Ивана» надо!
Тебя, Вадим, тебя, Билал,
И всех, кто с вами рядом.

Стоял над ними мрачный гул
Враждебных эскадрилий,
Родную землю исхлестал
Осколков черный ливень.

Не умерли богатыри,
Хоть их убить хотели...
Воронки — тысячами ран
На исполинском теле...

Воронка в поле для тебя
Становится окопом.
Земля ведь наша — мы ее
Своим вспоили потом!

Ну что ж, воронка хороша,
Копать окоп уж поздно.

И вражья бомба иногда
Бойцу приносит пользу.

...Вадим увидел, что враги
Вблизи, почти что рядом.
Когда бы мог он их скосить,
Не дать бы им пощады!

Страна в шинели боевой,
Она всегда с тобою.
Воронка эта — твой рубеж,
Победу вырви с боя!

Пока клокочет в жилах кровь,
Рази врага без страха,
Свали — пусть станет мертвецом,
Пусть станет горстью праха!

Поднялись немцы в полный рост,
Увидели солдата,
Но тут по ним хватил Вадим
Свинцом из автомата.

Потом он в скопище врагов
С плеча гранату мечет;
Ее осколки чужаков
Карают и увечат...

Вот чей-то стон, вот чей-то крик,
Вот кто-то взвыл от боли...
Бегут, бегут они, топча
Немерянное поле!

Но за спиной к нему подполз
Солдат — детина ражий,

— А, обмануть меня хотел!
Постой, ублюдок вражий!

Ты волк, змея, охотник — я,
Я не стреляю мимо,
И в выстрел вкладываю я
Свой гнев неукротимый.

И очередь дает Вадим,
И вот, окровавленный,
Фашистский падает солдат,
Его свинцом сраженный.

Что ж, ладно, одного скосил,
Не то еще бывало!
Он чувствует, что новых сил
Прибавилось немало.

Да, он нанес врагам урон,
Но всех ему не срезать,—
Вот два фашиста с двух сторон
В его воронку лезут.

Свалил прикладом одного
Вадим, исполнен гнева,
Но тут подполз к нему другой
И навалился слева.

Бойца схватил за горло враг,
Набросился с нахрапа:
Он хочет рот ему заткнуть,
Забить вонючим кляпом!

Уж враг Вадиму горло сжал —
В тиски попала шея.

Но вдруг блеснул стальной кинжал
На поясе злодея.

— Ты хочешь «языка» достать,
Моя, мол, песня спета,
Меня к земле решил прижать...
Э, нет, не выйдет это!

Висит эсэсовский кинжал,
Нож палача народов.
В руках убийцы не дрожал
Кинжал в былые годы.

Где силы смог товарищ взять?
Вадим кинжал хватает
И в грудь врага по рукоять
Стальной клинок вонзает.

Чтоб сотням женщин не рыдать,
Кляня судьбину вдовью,
Серебряную рукоять
Вадим забрызгал кровью.

Он встал. Он дышит тяжело,
Едва стоит, усталый,
Зато лицо его светло,
Как будто солнце встало...

Затем, что друга защитил
Вадим в бою кровавом,
Затем, что он не уронил
Своей солдатской славы!..

Долетели до Вадима
В миг, когда он поднялся,

Шум шагов неутомимый,
Пехотинцев голоса.

Рассвело. Идут солдаты.
Да! Бойцы пришли за ним.
Полный радостью расплаты,
Громко закричал Вадим.

Подняли с земли Билала
Руки верные друзей.
Солнце красное вставало,
Становилось все светлей.

В госпиталь бойца доставят,
Раны скоро заживут,
И солдаты к новой славе,
К новым подвигам пойдут.

Вновь пойдут они с оружием
В путь, под знаменем полка,
Нет верней солдатской дружбы,
Дружба славная крепка!

Рассказ мой близится к концу,
Но длинный путь не завершен.
Над ним еще свистеть свинцу,
Еще шуршать шелкам знамен.

Еще идти друзьям моим,
Еще шагать им вновь и вновь
Через лесных пожаров дым
И реки быстрые, как кровь.

По пепелищам им идти,
Идти в степях, топча полынь,
Людей спасая по пути,
С рабов снимая кандалы.

Еще идти моим друзьям
Десятком стран, сквозь битвы дни,
Пока наш флаг не водрузят
Над вражьем логовом они.

Повержен наземь будет враг,
Закончат войны поход,
И над рейхстагом алый флаг
Как знамя мира расцветет!

Придет Победа! И тогда
Настанет праздник золотой,
Тогда для мира и труда
Вернутся воины домой.

ЭПИЛОГ

Я дружбу верную пою,
О ней слагаю песнь мою,
В бою и в трудовом строю
Я дружбу светлую пою.

О дружбе будем петь, друзья!
Союз народов нерушим,
Мы вместе все — и нам нельзя
Идти вразброд, путем иным.

О дружбе песню мой народ
Певал во мгле былых времен,

И эту песню внукам, нам,
Оставил в назиданье он:

«Э-эй...

Чтобы проехать через лес дремучий,
Запрячь хороших надобно коней.
Не близок путь, заткали небо тучи.
И жить на свете трудно без друзей!

Пусть будет друг твой верным и суровым,
Пусть он с тобой разделит хлеб и соль,
Чтоб друг за друга были вы готовы
Пойти в огонь, принять и смерть и боль.

Не собирайся в путь один, без друга.
Пусть встанет в небе светлая звезда,
Пусть проведет тебя сквозь ночь и вьюгу —
И всех врагов осилишь ты тогда!

В густом лесу, над водами Идели
Запела птичья вольная семья.
Не одинок я в горе и весельи,
Есть у меня надежные друзья!..»

Та песня истине верна,
Глухой пропетая порою,
Сегодня в жизнь воплощена,
Она сияет предо мною.

Она спокойна и горда,
И никогда мы ей не чужды,
В моей стране, стране труда,
Сверкает песня вечной дружбы.

Все, что велит она, сверши!
Она в труде, в сиянье неба

И в разделенном от души
Ржаном и теплом ломте хлеба.

Та песня — в ленинских томах,
В колхозных золотых раздольях.
Наш новый день в ее словах
Пылает светлою звездой.

Она рубинами Кремля
Московский озаряет вечер,
Надежду светлую суля
Для всех народов и наречий.

О дружба! Мы всегда, везде
Ее родным огнем согреты.
Есть в нашем радостном труде
Сиянье светлой дружбы этой!

Мы с ней, великой, отстоим
Мир на земле, всем людям милой,
Чтоб не страдать друзьям моим,
Чтоб только счастье им светило.

Не за нее ли шли мы в бой
И спали под одной шинелью,
Одной одушевлялись целью
И меткой славились стрельбой!

Мы с нею шли в огонь и тьму,
И нету этой дружбы краше.
Мы не позволим никому
Топтать родную землю нашу.

Ее знамена развернув,
Шагали в грохоте походов,

В бой за великую весну,
За вечный мир для всех народов.

Над миром счастья и труда
Встает рубиновое пламя —
То путеводная звезда,
Звезда Кремля горит над нами!

1948 — 1949

В ТИХИЙ ВЕЧЕР

1

Деревня. Ночь. Стоит июль.
Наполнен воздух тишью.
И с неба, от далеких звезд,
Лучи скользят на крыши.

Но почему бледны лучи?
А это очень просто:
Из всех окошек — солнца свет,
На всех воротах — звезды...

Повсюду тишь. И лишь в полях,
За бесконечным трактом,
Идет работа день и ночь,
Гудит негромко трактор.

Из темноты, из-за реки,
Тальянки звук всплывает,
И кто-то грустно там поет
И песню обрывает.

А у околицы, в саду,
С дневным расставшись шумом,
Стоят березы и дубы,
Своим предавшись думам.

Они зимою против бурь
Стеной стоят, не плача,
Чтоб летом слушать по ночам
Слова любви горячей...

Июльский сад. В тени ветвей
Цветут цветы на грядках,
И кажется, деревня вся —
Как в праздничных нарядах.

Уже заснули старики
На мягком теплом ложе,
А здесь веселый слышен смех,
Здесь — игры молодежи.

И вновь Назу, Гальябану
Припомнит тот, кто весел, —
Девчат хороших имена
Из наших старых песен...

Полночный сад. Земля в цвету.
Просторы голубые...
Уже затихло все в саду,
Осталось двое в том саду...
А кто ж они такие?

2

Ильяс мечтает о Райсе,
Все бродит по тропинке.
В кино приходит первым он,
Ни разу вечеринки

Не пропустил. На танцы он
Всегда берет билеты.
На нем костюм оттенка «беж»
И желтые штиблеты.

А ныне — смолк гармошки звук,
И тут случилось чудо —
Ильяс промолвил: — Взять слова
Прекрасные откуда?..

— Ищи их в сердце у себя,—
Ответила бесстрастно.—
Там, где есть правда,
Там слова
Обычные — прекрасны.

Ильяс, волнуясь, рвет цветы,
Красу их восхваляет.
Один из них на грудь Райсы
Он приколоть желает.

— Я астру дам, коль ты возьмешь,
Я розу дам, коль ты возьмешь
И коли не забудешь,
А будешь только обо мне
Ты тосковать, горя в огне,
И сердцем помнить будешь!

Она в ответ: — Неужто мне
Цветы необходимы?
Красивей молодости я
Цветов не находила...

Как мотылек, что к огоньку
Летит, прельщенный светом,
Ильяс все около Райсы
Так и кружит с букетом.

Райса ему:
— Не ты весной
Работал тут на славу —
И разве ты дарить цветы
Теперь имеешь право?

Ильяс в ответ: — Да что цветы,
Что их благоуханье,
Когда останется от нас
Одно воспоминанье!..

Зарю, и звезды, и луну
Ильяс вплетает в песню.
Никто, пожалуй, песни спеть
Не смог бы интересней.

Он, к иве прислонясь, поет
О ночи, о прохладе.
«Ты полюби меня, Райса»—
Звучит в горящем взгляде.

Райса пытается уйти.
— Постой!..— Мольба во взоре.—
Бывает редко, лишь весной,
Такое вот предзорье.

Пройдут года. Мы будем жить,
По юности тоскую...—
Ильяс бы, верно, продолжал
И дальше речь такую,

Но прервала его Райса:
— Тоской столетней веет
От слов твоих! Кто светлый день
Отнять у нас сумеет?

Откуда взял ты те слова,
Из древних книжек?
Иль ты старик и из ума
Недавно выжил?

А сколько лет тебе, мой друг?
Открой мне карты.
А сколько в бороде твоей
Седин? Считал ты?..

Райса встает, идет домой,
Холодная, чужая.
Ильяс остался? Нет, идет,
До дома провожая.
Райса идет. Ильяс — левей.
Идти не смеет рядом.
Готов он провожать Райсу
Домой раз десять кряду.

Подходят к берегу они.
Все тихо и знакомо,
И только радио еще
Поет из окон дома.

Вот и ворота. Эх, Ильяс,
Напрасны ожиданья!
Райса уже вошла во двор
И молвит: — До свиданья!

Он слышит легкий скрип дверей,
Открытых ею плавно...
— Сказал я столько нежных слов,
А не сказал о главном.

Должно быть, ключ никак найти
Не смог я к сердцу милой.
Неужто нет у летних звезд
Любовных чар и силы?

Ильяс уходит, весь горя.
Уж брезжит ранняя заря.

Не может долго он уснуть...
Тоска ему сжимает грудь.

Он мочит голову водой...
Ах, как ему обидно!
А сердце будто бы в огне,
Хоть пламени не видно.

Ильяс влюблен, теряет сон,
Ему к Райсе опять бы.
Он весь горит... Что станет с ним,
Коль будет так до свадьбы?..

РАЙСА

1

Но кто Райса? И где росла?
Где воду из ручья пила?
Какой тропинкою прошла,
Пока в один из добрых дней
Я не решил запеть о ней?

Райса Булатова идет:
Горит ведро эмалью,
Коса заплетена. Плечо
Прикрыто белой шалью.

Идет веселая Райса,
Сама весна, сама краса.
Куда ведро несет свое?
Решила полоскать белье?

Райса минует Красный Яр.
Бежит за нею пес Кашкар...

Пока идет она к реке,
Свернем обратно к дому,
И, продолжая наш рассказ,
Там подождем ее мы.

2

Вот дом родительский стоит,
Окутан тихим садом.
Взглянуть разок — и от него
Не оторваться взглядом.

Кусты черемухи растут,
Рябина и малина
Зеленой тянутся грядой
Вдоль всей ограды длинной.

В уютном доме — тишина.
На стенах — солнца пятна.
Цветы повсюду — хна, герань,—
Все чисто и опрятно.

Узорным кружевом кровать
Блестящая покрыта.
Подушки, словно индюки,
Нахохлились сердито.

На этажерках — книг ряды,
Собрание сочинений.
Всех выше красные тома —
Родной учитель Ленин.

Пониже — Пушкин и Толстой,
И Горький (рать какая!),

А рядом песни Гафури
И славного Тукая.

Стоят Мичурина тома —
Полет его дерзаний...
Здесь все, что дорого Райсе,—
Сокровищница знаний.

Пластинки здесь — «Урал», «Хакмар»¹
(Я их люблю, не скрою);
Райса заводит патефон,
Случается, порою.

А между окон, на стене
Висит портрет солдата,
Большой портрет ее отца,
Отважного Булата.

И повествует нам портрет
О подвигах героя,
Два красных ордена горят
Вечернею зарею.

Его теперь уж больше нет,
Он пал, и все ж не в силах
Живую славу погасить
Холодный мрак могилы!

Она жива, коль на фронтах
Сражался он с врагами
И коль к счастливой жизни шел
Широкими шагами.

¹ Башкирские народные песни.

И словно памятник ему—
Бушует сад веселый.
И шум и гомон потому,
Что, оглашая доли,
Бегут ребята в школы.

И, словно памятник ему,
Свет в каждом нашем доме,
И радость в смехе детворы —
В счастливой нашей доле...

...Хлопочет здесь Аскап-апа¹,
Она всегда в заботе,
Она по мужу топит скорбь
В своей большой работе.

Она натруженной рукой
Стирает пыль с портрета,—
И словно меньше вдруг печаль,
И словно больше света.

Здесь не всегда царила тишь,
Но ветры засвистели,
И восемь выросших орлят
Из дома улетели.

Кто нам ответит: где они?
Об этом скажут письма:
В столице, в тундре и в степи —
На стройках коммунизма.

Ведут железные пути
Сквозь горы и долины.

¹ А п а — почтительное обращение к старшей женщине.

Осталось трое сыновей
На подступах к Берлину.

Здесь не всегда царила тишь
Но ветры засвистели,
И восемь выросших орлят
Из дома улетели.

Уйдет последнее дитя,
И мать останется, грустя.
Но кто покинет отчий дом?
Сейчас до этого дойдем.

3

Родная школа! Дверь твою
В последний раз закрыла
Райса. Но вспомнить о тебе
Всегда ей будет мило.

Куда б ее ни увели
Потом пути иные,—
Останутся в ее душе
Твои лучи родные.

В руках медаль и аттестат,
Но у Райсы забота —
Что сделать ей: пойти ли в вуз
Или идти работать?..

.

Недавно спор шумел в саду.
Райса была сурова
И долго слушала друзей,
Не обронив ни слова.

Одна подруга говорит:
— Стать доктором хочу я.
С любой болезнью сладит он,
Простых людей врачуя.

— Пилотом — я! — сказала так
Другая, вся в веснушках,
Остановив лукавый взгляд
На девушках-подружках.

Ильяс вмешался в разговор:
— Мечта твоя нелепа.
Коль не боишься ты упасть,
Что ж, поднимайся в небо...

На то последовал ответ:
— Ты не гонись за славой, свет!
Боишься волка ты, Ильяс,—
Тебе на печке в самый раз!

И снова смех, и кто-то стал,
Не зная в споре меры,
Труд педагога прославлять,
А кто-то инженера...

Но было ясно для друзей,
Что в споре каждый равен,
Ведь труд любой в стране у нас
Почетен, нужен, славен.

4

Райса давно уже хранит
В душе одно желанье:

Взрастить сады по склонам гор
И, выйдя ранней ранью,

Увидеть яблони, айву,
А в поле чтоб шумела
Пшеница колосом литым,
Взращенная умело,

Чтоб на уборку зрелых нив
Направить все усилия
И чтоб колхозная жила
Деревня в изобилье
Во время отдыха, труда,
И в будни, в праздники — всегда.

...Райса не вслушивалась в то,
Что говорят другие.
Перед глазами у нее —
Сады, луга живые;

Пшеница колосом литым
Тянулась к солнцу, к свету...
Когда ж исполнятся мечты?
Скорей бы было это!

Однако знания нужны,
Они всему порукой!
Заставишь камни расцвести,
Коль подойдешь с наукой!

.

Райса, опять сложив белье,
Берет ведро свободно.
Пути, что нужно ей пройти,
Мечты, что будут на пути,
Влекут ее сегодня.

Райса минует Красный Яр.
За ней, конечно, пес Кашкар.
Вот дом. И мать навстречу ей:
Здесь двое ждут ее гостей.

Быть может, юноши-орлы?
Иль старики седые?
Давно ли знает их Райса
Иль видит их впервые?

А на столе — хлеб, масло, мед
И самовар бывалый...
Пора, друзья, вести нам речь
О двух гостях, пожалуй...

ДВОЕ ГОСТЕЙ

1

Хурмет — с седой бородой
Сидит, любитесь избою.
Он жизни опытом известен,
По праву он на лучшем месте.

Года идут, Хурмет спокоен,
И, словно дуб, могуч и строен.
Не может он, на хворь ссылаясь,
Жить, на печи весь день валяясь.

Хурмет — старик иного склада,
Любой работе сердце радо.
— Что мне лежать? Немного прока,
Лишь постареешь раньше срока...

А кто лежать имеет право?
Ведь жизнь идет у нас на славу,—

Она прекрасна, дела много,—
Стареть нам некогда, ей-богу!

Да и стареть — с чего бы это,
Когда повсюду столько света,
Когда в стране привольно правде!
Стареть? От этого избавьте...

И наш Хурмет и дни и ночи
Об урожае все хлопочет.
Сейчас сидит он, размышляя,
Пред ним дымитя
Чашка чая.

А вот сидит Багау рядом,
Он — богатырь с веселым взглядом.

В его плечах
Не меньше метра,
А взгляд его
Хороший, светлый.
На пиджаке, что выцвел малость,
Трех орденов следы остались...

Кто ж он такой, Багау этот?
В былые годы спал в кюветах,
Шагал в строю зимой и летом
И воевал за власть Советов.

Он помнит боевые даты:
Громил он Дутова когда-то,
И Колчака он бил в Сибири,
И, как солдат, мечтал о мире...

Вернулся он к родному месту,
Отстроил дом, нашел невесту.
Но жил отчизны всей судьбою
И вновь наполнен был борьбою.

Сказал:

— Немало мы страдали
И кровь за счастье проливали.
Совместно впредь работать будем,
Как научил нас Ленин, люди!

Он становился с каждым годом
Сильней — он был всегда с народом.
Отстроил школу для колхоза,
В кулацком доме ясли создал.

Он воевал за власть Советов,
Распознавал врага секреты,—
И хлеб закопанный нашел он,
Мечтой об общем счастье полон.

Пошли дела колхоза в гору,—
Ему любое дело впору.
Багау — первым неизменно,
И с песнею косил он сено.

И он, конечно, не случайно
Мог встать на мостике комбайна,
И убирать хлеба колхоза,
И торопить с зерном обозы.

Он мыслью смелой вдохновляет,
К высокой цели направляет,
Глядит вперед сквозь дни и годы
И окрыляет труд народа.

Везде ему
Почет в народе —
Его уму,
Его работе.

И он ведет
Колхоз по праву,
Ведет вперед,
Ведет на славу...

Сейчас парторг
Сидит, вздыхая.
Пред ним большая
Чашка чая...

Райса к Багау и Хурмету
Подходит скромно и с приветом.
Нельзя не сесть за стол с гостями,
Не потянуться за сладостями...

И начинаются присловья:
Как, мол, у вас дела, здоровье?
Как молодежь, мол, отдыхает,
Что думает, о чем мечтает?..

2

Хурмет не вдруг подходит к делу
(Он разговор ведет умело),
Сперва все больше о погоде:
Мол, стороной дожди проходят,
Мол, стороной проходят грозы,
Мол, не везет, друзья, колхозу...

Но хоть и жарко до обиды,
На урожай не плохи виды.

От прочих сильно не отстанем,
Но и героями не станем.
А без героев нам обидно,
Перед «Лучом» опять же стыдно...

....Глотнул Багау чаю с медом,
Добавил, как бы мимоходом:
— Не напугать нам землю. Ясно!
И умолять ее напрасно.
Лишь только труд всему порукой,
Пора в поход идти с наукой.
Взялась бы молодежь за дело.
Тогда б работа закипела.
Она с наукой подружилась
И знаньями вооружилась.
Пойдем войною на природу,
Изменим землю и погоду...

И на Райсу глядит при этом,
Как будто ждет ее ответа.

А у Райсы лицо спокойно,
И речь она ведет достойно,
Не медлит девушка с ответом:
— Все нынче думают об этом...

Хурмет доволен, но серьезен.
— Нужны герои нам в колхозе!
А без героев нам обидно,
Перед «Лучом» опять же стыдно...

Известно всем — в «Луче» герои,
Вчера один, сегодня двое!
Отстали мы в сореэнованьи,

Повинны сами в отставаньи.
И нам нужны герои, Что же,
Дадим дорогу молодежи.
Хоть трудновато мне порою,
Я не отстану от героя.

Степенно льется речь Хурмета:
— Обдумай, доченька, все это.
В работе мы всегда поможем,
И на груди твоей, быть может,
На весь родной колхоз блистая,
Звезда зажжется золотая...

Райса немного покраснела
И отвечала, как умела:
— Не ищем мы, где место краше,
Идти вперед — задача наша...

И вновь течет беседа.
Багау мило это,—
Прием душевный самый,
Слова — от сердца прямо.

И молвит, мыслью вдохновленный,
Парторг с улыбкой оживленной:
— Чтобы невиданный доселе
Мы урожай собрать сумели,
Посадим мы дубы и клены,
Пусть они стеной зеленой
Путь преграждают суховеям.
А остальное мы сумеем!
Между Актау и Бузатом ¹

¹ Актау и Бузат — названия гор.

Украсим землю новым садом,
Пригорок, весь травой заросший,
Веселой сделается рощей...
Коль все поднимется, как нужно,
То закипит работа дружно,
И молодежь, поди, поможет...
Так, представитель молодежи?..

Райса кивает головою.
Речь переходит на другое:
— В полях начнется жатва скоро,
Работы много в эту пору.

Собрать побольше надо хлеба,
Пока безоблачное небо.
Зерна в стране должны быть горы,
Мы в этом — прочная опора!
Поднимем нашу славу выше,
Пускай о нас везде услышат.

Уж чай остыл. И вечер близок.
Присели птицы на карнизы.
Прохлада за окном разлита.
...Слова нашлись, сердца раскрыты.

Хурмет с Багау поклонились,
Сказав «спасибо», удалились.
Они теперь в дома другие
Пойдут, как гости дорогие,
Чтобы в колхозе все решили
Подняться на дела большие...

.

Сверкают стрелки циферблата,
Да со стены портрет Булата,

Глазами теплыми мерцая,
Глядит на близких, одобряя.

...Однако тишь царит недолго:
Райса оделась втихомолку,
И вот уже быстрее, чем птица,
Она к своим подругам мчится.

Летит... И шаль за нею вьется.
Летит... И сердце звонко бьется.
Спешит сказать о новых планах
И о мечтах своих желанных.

Бану с Гульсум — ее подруги...
А в тихий вечер по округе
Ильяс слоняется без дела
И о Райсе грустит несмело.

Райса — не та. И все читает.
И редко вечером бывает
Там, где земля дрожит от пляса,
Где ждут ее глаза Ильяса.
Ее порой увидеть можно
В полях — в бригаде молодежной,
А позже — в клубе или дома,—
Сидит она над новым томом.

В «Луч» ходит часто за советом,
Глядит внимательно при этом
И ищет на полях секреты
Его успеха и победы...

Но кто-то слух пустил, что вроде
Нашла красавца, к парню ходит.

Ильяса мучит эта боль,
Жжет, словно на порезе соль.

Но он таит надежду снова:
«А! Знаю я того, рябого,
Напрасно парень ожидает...»—
Себя он тешит, убеждает.

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ПОШЛИ НА ВЕЧЕР?

1

Познал немало наш Ильяс.
К чему ж пришел он?
В пяти артелях побывал
Он после школы.

Был баянистом приглашен
Работать в клубе,
Но духоты по вечерам
Ильяс не любит...

Шофером захотел он стать,
Раздумал вскоре:
Дороги осенью грязны,
Завязнешь — горе.

Беспечной жизни он искал,
Шли дни за днями.
Давно забыт читальный зал
С его томами...

Но устаешь и на пиру
От изобилья.
Ильяс устроился в сельпо,—
Почуял крылья.

Спокойно, чисто... Не найти
Работы лучше.
Опасность не висит над ним
Чернее тучи.

Рад наш Ильяс. Глядит вокруг
Хозяйским глазом.
Увидит девушек — готов
Обнять всех сразу...

.

Спросив совета у платка ¹,
Гульби-старушка
Решила так: — Нужна, Ильяс,
Тебе подружка!

Тогда кукушке не искать
Гнезда чужого...—
Вот если б внука на руках
Держать родного!

Невеста славная одна
Есть на примете...
Дружна Гульби с Аскап-апа,—
Почти соседи.

«Ну что ж! Пожалуй, нам пора
И породниться...»
Идет Гульби к Аскап-апа
Мечтой делиться.

¹ У женщин — «посоветоваться со своим платком»,
у мужчин «посоветоваться со своей шапкой» — значит
посоветоваться с самим собой.

Аскап встречается на крыльце,
Стоит с улыбкой на лице.
За стол ведет,
Вот чай, вот мед,
И самовар
Гудит, поет.

Гульби заводит разговор:
— С тобой мы дружим с давних пор.
Что ж, справим детям свадьбу?
Давно пора сыграть бы!

Вам будет зять, невестка — мне,
Два пира справим.
И для младенца колыбель
В углу поставим...

Но говорит Аскап-апа:
— Как знать заранее?
Не выдашь девушку теперь,
Коль нет желанья.

Ведь нынче девушка себе
Хозяйкой стала...
Была б любовь,— уж свадьбе я
Не помешала б...

2

Ильяс наш в поисках Райсы
Повсюду ходит.
Его увидишь ты в кино
И в хороводе.

На танцах важный он стоит,
Как на картинке.

На нем коричневый костюм,
Блестят ботинки.

Он часто ходит в дом Райсы,
Чтоб стать милее.
Ни слов, ни песен для нее
Он не жалеет.

Пунцовой розы аромат —
Ему подмога.
По вечерам в притихший сад
Ведет дорога...

Ильяс мечтает о Райсе,
Тоскует очень.
И верит — свадьба быть должна
У них под осень.

Но говорит ему Райса:
— Подумай, право:
Неужто щеголем ходить —
Большая слава?

Пускай слынешь ты остряком
И баянистом,
Достоин будь своих друзей,
Будь в мыслях чистым.

Друзьям ты двери распахни,
Встань с ними рядом,
Подай им руку, встреть их взгляд
Открытым взглядом...

Потом задумчиво Райса
Одна сидела.

«Неужто вправду красота
Бойтся дела?..

Ильяс красив... Жених такой —
На зависть прочим.
Да только, кажется, себя
Он любит очень...»

3

Ильяс пришел,— все на порог:
Его встречают,
В большую комнату ведут,
За стол сажают.

Он приглашает в клуб Райсу.
Он взял заранее
Уже билеты на двоих,—
Лежат в кармане.

Райса одета. Легкий шелк
Под стать невесте.
Ильяс доволен: вечер весь
С ней будет вместе.

Нет, не расстанется Райса
С родной деревней.
И он заводит разговор
С ней задушевный.

Он мудрствует перед Райсой,
Дает советы:
— Запомни сердцем, милый друг,
Ты слово это.

Коль хочешь легкого пути,
Коль счастья ищешь,
Работу выбери себе
Ту, что почище...

Серьезной сделалась Райса,
Лицо другое.
Молчит, лишь вздрогнула слегка
Да бровь — дугою.

И нижеет наш Ильяс слова:
— Зачем, Райса, ты
Училась десять лет, скажи,
Чтоб взять лопату?

Я знаю, место где твое, —
Оно не в поле,
Оно в конторе, за столом,
А хочешь — в школе...

Но от последних слов Райса
Приходит в ярость.
— Еще немало трудных дел
В стране осталось!

И если легких дел искать
Начнут все люди,
То что же с трудными тогда
Делами будет?

Кто выстроит завод, взрастит
Кто хлеб отличный,
Реку заставит изменить
Свой путь привычный?..

Кто эти трудные дела
Возьмет на плечи?
Кто сможет победить врага
В жестокой сече?

Нам не к лицу искать, Ильяс,
Путей полегче.
Ведь мы хотим, чтоб жил весь мир
По-человечьи.

Не зря учил нас Комсомол!..
Мне неприятны
Твои слова. Ты их, Ильяс,
Возьми обратно...

Ильяс юлит: — Сказал любя
Я это слово,
И за него же ты меня
Побить готова!

Коль разбираешься во всем,
Молчу... Да что там!..
Ведь мясо змей едят лишь те,
Кому охота ¹.

— Себе работу я нашла,—
Райса сказала.
Ильяс поднялся: — Зря пропел
Я слов немало.

Но больно уж учена ты,
Чтоб мне поверить...—

¹ Есть пословица: «Кто захочет, тот может даже змеиное мясо съесть», т. е. пойти на самое рискованное, чего другие не могут.

И холодно взглянул Ильяс,
Направлясь к двери.

Райса звала. Но он шагал
Своей дорогой.
Не внял он искренним словам,
Их правде строгой.

И два билета, те, что взял
Ильяс заране,
Так и остались у него
Лежать в кармане.

ОСЕНЬ НАСТУПАЕТ

1

Давно появлялся веселый цвет
Черемух белых...
Райса всем сердцем отдалась
Большому делу.

— Работу легкую искать
Мне не годится.
Я там, где тяжелей всего,
Должна трудиться.

Трудилась в поле целый день
Она с рассвета.
Сентябрь настал. Пошли дожди.
Но что ей это!

Гудели ветры над селом,
Сыра погода!

И, как шербет ¹, пила Райса
Речную воду.

Во время жатвы в темноте
Она вставала
И в скирды стройные снопы
Весь день метала.

И говорила: — Вновь с «Лучом»
Идем не вровень,
Работать лучше мы должны,
Тогда нагоним...

Приходит помощь: из «Луча»
Прислали жнейки.
— Теперь за нами долг еще
Отдать сумеи-ка...

2

Настала осень, над землей
Листва кружится.
Струится холод, на ручьи
Ледок ложится.

Давно уж гуси собрались
Опять в дорогу.
Медведь ленивый не спеша
Залез в берлогу.

Пушистым хлопком снег одел
Леса и горы.

¹ Ш е р б е т — сладкий напиток.

В полях безлюдных, за селом,
Белы просторы.

...Деревня в праздничном дыму.
Столы накрыты.
Глядит народ, что за́ год им
В трудах добыто.

А сколько весит трудовень?
Крепки ль доходы
От жеребят, от овощей,
Люцерны, меда?

Работа чья звала вперед
И направляла?
Кто был героем на току,
Кто — у штурвала?

Трудам подводится итог,
И в полный голос
Одни, конечно, славят «Луч»,
Другие — «Колос»...

Верней, у тех и у других
Есть чем гордиться.
И есть дела, где «Колос» наш
Не осрамится.

К примеру, скажем, рысаки
И жеребята.
Всегда стрелой летят они,
И стать богата...

К примеру, яблоневый сад,
Дома, где ночью

Огни веселые горят,
А также... прочее...

Земля «Луча» лежит вдали,
От гор направо.
Дела «Луча» известны всем,
Достойны славы.

Там урожай велик. Едва
Хватает тары.
По тридцать центнеров берут
В «Луче» с гектара...

А «Колос» половину дал,—
Похвастать нечем,—
Был урожай пшеницы плох,
Овса и гречи...

«Так в чем же,— думает Райса,—
Секрет победы?»
К Актау мысленно идет,
Ища ответа...

Там те же почвы; шли дожди
Такие ж точно,
Такие ж ветры по утрам
И росы ночью...

Зима приходит — глядь, буран
Свистит над ухом,
И покрываются поля
Лебяжьим пухом...

Весною — полая вода
Здесь колобродит.

Коль не успеешь задержать —
В реку уходит.

Такие ж люди здесь, как там,
Одна округа,
А кое-кто и свояки,
Сватья друг другу...

Лишь урожай совсем не тот,
Иные всходы.
Как видно, трудятся не так,
Не та работа.

Райса упорней с каждым днем,
Серьезней, строже.
— Когда ж, парторг, мы этот «Луч»
Догоним все же?»

И агроному больше нет
Теперь покоя,—
Из клуба он идет домой
Порой ночью.

В уютном клубе — на столы
Ложатся блики.
Какое множество людей
Взялось за книги!..

На лыжи встав, скользит Райса,
Мчит из раймага.
Хрустят обложки новых книг,
Шуршит бумага...

И за столом сидит, свежа,
Как на морозе.

...Да, в вузе учится Райса,
Живя в колхозе!

Да, понесет она в поля
Плоды науки,
И слава загремит о ней
По всей округе.

3

А что Ильяс? О чем сейчас
Душой болеет?
Какие мысли и мечты
Ильяс лелеет?

Заботит всех колхозный сад.
А он — не промах:
Весь день хлопочет у кустов,
Что возле дома.

Все вышли, чтоб подправить клуб,
Кипит работа,
А у Ильяса свой ремонт,
Своя забота.

Он ремонтирует свой дом
И украшает.
И радость старенькой Гульби
Границ не знает...

4

— Мед вари,
Коли овцу —

Скоро праздник
Молодцу.

Самый лучший
Шей наряд —
Скоро свадьба,
Говорят.

Пусть мед течет струею,
Пол стонет под ногою.
И сваты чтоб хватили
Ковша по три-четыре...

Чтоб песни до рассвета...
— Но чья же свадьба это?..

— Чья свадьба? Мы не знаем.
За слух не отвечаем!
Мы сватать не ходили,
Усов не подмочили...

Так говорят соседи —
Всё знают люди эти.

И при любой погоде
Молва такая ходит
И день и ночь сквозь выюгу,
Шумит на всю округу.

Ах, девушкам узнать бы!
— Райса, а скоро свадьба? —
Но тут Райса в ответ им:
— Ах, отвяжитесь с этим!

Зальется краской красной,
И девушкам все ясно:
Должно быть, есть преграды...
Спросили и не рады.

Но в чем же дело все же?
Характеры ль не схожи
Иль, вспыхнув сначала,
Ильяс остыл помалу?

Или Райсе не мил он,
Другого полюбила?

Ох, тяжело Ильясу,
Ильясу не до пляса.
Гармонь обняв рукою,
Исходит он тоскою...

Собрание. И к Ильясу
Все подступают сразу:
— Мотоциклетов нету?
— А где велосипеды?
— Где швейные машины?
— Где книги, пианино?

Ильяс грустит: бедняге
Нет жизни и в сельмаге!
И ноет сердце что-то.
«Ой, не легка работа!»

И вот среди недели,
Стремясь к высокой цели,
А может, от позора
Ильяс уехал в город.
И шепчет мать устало:
— Ну что с сыночком стало?..

Райса неспешно входит в дом,
Окутанная паром.
Аскап и радуется ей,
И сердится не даром.

Довольна тем, что дочь ее
Красива, деловита,
Что парни все грустят о ней —
Кто тайно, кто открыто.

А недовольна тем, что дочь
Бывает дома мало.
Все на работе день-деньской,
А прежде ведь бывала...

Аскап сама за честный труд,
Труд у нее в почете.
Но ты и мать не забывай
И время дай работе!

Она, бывает, дочь свою
Полночи ожидает
И приготовленный обед
Раз пять подогревает.

И поправляет много раз
Пуховую подушку.
А дочки нет. И вновь, и вновь
Волнуется старушка.

...Сейчас дочурка рядом,
Глядит веселым взглядом.

Снег сбила с отворота,
Рассказывает что-то.

И — руки греть. Иззябла вся
На такой погоде.
Но не успела в дом войти,
Как снова — об уходе.

— Пора обедать, впрочем,
А то спешу я очень.
Там из «Луча» приедет
Товарищ на «Победе».

Об опыте работы
Расскажет он народу,
Как «Луч» пришел к успехам,
Не глядя на погоду.

Чем здесь сидеть, скучая,
Пойдем со мной, родная.
Недалеко до клуба...
Ну, надевай-ка шубу!

2

Упасть иголке негде
В просторном клубном зале.
Спать не желая, дети
В клуб шумный прибежали.

И старики явились.
Закончена работа!
Валяться на перине
Кому сейчас охота?

Посмеиваясь, девушки
Уселися рядком,
То песни распевают,
То тайны поверяют
Друг другу шепотком.

В платках цветных из ситца
Пришли сюда старухи,
С младенцами грудными
Явились молодухи.

Младенцы, понимая
Прекрасно важность дела,
Не плачут, а чуть слышно
В толпе пищат несмело.

А парни? Здесь, конечно!
Лишь спором, иль борьбою,
Иль свадьбой где запахнет,—
Они уж там толпою.

Итак, все нынче в сборе.
А что смогла собраться
Сегодня вся деревня,—
Чему ж тут удивляться?

Здесь все бывают к вечеру,
Тут удивляться нечему:
До клубного порога
Удобная дорога.

Пусть степь ревет метелями,
Пусть дождь сечет неделями,—
Всегда, зимой и летом,
Уютно в клубе этом.

Здесь вечером доклад,
Здесь фильм про Сталинград,
Ты здесь с друзьями вместе
Прослушаешь известия,

Что извергов отряды
Казнят сынов Эллады,
Что воины Китая
Идут, врага сметая.

Народ толкует в клубе
В вечерние часы.
Здесь имена услышишь
Багау и Райсы.

3

Пройдя сквозь пестрый шумный зал,
Багау у трибуны встал.

И зал притих, насторожен,
Все молча ждут: что скажет он,
Что скажет он? С чего начнет?
Огромный зал в молчаньи ждет.

Но зал Багау оглядел,
Открыл собрание и сел.
И вот тогда сквозь зал вперед
Прошел в президиум народ.

Сидят с Багау на виду
Хурмет с Райсой в одном ряду.
Сидят на сцене земляки:
И молодежь, и старики.

Здесь все народ передовой,
Почетный, славный, трудовой.
Но вот что важно: впереди
Сел парень, на его груди
Звезда, ярка и горяча,
Он гость, он прибыл из «Луча».

И в зале все, за рядом ряд,
В молчаньи на него глядят.
Все ждут: Лукмáн, герой труда,
Видать, не зря попал сюда!

Райса глядит, и видно ей,
Как в свете лампы в сто свечей
Ясна, прекрасна и горда
Переливается звезда.

Хурмет, взволнован, изумлен.
«Герой! Как стал героем он?
Постойте! Рост... черты лица...
Я ж где-то видел молодца!»

Глядит, держа ладонь у глаз.
«То ж сын Мингула! Вот так раз!
Знать, зря в старинные года
Болтали, что дитя — беда¹.
Счастлив Мингул! Стал сын его
Звездой для края моего».

— Учись! — под бок толкнул слегка
Хурмет соседа-паренька.

¹ В прошлом среди башкирской бедноты бытовала поговорка: «Бала — бэлэ» — «Дитя — беда».

Лукман окинул взглядом зал,
Чуть-чуть смущаясь, и сказал:

— Хоть приглашен я был, друзья,
Бану с Райсою к вам в село,
Но дело общее для нас
Меня к вам ныне привело.

Задача ведь, друзья, не в том,
Чтоб одному лететь вперед,—
Нам крылья для того даны,
Чтоб вместе совершать полет.

Мы — два соседние села,
Но сходно ли идут дела?
А почему? Такой вопрос
Не раз уж ставил наш колхоз.

Соседу нашему от нас
И помощь ведь была не раз...
Бану — из дальнего угла:
— Чего уж там скрывать, была!

Друзья! Скажите, сколько ж лет
Нам будет помогать сосед?
Пора уж нам — плечо с плечом —
Встать рядом с «Маяком», с «Лучом».

Лукман, облокотясь, стоит,
С улыбкой в шумный зал глядит
И думает: «Она права.
Честны, смелы ее слова...»

А с мест кричат: — Назрел вопрос!
Давно пора поднять колхоз!

Хурмет взглянул, нахмурясь, в зал,
И колокольчик шум прервал.
Гремевший зал притих — река
Вошла обратно в берега.

Лукман обвел глазами зал
И просто от души сказал:
— В засушливый тяжелый год
И то был с хлебом наш народ.

Снимая урожай большой,
Мы трудимся всегда с душой,
Ведь связан наш досуг и труд
С наукою — и в том секрет
Всех достижений и побед.

И зал задумался всерьез:
«Как быть? Как подтянуть колхоз?»
Задумчив у Багау вид,
Райса внимательно глядит

На говорящего в упор,
Ее девичий светел взор.
Что там придумала она
И чем душа ее полна?

Райса, встав около стола,
Речь твердо, жарко начала:

— Дела большие впереди,
Ведь надо ж за год, не за пять,
Колхозу нашему, друзья,
Колхоз передовой догнать.

Нам надо запрудить ручьи,
Те, что с горы бегут в село.

Водой мы склоны оросим
И лес посадим... Тяжело?
К заветной цели кто ж, друзья,
Идет по легкому пути?

Райса глядит все время в зал,
Стремясь сочувствие найти.

Кто недовольно хмурит бровь,
Кто одобрительно кричит,
А кто, качая головой,
Покрякивает да молчит.

Речь кончена. Грохочет зал.
Аплодисментам нет конца.
Задорно, радостно стучат
Парней и девушек сердца.

Не аплодирует Хурмет,
Знать, с чем-то не согласен дед.
Укор в усмешке старика:
Мол, юность зелена, прятка.

Хурмет встает. Едва-едва
Он цедит сквозь усы слова.
Он речь туманную ведет:
— Тяжелое поднимет тот,

Кто не ударит ¹. В этом есть
Немалый смысл, прошу учесть —
Кто хвастает, тем от стыда
Краснеть приходится всегда.

¹ Башкирская поговорка: «Кто не ударит, тот поднимет больше» (упрек хвастунам).

Из зала: — Верно, старина,
Здесь осмотрительность нужна!

Райса запальчиво в ответ:
— Здесь для боязни места нет!

Хурмет бурчит, едва-едва
Он цедит сквозь усы слова:

— Нам надобно на этот год
Взять урожайности рекорд
С участка меньшего пока,
Чтоб было все наверняка,
Без шума и без хвастовства:
С гектаров, например, со ста,
Потом с трехсот и с пятисот...

Райса кричит: — Нас не спасет
Подобный темп! Таким путем
Вовек мы к цели не придем!

Багау видит: прений ход
Серьезный принял оборот,
И заключение всему
Придется сделать самому.

Темно на улицах зимой.
Народ торопится домой.
Собраньем все утомлены,
Но все идут, надежд полны.

4

Безлюдны улицы села.
Метель все тропки замела,

Свистит и кружится впотьмах.
Огни погашены в домах.

Лишь у Райсы горит ночник,
Тетради, груды толстых книг...

Читает за столом она.
Проходит ночь — ей не до сна.

Наука дать должна ответ,
В науке ведь секрет побед.

Глаза слипаются, но сон
Водой холодной побежден.

Так ночь проходит — напролет,
И утро новое встает.

ЛЕТЯТ СНЕЖИНКИ

1

Над Бузаттау над горой
Колючий снег кружится.
Гуляет ветер по полям,
Рвет шапки, режет лица.

Снег густ, и кажется Райсе,
Что это не снежинки,
А золота и серебра
Заветные крупинки.

И вот уже щиты стоят,
Плетеные ограды,
И вот уже Гульсум, Асгат

Дошли по полю до границ
Земель своей бригады.

Райса с Бану уж тоже там.
Румяны от мороза,
Подруги смотрят на поля
Соседнего колхоза:

Поля «Луча», что знаменит
Богатством урожая.
В них ходит ветер, вея снег,
Сугробы разметая.

На них еще не встали в ряд
Щиты. Вот это дело!
Райса с друзьями гордый «Луч»
Опередить сумела!

Бану довольна.— Что ж, друзья,
Мы сделали немало:
Соревнованью дали ход,
Но это лишь начало,—

И вот, смотрите, результат,
Лишь приложили руки...—
К полям «Луча» идет Асгат,
Вслед — девушки-подруги.

И стали ставить вновь они
Щиты по горным склонам.
Стоят плетеные щиты —
Надежные заслоны.

— Увидят люди из «Луча»,
Что мы им помогаем,

И будет радостней, дружней
Наш общий праздник в мае!

Хоть ветер дует все сильней,
Идет, кипит работа,
По жарким лицам молодым
Сбегают капли пота...

.

Но, обернувшись вдруг, Райса
Увидела: со склона
Саней, груженных тяжело,
К ним движется колонна.

Везут те сани на поля,
Наверно, удобренье.
Бой начался за урожай,
На зиму наступленье!

Колхоз поднялся, стар и млад, —
Все в поле этой ранью.
Сердца зажгло, вперед на бой
Зовет соревнованье.

Одно неясно: почему
К Райсе все сани едут?
— Райса, что скажешь? Для кого
Обоз огромный этот?

Райса не знает, что сказать,
В смущении девчина.
Как объяснить все это? В чем
Скрывается причина?

А впереди всех паренек —
Плечист, шагает браво,

Кнутом пощелкивая, он
Заводит лошадь вправо...

Райса, сердясь, ему кричит:
— Неужто мне все сани?
— Я выполнил,— он ей в ответ,—
Хурмета приказанье.

Чтоб вы с бригадою смогли
Рекорд побить, мы свозим
К вам удобренье на поля
Все вместе, враз, колхозом.

— Участок наш хороший, друг,
И все мы тоже не без рук.
Пусть всем бригадам даст колхоз
Лопаты, сани и навоз.
Пусть осенью у всех бригад
Пшеницы будет много.

Райса, взяв под уздцы, коня
Выводит на дорогу
И, повернувши всех коней,
Лишь три последних воза
Райса оставила себе
Из длинного обоза.

Лежали в этих трех санях
Бригадные лопаты,
И люди были в тех санях —
Все из ее бригады.

Обеспокоила Райсу
Та выходка Хурмета:

«Багау надо б повидать,
Спросить его совета».

.

Бесились ветры, оголить
Стремясь от снега склоны,
Но сдерживали снег щиты —
Надежные заслоны!

Летят крупинки серебра,
Как искорки сверкают.
То ветры на поля Райсы
Богатство намечают.

Райса глядит: в ее полях
Снег пышный громоздится,
Знать, прозимует в теплоте
Озимая пшеница.

Отдаст весною мать-земля
Набухшим зернам воды,
И будет праздник на полях:
Зазеленеют всходы!

Райса уверена — колхоз
Назавтра, светлой ранью,
Сойдется дружно.
По стране
Идет соревнованье!

2

Аскап-апа накрыла стол.
Все хлопоты, заботы!
Готовит ужин — скоро дочь
Должна прийти с работы.

Воды бы в самовар налить!..
Стучат. Открыть скорее!
Но не Райса в дверях — Ильяс,
Как в раме, перед нею.

Он спрашивает о делах,
Любезен, вежлив, кроток.
Он входит мягко и на стол
Кладет небрежно сверток.

Садится — на ногу нога,
Как будто все забылось,
Как будто вовсе ничего
Меж ними не случилось...

Так плавен каждый жест его,
Степенны все движенья...
Закуривает высший сорт,
Спросивши разрешенья.

Рассказывает не спеша
Все новости и слухи,
Ведет искусно разговор —
Куда Гульби-старухе!

Рассказывает, как, учась,
Он жил в далеком крае,
Как письма он Райсе писал,
Тоскуя и скучая.

Дверь хлопнула. Вошла Райса,
И узел полушалка
Развязывает на груди,
Смеется: — Ой как жарко!

Хоть падает холодный снег,
Хоть ветер жжет до боли,
А на работе хорошо
И просто жарко в поле!

И завязался разговор:
— Что скоро так приехал?
— Я быстрый, ловкий...— Полон дом
Веселья, шума, смеха.

На стол поставлен самовар,
И крышка самовара
Дрожит и тоненько звенит
Под крепкой струйкой пара.

Пельмени в блюде на столе,
И пар от них особый,
И вкусно тянет из печи
Румяной доброй сдобой...

Покушав, достает Ильяс,
Болтая без умолку,
Из свертка радужный отрез
Трепещущего шелка.

Райса подарка не берет,
Известно ей прекрасно:
Дареным шелком не согреть
То чувство, что угасло.

— Смогу в сельмаге я купить
Шелк яркий для наряда,
Когда в торговле у тебя
Дела пойдут, как надо.

Ведь о сельмаге ж, право,
В селе худая слава.

В тот миг в снегу весь паренек
Дверь настежь открывает:
— Апа, тебя Хурмет-бабай¹
В правленье вызывает!

И думает Райса: «Хурмет,
Видать, настроен грозно,
Коль требует меня к себе
В правление так поздно».

Ильяс с Райсой выходят в ночь,
В густую, снеговую.
Ей в сторону одну, ему —
В другую...

3

Райса вдоль тихого села
Идет походкой быстрой.
Сверкает вдаль обочин снег
Морозной, синей искрой.

Снежинки веют ей в лицо,
Садятся и на шею.
И вдруг, когда уж огонек
Правленья стал виднее,
Багау встал пред нею.

Довольна встречею Райса.
Хоть час уже и поздний,

¹ Б а б а й — дед, дедушка.

Она решила завести
С ним разговор серьезный.

Про случай в поле рассказать
Спешит — ведь дело это
И вызвало, быть может, гнев
У дедушки Хурмета.

В молчанье думает парторг
Об этом важном деле,
И черные усы его
Совсем заиндевели.

И говорит он: — Что ж, втроем
Поговорим об этом...

Тут фары вдруг из темноты
Их окатили светом.
Машина встала у ворот
Заснеженного дома.
— Петров! — Багау узнает
Секретаря райкома.

4

В правление вошла Райса.
Из-под очков, сурово
Насупившись, глядит Хурмет,
Не говоря ни слова.

Он молча смотрит, словно он
Ждет от нее доклада.
Райса стоит, потупя взор,
Как будто виновата.

Сердит, угрюм Хурмета взгляд,
Лицо его багрово.
Очки, упав со лба на нос,
На лоб полезли снова.

— Райса, тебе я поручил
Ответственное дело.
А вышло что? Ты оправдать
Доверье не сумела!

И на собраниях вечный спор,
И вечный спор на поле.
Мне, старику, такой позор
Терпеть, скажи, доколе?

Кто я? Колхозу своему
Я зла желаю нешто?
Кто недоволен, пусть мое
Тот занимает место.

Иль мало сил я положил?
Иль я уж стал негоден?
Свидетелем моих заслуг
Вот этот славный орден.

Райсе известно, что старик
Порой не сдержан в споре.
Она уверена, что гнев
Его остынет вскоре.

И впрямь смягчается Хурмет,
Уж он не смотрит гневно.
Остыв, утихнув, говорит
Сердечно, задушевно:

— Я знаю, доченька, что ты
Слывешь передовую,
Должна ты быть награждена
Звездой Золотою.

Ее вполне достойна ты,
Дружна твоя бригада.
И нам, чтоб «Луч» опередить,
Нужна твоя награда...

Райса в ответ: — Не мне одной,
А всем колхозом, дружно
На всех участках и полях
Ковать победу нужно.

Райса вдруг слышит голоса
Багау и Петрова.
Стучат на лестнице шаги,
Скрип двери, стук засова.

Багау и Петров вошли,
За стол спокойно сели,
Зашла беседа о большом,
О важном общем деле.

Затем коснулись тех, кто рад
Лишь собственной удаче,
Кто слишком узко понимать
Привык свои задачи.

.

Не только все твои дела,
Не только жизнь, знакомо
Биенье сердца твоего
Секретарю райкома.

И после разговора с ним,
Как бы взойдя на горы,
Увидел пред собой Хурмет
Впервые вдруг, за много лет,
Чудесные просторы...

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ

1

Запахло на полях весной,
Уж март не за горами.
В просторном клубе весь колхоз
Бывает вечерами.

То агроном, а то Райса
Здесь делают доклады
О том, как землю удобрять,
Как сеять клевер надо.

О том, как в марте удержать
В полях колхозных воды,
Чтоб были дружны, зелены
Везде озимых всходы.

Райса твердит одно: — Когда
В горах ручьи запрудим,
То, верьте, осенью с большим
Мы урожаем будем.

С Райсой согласен весь народ:
— В горах запрудим воды,
Когда закончим на полях
Весенние работы.

Ручей, летя с Бузат-горы,
Весной гремит, резвится,
Но летом из того ручья
Уже нельзя напиться.

Ковшом воды не зачерпнуть,
Ручей засушен зноем.
Лежит в безводном русле пыль
Тяжелым серым слоем.

Под солнцем стелются поля
Без края, без границы.
Все ярче, жарче желтизна
Бушующей пшеницы.

И думает Хурмет: «Ручей
Был шумным и бурливым.
Когда б не высох, он бы дал
Немало влаги нивам.

А с влагой мы б достичь смогли
Большого урожая...»
Стоит и думает Хурмет,
Чтоб предпринять не зная.

Райса с Багау говорят:
— Хурмет, задачу эту
Джигитам смелым поручи,
Икраму и Ахмету.

Они ведь строили мосты,
Они мосты взрывали...—

И целый ряд других имен
Хурмету называли.

3

Хурмет весь день был на полях,
Домой вернулся к ночи.
Но спать не лег, а сел за стол,
Взволнован, озабочен.

Болят, слипаются глаза,
Зовет к себе перина.
Но достает Хурмет кисет
Из плотного сатина.

И закурил. Надел очки.
Весь в дыме папиросы,
Он в книгах стал искать ответ
На сложные вопросы.

Как сделать так, чтобы с горы
Ручьи в поля направить,
Чтобы разлив весенних вод
Грунт оросить заставить,

Чтоб в поле осенью хлеба
В рост человека были
И чтоб трещали закрома
Зимой от изобилья?

Теснятся думы в голове,
Нет старнику покоя.
В недоумении жена:
Что с муженьком такое?

Перина тверже камня ей.
— Конец уж скоро ночи,
Пойди по улице пройдишь,
Коли дремать нет мочи.

Ведь прежде, дорогой, легко
Ты засыпал, бывало.
Иль, может, юность, что прошла,
Тебя тревожить стала?

— Да что там прошлое! Сейчас —
О будущем все думы:
Есть дело сложное одно,—
Сказал Хурмет угрюмо.—

Кто направлял ручьи в поля
По склону гор? Не знаешь?
— Ах, батюшки! Так вот над чем
Ты голову ломаешь?

— Да что одна тут голова!
Голов тут надо десять
Над этим делом поломать,
Чтоб все учесть и взвесить!

Старик, волнуясь, говорит.
Старуха на перине
Заслушалась его речей;
И сна уж нет в помине!

Забыли старики про сон,
В полях их мысли бродят.
Гадают, думают в ночи,
Решенья не находят.

«Как запрудить в горах ручьи?»
О сложном деле этом
Все время думают они,
Не спится бабке с дедом

Хурмет на улицу идет.
Ночь темная, густая.
Лишь у Багау огонек
В окне горит, мерцая.

Багау, может быть, сейчас
За книги сел — учиться,
Иль пишет сыну письмо
На дальнюю границу,

Иль молодежь к нему сейчас
Явилась за советом,
Чтоб дружно в бой за урожай
Пойти в поля с рассветом.

Никто в порыве трудовом
Не ведает покоя.
Петров среди забот, трудов
Не спит порой ночью.

Немало в эту ночь в стране
Горит бессонных окон...
Но самый яркий огонек
Горит в Кремле далеко.

Там думают в ночной тиши
Над картой до рассвета.
Там знают помыслы Райсы,
Багау и Хурмета.

Пришла горячая весна,
Настала посевная.
Колхоз работает, ни сна,
Ни отдыха не зная.

Спит на подушках-облаках
Луна, толста, ленива...
Светлы поля, гудит «НАТИ»...
Кто так поет красиво?

Восходит голос молодой
Свободно, без усилья.
Несется песня в даль полей,
Свои расправив крылья.

Райса с бригадою девчат
Работу завершает.
Победа, что совсем близка,
Бригаду окрыляет.

А вот и жаворонка песнь
Взлетела над полями,
И солнце встало над землей —
Багряное, как знамя.

А трактор сеялку ведет
Спокойно и упорно.
Вдоль берега Баллы-шишмэ ¹
Ложатся в землю зерна.

¹ Б а л л ы - ш и ш м э — буквально означает медовый ручеек.

На сеялке стоит Райса,
Глядит из-под ладони:
Работа дружно ли идет
На шумном горном склоне?

Ложится в борозды овес...
От края и до края,
Гуляя в поле, трактора
Грохочут, не смолкая.

Лежит отборное зерно
Спокойно в перегное,
Оно страшиться не должно
Ни засухи, ни зноя.

Райса уверена: ее
Не пропадут усилия,
Ее чудесные мечты
Уж скоро станут былью.

А к сеялке Асгат с Бану
Зерно несут мешками.
Легки тяжелые мешки,—
Растили хлеб-то сами!

И трактор вновь, в последний раз,
Ушел, гремющий, в дали...
В соревновании друзья
Победу одержали!

Хурмет о том, что кончен сев,
Уж доложил району.
С победой поздравляет всех
Петров по телефону.

Петров колхозам всем раскрыл
Секрет победы этой.

Ведь даже «Луч» на день отстал
В работе от Хурмета!

А что ж теперь? Неужто спать,
Бродя, зевать от скуки?
Нет. Надо снова дружно взять
Кирки, лопаты в руки.

Да, надо снова всем собрать
Упорство, силу, волю,
Чтоб воды бурные ручья
Суметь направить к полю.

Пускай поделится ручей
Прохладной влагой с рожью,
Пусть будут летом склоны гор
На пышный луг похожи...

С высоких гор бежит ручей
В безудержном стремлении,
Неся с собою вниз кусты,
Ворочая каменья.

Он размывает берега,
Грунт колотя волною,
Вбирает осенью дожди
И талый снег весною.

Так вечно бы бежал, гремя,
Но крепкие преграды
Возводят на его пути
Колхозные бригады.

Завалы в четырех местах —
Из глыб огромных горных.
Лопаты острые звенят
В руках людей упорных.

Среди колхозников Ильяс —
Упрям, горяч в работе!
Сюда с лопатой он пришел
По собственной охоте.

В цемент, одевший берега,
Ручей стучит волною.
Не будет высыхать до дна
Теперь ручей от зноя.

Жара... Давно уж нет дождей.
Но вечером на склонах
Туман плывет среди пышных трав,
Высоких и зеленых.

Роса густа в цветных лугах.
Хурмет, увидев это,
Благодарит Райсу, Бану,
Икрама и Ахмета...

ЗДЕСЬ ОСТАЛОСЬ СЕРДЦЕ ДЖИГИТА

1

У нас чудесный, золотой
Обычай есть в народе:
Учись у тех, кто впереди,
Коль ты отстал в работе.

Так сделал «Колос золотой»,
Так «Луч» поступит тоже,
Ведь звание «передовой»
У нас всего дороже,

2

Герой приехал из «Луча»,
Он нам уже известен,
Секрет победы изучать
Теперь желает здесь он.

Лукман с Райсой вдвоем идут
Вдоль берегов цементных,
Вдоль берегов Баллы-шишмэ,
Среди полей победных.

По берегу они дошли
До самого истока
И видят с гор: поля, леса
Раскинулись широко.

Лежит башкирская земля
Внизу ковром цветастым,
В ней дышит каждый стебелек
И каждый колос счастьем.

Лукман с Райсой вдвоем стоят
На плоском горном камне.
Внизу прохладные пруды
В предутреннем тумане.

Лежат прохладные пруды,
Среди полей синяя,

Не страшно уж теперь полям
Дыханье суховея.

И рад герой, как будто здесь
Труды его, Лукмана.
Теснятся мысли в голове,
Мечты, надежды, планы.

— Ручьев немало и у нас,
Нам запрудить их нужно.
Давно пора уже «Лучу»
За дело взяться дружно.

Райса, все это началось
По вашему почину.
Спасибо вам, Райса! — Лукман
Благодарит девчину.

Джигит, усевшись на коня,
Вдруг грустно улыбнулся
И в степь умчался. На скаку
Зачем-то оглянулся.

Зачем же оглянулся он?
На это есть причина.
Быть может, сердце он свое
Оставил у девчины?

Райса в полях стоит одна,
В ней твердость есть и сила,
Но почему же вдруг в груди
Душа ее заныла?

Несутся молодость и конь.
И с сердцем нету слада.

Джигит... и близок и далек.
Райса грустна... и рада.

3

В полях колышутся хлеба.
Через поля тропую
Идет Райса, и рожь ее
Укрыла с головою.

Райсы не видно в волнах ржи,
И лишь плывет по гребням
Ее батистовый платок,
Белея в море хлебном.

Глядит Райса: бежит волна
По полю за волною.
Пшеница — не пролезть ужу,
Рожь — поднялась стеною!

Какая рожь! Вот это рожь!
Она шумит в просторах.
Ведут колосья меж собой
Душевно разговоры.

Ну и пшеница! Это да!
Высокие, прямые,
Тугие стебли у нее,
Колосья — золотые!

Да, колос золотой... О нем
Есть древнее сказанье.
В сказанье то вложил народ
Свои мечты, желанья...

Райса о золотых хлебах
Задумалась. Литые,
Вокруг нее шумят, шумят
Колосья золотые.

4

Рассказывали старики когда-то:
В колосьях есть, мол, зернышко из золота.

Кто отыскать сумеет то зерно,
Тому и счастье принесет оно.

Посей его, и ни конца, ни краю
Не будет золотому урожаю.

Не будет счета жемчугам прекрасным,
Богатым станешь сразу ты, всевластным.

Так повествует древнее преданье.
Но это было лишь иносказанье.

В той сказке утешение и отдых
Для нищих, для бездомных, для голодных.

Средь бедствий жили бедняки мечтой
Найти чудесный колос золотой.

Лишь в наши дни в колхозной ясной дали
Колосья золотые засияли.

Райса о золотых хлебах
Задумалась. Литые,
Вокруг нее шумят, шумят
Колосья золотые.

Шумят высокие хлеба,
А в стороне, у края,
Комбайны мощные стоят,
Сигнала ожидая.

НОВАЯ ВЕСНА

ЭПИЛОГ

1

На небе солнце горячо
И ярко засияло.
Поля уж сбросили с себя
Сугробов одеяло.

Дымится теплая земля.
С небесного простора
Дождинка первая упасть
Должна на почву скоро.

А там работа закипит
Средь смеха, шуток, песен.
Под осень будет трудовень
Велик и полновесен.

Но и сейчас среди полей
Уж началась работа,
И в небе слышно — вдалеке —
Гуденье самолета.

Селитру сыплет самолет
На молодую озимь.
Мотора нарастает гул
Подобно вешним грозам.

Умел пилот. Легка, точна
В его руках машина,
Он по путям войны дошел
До самого Берлина.

Сейчас он трудится в полях,
Усталости не зная,—
Защитник мира на земле,
Помощник урожая!

Гудит мотор. Среди полей
Райса с бригадою своей.
Сегодня комсомолки
С рассвета на прополке.

Гудит мотор. Среди полей
Задумались девчата
О тех годах, когда страна
Была огнем объята.

.

В глазах Райсы встал дальний край,
Где до сих пор воюют.
Там пушки хриплые гремят,
Там злые ветры дуют.

Топча хлеба, в крови, в огне,
Проходит враг по той стране.

Там в пламени ночная мгла,
Там села выжжены дотла.

Там самолеты в небесах
В сердца детей вселяют страх.

.

Светлы и сини небеса.
В них видит самолет Райса.

То новый, мощный самолет,
Он радостную весть несет...

Из дальних мест, быть может, он
Везет колхозникам поклон.

Иль, может, то в наш край степной
Мчит доктор к девочке больной.

За летчика Райса горда —
Поднялся в небо сын труда!

Он парой мощных светлых крыл
Простор небесный покорил.

Коль труженик штурвал берет,
Приносит счастье самолет,—

Где были топи, нынче там
В густых лугах цвести цветам!

...Стоит, задумавшись, Райса,
А по простору луга
Верхом несется из села
Бану — ее подруга.

С уставшей лошади Бану
Слезает в нетерпенье.
И сразу, с первых слов ее,
Пришла Райса в волнение.

Бану смеется: — Суенсе! ¹
Есть славное известье.
Пляши! Да веселей пляши!
Что ж ты стоишь на месте?

Лавров профессор прилетел
К нам в гости из столицы,
И в клубе лекция его
Сегодня состоится!

— Как вовремя! На днях зачет!—
И, радостью объята,
Райса бросается к Бану,
И обнялись девчата.

2

Придя с полей домой, Райса
Переменила платье.
Поправив волосы рукой,
Пошла к дверям с тетрадью.

«Скорей бы! В клуб не опоздать!
Уж стало темновато!»
Ее улыбкой проводил
Портрет отца, Булата.

Райса вошла в просторный зал
И в гомоне народа
Багау бас и смех Бану
Услышала у входа.

¹ Суенсе — означает: какой будет подарок за радостное сообщение.

А вот и дедушка Хурмет —
Приветлив и дорожен,
И на груди, под бородой,
Сверкает гордо орден.

Лукман направо от Райсы,
Зовет: — Есть место рядом! —
А слева — завсельмаг Ильяс,
Глядит унылым взглядом.

Седой профессор слово взял.
Речь льется величаво.
Райса на цыпочках прошла
И тихо села справа.

Профессор знания рад отдать,
Он не жалеет клада.
— Щедра наука. Вы, друзья,
Берите сколько надо!

Помочь колхозникам должны
Мичурин, Докучаев,
Чтобы добиться на полях
Отменных урожаев,

Чтоб средь сухих, глухих степей
Сады произрастали...
Придет пора — мы создадим
Сухуми на Урале.

Лишь кончил, тут как тут Райса,
Ведь столько есть вопросов!
Но начался киножурнал —
«Рассказ о двух колхозах».

И «Луч» и «Колос золотой»
Вдали, как бы в тумане,
Пред удивленными людьми
Предстали на экране.

Гудит веселым гулом зал,
Знакомых видя лица.
Но что в картине той Райсу
Заставило смутиться?

Да, былью стало нынче то,
Что сказкой было ране.
Одна Райса сидит в кино,
Другая — на экране!

Одна Райса сидит в кино,
Картину смотрит эту,
Ведя спокойно и умно
С профессором беседу.

Другая — там, на полотне,
Предстала в крупном плане,
И от ее счастливых глаз
Исходит в зал сиянье.

Зал видит пред собой Бану,
Лукмана и Хурмета,
Их лица ясные полны
Веселья и привета.

Колхозники своих друзей
И земляков узнали.
Тут чей-то голос громче всех
Раздался в шумном зале:

— Посмотрим-ка еще! Давай
Опять картину эту! —
Ну что ж, киномеханик рад,
Он снова крутит ленту.

И замелькали в темноте
Вновь кадры из журнала,
С волнением на полотно
Глядит народ из зала.

Глядит и думает Ильяс:
«Да, всякая работа
Достойна (только лишь трудись!)
И славы и почета.

Почета я трудом добьюсь,
Себя прославлю делом!
Равняться должен я всегда
По этим людям смелым!»

Путь видит пред собой Райса,
И тем путем счастливым
Вперед, без остановок, жизнь
Летит локомотивом.

Лететь вперед, не зная сна,
Усталости, покоя!..
И сердце радостно стучит
Под девичьей рукою.

Окончен фильм. В восторге зал,
Весь клуб дрожит от грома...

Идут, высоких дум полны,
Колхозники до дома.

Весенний веет ветерок,
Он легкий, еле слышен.
В саду уж стали набухать
Тугие почки вишен.

А скоро будет сад в цвету,
Как в снеговой пороше...
За садом слышен звонкий смех
И песни молодежи.

Девчат веселых голоса
Звонят, не замолкая.
Их звонким смехом тишина
Разбужена ночная.

Лукман с Райсой идут вдвоем,
Встает луна за садом...
Как было б хорошо пройти
Всю жизнь вот так же, рядом!

Как жаркие слова лились,
Как не спалось до света,—
Щадя влюбленных, можно здесь
И умолчать об этом.

Идут они. Горит восход
Над мирными полями.
Он манит их, он их зовет
Куда-то вдаль лучами.
Над всей страной день встает
Спокойно, величаво.
То счастья нового восход,
То солнце новой славы.

По всей стране, из края в край,
Работою победной
Тебя мы приближаем, день,
День славный и заветный!

1950—1951

Любовь Танхылу

1. ХАБИР ОДИН

Ветерку вечернему открылся,
На балконе стал Хабир в тени.
Но зажглись, стирая ночи крылья,
Городские яркие огни.

И с небес сошли лучи навстречу —
К руслу,
Где играет
Ик-река,
Где на нить нанизывает вечер
Звезд голубоватых жемчуга.

Что с Хабиром?
Отчего в тревоге
Затуманилось его чело?..
Отчего глаза большие строги,
Их печальной тенью обвело?

Что-нибудь случилось на работе,
Иль неверность друга он постиг,
Иль в огней вечерних позолоте
Не сверкает больше речка Ик?

Нет, напрасны эти все вопросы,
И верны по-прежнему друзья,
Перекачивают нефть насосы,
Бур жужжит, гранита твердь грызя.

Не ослабло трудовое братство,
Не иссякло жизни торжество,
И земли несметные богатства
Только что открылись для него.

На заводе ладится работа,
Дома в праздник,
Как заведено —
В сборе вся родня,
Друзья с завода —
За столом людей полным-полно.

Не стихают праздничные тосты
И стаканов звон —
Стекло в стекло
Все, как прежде,
Хорошо и просто,
Дружественно,
Весело,
Светло.

Отчего грустит он в этот вечер,
Горестно разглядывает мглу?
Размотай клубок противоречий
Милая Хылу,
О, Танхылу.

Проскользнул по челу
Тени след
Оттого, что Хылу
Дома нет.
И в одной из комнат
В уголок

От волненья скомкан,
Лег листок.

Пролегал полого
Путь чернил,
А Хабир тревогу
Ощутил.

Замер,
Смотрит грустно
Ввечеру
С прядью темно-русой
На ветру.

Чтобы свеж и молод
Ветер дул,
Он рубашки ворот
Расстегнул.

Замер на балконе
В тишине
Только сердце стонет,
Как в огне.

Но вечерний и бесшумный ветер,
Пролетающий вдоль горки вдаль,
Горестные думы не развеял,
Не рассеял горькую печаль.

Грусть Хабира,
Не найдя покоя,
Канувшая, кажется, во тьму,
Пролетев,
Как птица над рекою,
Снова возвращается к нему,

2. ПРОГРЕМЕЛА СВАДЬБА

Каждую тропинку,
Каждый камень
Здесь в деревне,
Трепетен и мал,
Он босыми ощутил ступнями
И глазами жадными впитал.

Так ему волнующе понятно
Сельское простое бытиё.
Если б землю уместил в объятьях,
Неприменно обнял бы ее.

Здесь горбаты горы,
Как верблюды.
А луга...
А тихая река,
Как асфальта лента,—
Что за чудо,—
Как стихотворения строка.

Тут знакомо дерево любое,
В поле и его есть борозда.
И согреты первую любовью
Каждая тропинка и звезда.

И деревня помнит о Хабире:
Возле этих гор и тополей
Встретил он единственную в мире,
Что и до сих пор других милей.

Все к нему испытывали зависть,
Ведь она прекрасней всех была,
Как ему.

Так и другим казалась
Самой лучшей девушкой села.

Непрерывно черных кос движение,
Платье развевается,
Как стяг —
Хороша до головокруженья —
Только глянешь,
И уже в сетях.

Впрочем, зря...
Ее души не тронет,
Не встревожит,—
Знали все вокруг,
Ни язык испытанный гармонии,
Ни вечерней долгой песни звук.

Лишь Хабир отважился на это:
Дал пиджак
На улице ночной.
И рука в руке
Была согрета:
— Хочешь быть мне другом и женой?

Как по улице,
По жизни рядом
Мы пойдем повсюду,
До конца...
Промолчи...
Блесни согласным взглядом
И не отворачивай лица.

Нам идти поможет,
Нас возвысит

Нежного единства торжество.
Счастье ведь от нас самих зависит,
А не мы зависим от него.

Мы сегодня ощутим впервые
То, что не заметили вчера:
Вечера сквозные, голубые
И восходы —
Отблески костра.

Молодость пришла с любовью вместе,
Молодая доля неплоха,
Но присматривается к невесте
Лишь Усман —
Родитель жениха.

Все чего-то старцу не хватает,
В наставленьях проявляя пруть,
Образумить Танхылу мечтает,
Сына от ошибок оградить.

— Девушке не жалко ли колхоза? —
Говорит бесспорные
Слова, —
За поэзией начнется проза,
Будет ли любовь
Тогда жива?

Танхылу завоевала славу,
Для колхоза, все отдав труду.
В небесах ночных
Зажег по праву
Он над головой
Ее звезду.

Счастливо ли проживете с нею,
Ждет она не деньги,
Не хвалу,
Ты продумай,
Взвесь свою затею,
Ведь живет работой
Танхылу.

Вы еще привыкнете невесть как
Новой жизни
Видеть красоту.
Разве ограничится невеста
Танцплощадкой
В городском саду?

Не уступит
В красоте царевне,
Только у нее
Удел иной.
Да и сам, сынок, ты —
Сын деревни,
Сын уборки,
Жатвы,
Посевной.

Деревенскому роднее люду,
Здесь и жил бы, душу веселя,
Говорили осенью придут
Новые машины на поля...

Сын отца прослушал терпеливо,
— Все продумано, имей ввиду;
Старики сказали бы ворчливо:
«Впряжен конь, телега на ходу».

Танхылу теперь —
Моя забота,
Все разделим с нею
Пополам,
А работа —
Всюду есть работа —
В городе,
Колхозе,
Здесь и там.

В пригороде ль на земле
Колхозной,
В школьном классе
Иль на борозде.
Оказалась бы любовь серьезной,
А работу мы найдем везде.
Пусть передохнет она немного,
Сделает в работе перерыв,
Может и на фронте, не в тревогу,
Подремать герой, глаза прикрыв...

Прогремела свадьба,
Песен праздник
Не знакомый с думой и тоской.
До утра гуляли,
Утром «газик»
Их увез к дороге городской.
Годы мерят,
А не километры,
В город из села неблизкий путь,
Так близки влюбленные,
Что ветру
Между ними трудно проскользнуть.
Тени тополей назад летели,
Избы,

И саран,
И плетни,
А зеленый «газик» нес их к цели,
Просигналив ветру:
«Догони!»

Как приятна встреча!
Но иное —
Твой прощальный взгляд сказал селу;
С грустью оглядела
Все родное
Влажными глазами Танхылу.

Там осталось столько —
Не измерить:
Сев,
Уборка,
Обмолот,
Косьба...
Не судьба
(Она в нее не верит)
Там осталось больше,
Чем судьба.

Разве мало увозили кротких
С сундуками, или без поклаж,
На просторы ледяной Чукотки
Или на загадочный Балхаш.

Черпая в любви своей немало,
Оставляли прошлые труды;
Их любовь пустыни украшала,
Заставляла расцветать сады.

Уезжают из села невесты,
Молодости далеко шагать —

Через гор хребты,
Сквозь неизвестность,
Реки поворачивая вспять.

Эти мысли Танхылу в дороге
Помогали высушить глаза,
Оставляя позади тревоги,
Как родной деревни небеса.

* * *

Коротка дорожная усталость.
Все невесте вновь поют хвалу.
Свадьба,
Словно и не прекращалась —
У Хабира в доме
С Танхылу.
Снова поздравления невесте,
Полон дом гостей у них опять.
Начинаясь,
Не смолкают песни,
Стар и млад не устают плясать.

Заводские преподносят розы,
Говорят:
— Невеста хоть куда! —
Приезжают гости из колхоза
Ближнего
С названием «Звезда».

Отдавая дань вину и снеди,
Захмелели многие совсем.
И зашли ближайшие соседи
По двору —
Гильман и Гюлэндэм.

А когда сморила всех усталость,
По домам все гости разошлись,
С Танхылу лишь Гюлэндэм осталась...
Муж сказал:
«Вот у кого учись!»

Гюлэндэм беседовала притко,
Поспевая все сказать едва,
И нанизывала, как на нитку,
Мелкие, как бусинки, слова.

И невесте стало чуть обидно —
Кончилось «наукой» торжество.
Но она смолчала:
Будет видно,
Кто учиться станет у кого.

Многое хотелось угадать бы,
Только душу зря не бреди,
Мы дошли до окончанья свадьбы,
Остальное будет впереди.

3. С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ

Было все, как в песне, изначально —
Сладостна семейной жизни новь,
Словно солнце в полдень, жгла нещадно
Их неуголимая любовь.

Танхылу, целуя у порога,
Провожала мужа каждый день.
Вечером, нахлопотавшись много,
Платьице нарядное надев,
Говорила:
— Милый, ой как зябко,

Завтра одевайся потеплей! —
С силою секла ее поземка
По щекам, по икрам —
Злей и злей.

Но встречал Хабира ежедневно
Теплый дух семейного жилья.
Он, обняв жену, шептал:
— Царевна,
Спутница,
Красавица моя.

Стало меньше в доме посторонних,
Все теплело от ее руки,
Запестрел цветами подоконник,
На подушки сели мотыльки.
С толстыми томами этажерка
Появилась, новая, в углу.
И Хабир промолвил,
Глянув сверху:
— Для чего нам это, Танхылу —
«Виноград»,
«Озимая пшеница»...
Мог бы этих книг
Ненужный строй
На колхозной полке разместиться
Лучше, чем в квартире городской.
Мы ж с тобою люди городские...—
Но внезапно грустно стало ей,
Танхылу напомнила впервые:
— Я пшеницы дочь,
Я дочь полей.

Чуть поспорили;
И снова — мир.

Танхылу смеялась,
И Хабир.
Стоит ли браниться?
Пусть стоят
Томики: «Пшеница»,
«Виноград».

Но Хылу, закрыв лицо руками,
Видно, в настроении плохом,
Молвила:

— Хабир, лежащий камень
Очень быстро порастает мхом.
А Хабир:

— К чему такие мысли,
Беден дом, в котором ты живешь?
И заботы над тобой нависли
Или хлеб готовый не хорош?
Ни в еде нужды нет, ни в одежде,
Хочешь денег — ничего не жаль.
Видела ли ты такое прежде,
Хочешь для тебя куплю рояль? —
Говорит Хылу:

— Тут спор излишен,
Дом у нас богатый...
Ну и что ж,
Если даже в нем рояль услышим,
Разве против роскоши пойдешь!
Только дело вовсе не в рояле,
Наши деревенские всегда
Свой очаг семейный украшали
Общностью артельного труда,

— Что же мы, работу не видали,
Ты вокруг позорче погляди,
Иль покоя не дают медали

У подружек прежних на груди?
Вот мои медали, если надо,
Приколи на кофту, не шучу!..

— Брось, Хабир, и спрячь свои награды
Я сама, коль надо, получу.

— Нет, скажи, чем плох домашний воздух,
Вот возьми соседку Гюлэндэм,
Что сидит над вышиваньем поздно;
Даже птицы украшают гнезда,
И не убиваются совсем.
Не невежда. На отлично, ловко
Институт окончила она,
Дали в Зауралье ей путевку,
Отказалась —

Мужняя жена.

Согласившись — дни б в глуши влачила,
Где веселья часа не найдешь —
Лошадей бы и коров лечила,
Прозябала бы в буран и дождь.
Отказалась!

Полюбуйся только —

Каждый день концерты и кино,
Все вокруг —

Завиднейшая долька —

Ею восхищаются давно.

А какая женщине отрада

Жить в глуши?

И рада Гюлэндэм,

Что у мужа твердая зарплата,

Жаловаться не на что совсем.

Для Хылу вдруг солнышко померкло

И часов остановился бег,

Как же к счастью с этой куцей меркой

Подошел любимый человек?

Танхылу промолвила с усилием:
— На Сулпан и мужа погляди,
Ведь они, как птица —
С парой крыльев.
Все у этой пары впереди.
Дети их приходят из детсада
Вместе с ними.
Все спешат за стол,
Каждый вечер — праздник и отрада...
Отчего, Хабир, ты хмур и зол?

И сказал Хабир, как отрезая:
— Понял,
Ничего тебе не жаль,
Это только зависть,
Зависть злая —
У Сулпан ты видела медаль.

Выдался какой-то вздорный вечер:
Услыхав Хабира похвалу,
Слову каждому его переча,
Все, ему во всем противореча,
Отрицала начисто Хылу.
Если ж Танхылу была довольна
Чем-нибудь...
Хабир кричал баском:
— Нет, довольно!
Это недостойно! —
Все пошло в тот вечер кувырком.
Танхылу в речах Хабира, вроде,
Всюду находила смысл пустой:
— Так погрязнуть можно и в болоте,
Даже не по пояс,
С головой!

А Хабир иронии не прятал:
— Как умна ты стала в этот год,
Повезло и мне —
Ведь агитатор
В моем доме собственном живет.
Все расскажет, растолкует строго,
Разжует...
Я б без тебя пропал!
И не представляешь ты, как много
Очень важных истин не узнал.

В эти дни Хылу и в самом деле
Лучшим агитатором была.
Предстояли через две недели
Выборы.
Горячая пора,

Дел и разговоров изобилье,
К каждому подход совсем иной.
И казалось Танхылу, что крылья
Вырастали за ее спиной.

В эти дни она встречала редко,
Делу отдаваясь от души,
Гюлэндэм, ближайшую соседку...
Воздух словно легче стал...
Дыши!..

Только в доме потускнела радость:
Иль на солнце набежала тень?..
Комнатных цветов голубоватость,
Словно потускнела в этот день.
Стал ли воздух, как ледок от стужи,

Иль бураны задышали чуть,
Но собрались мотыльки с подушек
На пол поскорее соскользнуть.

4. СЮДА НЕ ПРОНИКАЮТ ВЕТРЫ, БУРИ...

За стеною Танхылу соседи
Мало ей знакомые совсем:
Муж, девятилетний сын — наследник
И сама хозяйка — Гюлэндэм.

Я спешу, но только суть не в этом,
Время есть для каждого плода:
Зрелость земляники — ранним летом,
Яблок сбор — осенняя страда.
И не долетают разговоры,
Не доходит улиц шум сюда,
От того, что бархатные шторы
В доме Гюлэндэм, как невода.

Бархатные крепости всесильны,
На пути к полдневному огню —
Как лимон, желтеют бальзамины
И шафраны сохнут на корню.

Но шафран и бальзамин не надо
Путать с Гюлэндэм,
Ведь до сих пор
Для нее целительна прохлада
Бархатных тяжелых пыльных штор.
Утром муж уходит на работу,
А она — под сенью полумглы.
Для нее прокипятители воду,
Чай готов и вымыты полы.

Прогорела печь.
Гремит заслонка...
Слышит материнские слова...
Остается человек ребенком,
Если мать его еще жива.

Ей работа и забота кстати,
У стола, на кухне, у корыт.
Шестьдесят ей,
Но к приходу зятя
Каждый день, как в праздник стол накрыт.

А она сама живет беспечно —
Жизнь, как рельсов ровная черта,
Собственной своей персоной вечно
Занята,
Капризна и пуста.
А ведь было время, что веселой,
Озорною, горячей огня
Меж подруг слыла,
Любила школу,
И без дела не жила ни дня.

Только прочитав в своем дипломе,
Что она теперь
«ВЕТЕРИНАР»,
Загрустила в деревенском доме...
Подвернулся муж —
Богат и стар.

Не был он ни молодым, ни прытким,
Но не зная, что в таком нашла,
Получила от него с избытком
Вдоволь и уюта и тепла.

Обленилась,
В сердце лень проникла,
Стала жизнь медлительна, легка,
И она к ней быстро так привыкла,
Окунулась с головой в шелка.

И сочла своею долей скоро:
Туфельки да платья, да пальто...
Обмелеют реки,
Рухнут горы,
И сгорят деревья —
Ей то что!

5. ЧУДНЫЙ ХАРАКТЕР У ХАБИРА...

Дни Хылу не изменяют хода
Времени.
С утра:
— Хабир, пора! —
Утром собирает на работу,
Дома ожидает вечера.

Вышиты все наволочки в спальне
И в столовой шторы — в мотыльках.
Ставится на стол графин хрустальный,
К ужину все блюда в пирогах.

Показались зряшными уроки,
На полях работы...
Все не впрок!
Чтобы слушать мужние упреки:
— Суп простыл,
Иль подгорел пирог?..

Лишь щеку подперла с огорчением,
И подсев к накрытому столу,
Вспомнила далеким сновиденьем
Юность той далекой Танхылу.

А сейчас ее томит усталость,
Ведь бывало время,
Что горя,
Вся мечта ее не умещалась
На полях безбрежных, как моря.

В развороте тракторного гула,
Видела широкую судьбу...
Незаметно Танхылу свернула
На вот эту узкую тропу.
Заменить на спальню, дом, перину
Вольные широкие пути,
На тропинку эту, что в трясину
Незаметно
Может завести.

Муж Хабир преподносил, однако,
Ей скатерки с пестрою тесьмой,
Туфельки из импортного лака
И духи из Франции самой.

А бывало, только отлучится
Он в Уфу
(Не более трех дней)
Ей такую привезет вещицу,
Что до этого не снилось ей.

А, однажды, весом чуть не в тонну,
На грузовике привез рояль

И вздохнул довольно.

Облегченно:

— Ну, теперь развеется печаль.

Ну, теперь растает в сердце стужа,
Это — не гармошка, а рояль,
Дай бог всем иметь такого мужа,
Ну садись, красавица, играй!
И мелодией любимой самой
Слух свой нежный услаждать изволь,
Если ж не умеешь,
Прежде гаммой
Занимайся:
До, ре, ми, фа, соль...
Попроси, казалось, — город целый
Ей в подарок принесет сюда,
Чтобы только не осиротела
Без нее квартира навсегда.

Чтобы только Танхылу плясала
Перед гостем или перед ним.
Чтоб стряпни вовеки не бросала,
Над огнем глотая горький дым.

Чтобы пуговицы пришивала —
Ведь у каждого свои дела,
И цветы на окнах поливала,
И ковры на улице трясла.

Размышлял Хабир, казалось,
Ясно:
«Если будет дел неуворот —
Для нее привычной жизни праздной
Станет эта — полная забот,
Ей она покажется прекрасной».

Только не подумал он, что вот
Танхылу становится несчастной,
И от жизни трудной,
Страдной,
Страстной
С каждым днем все дальше отстает.
.

Март все окна исчертил пунктиром,
И метет по улице буран.
Чтобы повидать Хылу с Хабиром
Погостить приехал к ним Усман.

Почему и сам не ведал толком,
Просто к сыну в гости — дед седой —
Оттого, что не видались долго
С сыном и невесткой молодой.

Сбросил шубу с шапкой он
И кратко
Произнес:
— От матери саям!..—
И от родственников по порядку,
А затем уж перешел к друзьям.

От квартиры веяло избытком.
И мужчины подошли к столу,
Воздавая блюдам и напиткам
Похвалу,
Как впрочем, Танхылу.

Дед, не ожидая, чтоб спросили,
Про парней рассказывал, про труд...
Девушки ж, по внешности и силе,

Так все расторопны и красивы,
Что парней в работе обойдут.

Только вот досада, что девчата
И ребята,
Суть познав труда,
Как едва окрепшие орлята,
Все спешат умчаться из гнезда.

Глупые орлята желтороты,
Но совсем другой упрек орлу:
— Вы вот обещали.
От работы,
Мол, не оторвется Танхылу.
Знаю про усталость и мозоли,
Времени незамедлённый бег
На заводе так же, как и в поле,—
Только не в мещанстве,
Не в неволе
Человеком станет человек.

И не сможет золотая клетка
Соловья запеть заставить, нет,
Чтобы расцвела сирени ветка
Чаще выноси ее на свет.

Чтобы с ветром скакуну сравниться.
Ты почаще отпирай сарай.
Чтобы воспарила в небе птица,
Края крыльев ей не подрезай.
Пусть произнесенные с любовью
Те слова вонзались, как металл.
И Хабир повел угрюмо бровью,
Впрочем, возражать отцу не стал.

Но прошла зима,
И с гор потоки
Низвергались, видя солнца власть.
Танхылу печаль за эти сроки
Нет, не улеглась, не унялась.

Стоило взглянуть в окно из дома
В кисею рассветной пелены,
И услышать запах чернозема,
Или первой поросли весны;
И полей, что влагу испаряя,
Дожидались первой борозды,—
Показалась ей земля сырая
Долгожданной голубой звезды.
И название ее колхоза
Не случайно, может быть, «Звезда».
Танхылу утри украдкой слезы,
Ожидают там,
Иди туда.

Ведь не подыскали агронома —
Председатель ищет до сих пор:
— Ну довольно! Насиделась дома.
Ну, решайся! Ждет тебя простор.—

Только что Хабир ревнивый скажет?
Сколько он говаривал уже:
— Иль влюбилась там, вот диво! —
Скажет
И прибавит горечи душе.

Ничего она не понимала,
Когда он, смеясь, ответил ей:

— В городе тебе работы мало?
И идешь искать среди полей...

* * *

Гюлэндэм опять зашла к соседке,
Подошла к серванту и столу:
— До чего красивые салфетки,
Ты сама их вышила, Хылу?
Настоящий рай... Твое богатство...
Нелегко нажить, имей в виду.
От такого клада разбежаться?
Образумлю, думаю, зайду.
Ну-ка сядь, поговори со мною,
Вот диван.
Вот дорогой ковер.
Принесла шитье я кружевное,
Некоротким будет разговор.

И из неглубокого кармана
Гюлэндэм вязанье достает:
— Танхылу, я вашего романа
Не пойму замысловатый ход...

Давние семейные законы
Переплетены, как кружева,
В душу Танхылу бьют неуклонно
Трезвые и жалкие слова:
— Вышла замуж я не для работы
«Молодой старухи» жизнь горька
И морщины, как следы заботы,—
На лице,
Хоть нет и сорока.
А мужья стареющих не любят,
Береги богатство красоты,

А состаришься — не приголубит,
Муж тебя,
Как ни старайся ты.

Танхылу ответила усмешкой:
— Слишком эта песенка стара.

Возразила Гюлэндэм:
— Не мешкай,
А не то пройдет твоя пора.
Разве же умом житейским скрасишь,
Рухнувшие чувства,
Осмелев,
Разве бабьей трезвостью погасишь,
Сердца человеческого гнев? —
И она бубнит совсем без злости,
И вязанье держит у груди,
Если днем не забредает в гости,
Вечером, — не ошибешься — жди.
Знает несогласья в каждом доме,
В скважины замочные смотря,
А ее старик,
Хоть был и скромненький,
Молодым не тратил время зря.

Ей дела известны всех соседей:
У кого и кто бывал в гостях,
В беглой доверительной беседе
Обо всех расскажет новостях.

В день, когда ты от нее услышишь,
Сотни сплетен, вздорных и пустых,
На горах башкирских столько вышек
Кружевных возникнет, нефтяных.

Столько станет домиков и домен,
Столько шахт, куда ни наступи,
И хребет взорвут,
Что был огромен,
И проложат столько рельс в степи.

Колосом с окраской золотою
Летняя отмечена пора —
Та, что Гюлэндэм за болтовнею
Проводила дни и вечера.

Если бы запрячь в упряжку сплетни,
Если бы зерно, в конце концов,
Перемалывали тяжело сплетни
Мельницею с парой жерновов...

Есть еще такие пустомели,
Пустозвоны,
Болтуны.
Они
Косточки б перемолоть хотели
Всей родни, а также не родни.

Растоптал бы я их сапогами,
К пересудам поубавил пыл,
Разорвал бы сети их стихами,
Жажду к сплетням навсегда б отбил.

* * *

Утром подошла Хылу к заводу.
А потом прошла десятки троп.
Всюду приглашали на работу
«Детский сад»,
«Горфин»,

«Горторг»,
«Гортоп».

Место в магазине продуктовом,
И в конторе канцелярский стол,
Должность на хлебозаводе новом,
Замдиректора одной из школ.

Эти предложенья не приемля,
Берегла она в шкафу диплом,
Сердцем влюблена в родную землю,
В званье,
Нет, в призванье:
Агроном.

А Хабир явился чуть ни в полночь,
Жил с утра в заботах да в труде,
Вечером оставил чашку полной,
Даже не притронулся к еде.
А Хылу:
— Ты заболел, наверно,
В городе немало докторов,
Ты совсем измученный и нервный.
Но Хабир ответил:
— Я здоров.
Вдоволь есть здоровья,
Хватит силы,
На заводе нету неудач...
Вот жена,— я вижу,— разлюбила —
Только в этом не поможет врач.
Зря твоя тревога.
Я не болен.

Это не работа, не завод,
Но моя ухабиста дорога
И куда не знаю приведет.

— Но скажи, в чем дело?

— Я приехал

Из села;

Туда зовут опять!

Я и тут тружусь не без успеха,

И причин не вижу уезжать.

— Что ответил ты?

— Что не согласен.

— Это окончательно,

Всерьез?

Да! Но вот раздор в семье опасен.

Проживем без ссор, обид и слез.

А соблазнам славы я не внемлю —

Ни медаль, ни орден не влечет.

Хватит!

Попахал я эту землю,

Для других теперь пришел черед.

Танхылу совсем остоленела,

Не решаясь возражать ему,

А потом промолвила несмело:

— Я тебя, мой милый, не пойму.

Что такое личная причина!

Как ничтожны весь уют и тишь

Рядом с зовом общего почина!

Этого себе ты не простишь.

До колхоза путь от нас недлинный,

А ведь молодые всей страной

«Здравствуй», говорят, земле целинной,

Едут, чтоб зажить семьей единой,

Первый раз засеяв край степной,

Танхылу вошла по переулку
В улицу широкую, как тракт,
Каблуки выстукивали гулко —
Сердцу волновавшемуся в такт.

Здесь берут начало все дороги
В сотни мест,
На сотни верст окрест,
И просты слова,
Просты и строги
На дверях «Горком КПСС».

Моложавый секретарь горкома
Ей сказал:
— Легко тебя пойму,
Если к делу больше никакому
Сердце не лежало,
Быть тому.
Быть тому, что не дает покоя —
И тревожит смелые сердца,
Коль у человека есть такое,
То идти он должен до конца.

Танхылу совсем как в день рожденья
Сердцем ощутила этот день,
Всем своим раздумьям подтвержденье,
Встретила,
С чела согнавши тень...

Но Хабир воспринял это хуже,
В глубине зрачков сгустилась мгла:
— Как не посоветовавшись с мужем,
Ты туда советоваться шла?

— Ну, Хабир, не хмурься и не сетуй,
Ведь сейчас иные времена,
Будет нашей общемою победой
Вся моя перед тобой вина.

И в затее,
И в победе этой
Буду я с тобой во всем равна.
Да Хылу отныне не согласна
Прозябать от жизни в стороне,
Ей просторною дорогой ясной
Хочется шагать
Лицом к весне.

Ждет ее иных людей соседство —
Трудная целинная страда.
Но земля
Любима ею с детства,
Выбор сделан раз и навсегда.
Не со стороны смотреть, не с краю,
Принимая трудные дела:
Решено,
Я долго выбираю,
Сказанное слово, как стрела.

А Хабир в отчаяньи руками
Голову волнуясь обхватил...
— Брось, Хабир, иль разными путями
Мы пойдем...
Но как набраться сил?

И Хабир, как будто в час несчастья,
Думал, думал до утра о них.
Ведь не зря часы ночные часто
Кажутся длинней часов дневных.
Утром поскорей Хылу оделась.

Выбран путь и ясен, и знаком.
Исчезает прежняя несмелость
У дверей с табличкою:
«Горком».

А Хабир другим путем шагает.
Сам себе вопросы задает.
Сам себе на них он отвечает,
Хоть никак ответа не найдет.

Как же я не понимаю, право,
Должен потерять жену свою?
Кто себе присваивает право
Без согласия разбивать семью?

Не нужна мне хитрая лазейка.
Мой горком и партия моя,
Коммунизма первая ячейка,
Рушится —

Советская семья!

Так примерно и сказал в горкоме
И просил:

— Оставь жену мою.

Пусть не станет трещиной в доме
Подвиг,

Разрушающий семью.

Секретарь горкома моложавый,
Не скрывая огорченный вид,
Говорил:

— Твое, товарищ, право

Поступать, как совесть повелит.

Но никто не испытает боли,
Коль решение верное найдем,
Самую счастливой было б долей,
Если б вы поехали вдвоем.

Танхылу тогда просушит слезы,
И семья, как прежде, заживет,
Оба вы, Хабир, нужны совхозу,—
Побогаче кадрами завод.
А Хабир, не возражая вроде,
Промолчал, окончив разговор,
(«Значит, на заводе я не годен,
Как же был я годен до сих пор?»)

Впрочем, как меня проверит кто-то,
Ноги ломают, сердце жмет, хоть плачь,
Есть у нас один знакомый доктор
Должен посочувствовать —
Ведь врач.

До сих пор не подавала вида,
Тут не удержалась Танхылу:
— Стыдно за тебя мне,
Жжет обида,
В полдень ты привел меня во мглу,
И лишил здоровья и отваги
Самого себя ты сгоряча,
Сам ты знаешь —
Грош цена бумаге
Твоего знакомого врача.
Для тебя и не придумать хуже...
Ты здоров.
Цена бумаге грош.
Ты — жену,
А я теряю мужа.
Можно ли быть чистыми снаружи,
Ежели внутри гнездится ложь?!
Но Хабир отравой тронул душу,
Крепость из бумаг себе воздвиг.

Уговоров не желая слушать,
Предъявил он справку в тот же миг.

Прежде было думать об отъезде
Проще.

Только виделось село.

Думала: а вдруг уедем вместе,
Сразу бы от сердца отлегло.

Но пришел отъезд, как все приходит —
Радость с огорченьем пополам.
Может быть, Хабир меня проводит,
А за мною вслед приедет сам?
Если же не явится, то снова,
Снова будет трепетать душа...
«Ну скажи единственное слово,
Ну скажи, ответь мне не спеша...»

Паровоз в дыму, как в пене тонет,
Полон нетерпенья своего,
Провожатых сотни на перроне,
Не найдут глаза лишь одного.

Он пришел всего через минуту
После отправления.
О, печаль,
Сердце долго застучало, будто
Вслед кричало ей:
— Прощай... Прощай...

Это что ж?
«Прощай» любви он шепчет?
Или сразу прошлому всему?
Или путь, что славою увенчан,
Новый путь мерещится ему?

Сердце так стучит, еще невнятно.
Порицанье или похвалу,
Комната...
И на столе измятый
Маленький листок письма Хылу.
Кто-то стукнул в дверь, как-будто ветка,
Звон откликнулся в дверной скобе.
— Ну, входите...
Гюлэндэм, соседка
Говорит:
— Сочувствуем тебе.

Танхылу уехала и ладно,
Ты себя сомненьями не мучь.
Возвратится Танхылу обратно,
С мужем для тебя нашли мы ключ.
Скажешь, не дорос!
Я, мол, такой.
Не хочу в совхоз
Я никакой,
Не угодно мне,
И не хочу!
Муж шепнет Фоме
Фомичу...

Но Хабир, ее слова услышав,
Прошипел:
— Не стану никогда!
Словно молния попала в крышу,
Разлучив соседей навсегда.
Гюлэндэм шагнула от испуга
К двери,
Так Хабир был зол и хмур.
— Мы ж старались с мужем, как для друга...
— И перестарались чересчур!

Гюлэндэм пожаловалась мужу:
— Слышал ты, как платят злом добру?
А Хабиру стало только хуже,
Он стоял на ледяном ветру...

Ветерку вечернему открылся,
На балконе стал Хабир в тени.
Но зажглись, стирая ночи крылья,
Близкие и дальние огни...

1955—1958

СОДЕРЖАНИЕ

Верность первому чувству. Виталий Смирнов . .	3
<i>Речушка Вар.</i> Перевел М. Дудин	10

С Т И Х И

Идя на пост. Перевел Н. Сидоренко	13
„Желтеет лес...“ Перевела Р. Гинцбург	14
„Листики календарные облетят...“ Перевела К. Арсеньева . .	15
Наша звезда. Перевел Н. Сидоренко	16
Одна душа. Перевел Н. Милованов	17
Я люблю наш родимый край. Перевел Я. Городской	18
„Навстречу жизни — сердце ты открой...“ Перевела Е. Шум- ская	19
Желание. Перевела Е. Шумская	20
Песня гнева. Перевела Т. Стрешнева	21
Рассвет над полем боя. Перевел М. Шехтер	22
Я верю. Перевел Л. Мартынов	23
Перед атакой. Перевела Т. Стрешнева	24
Сердцу милая река. Перевел П. Папченко	26
Рождение песни. Перевел Н. Милованов	28
Любовь и ненависть. Перевел Н. Милованов	29
Из блокнота. Перевела Е. Шумская	30
Баллада о Салавате. Перевел Н. Милованов	31
Я жизнь люблю. Перевел М. Шехтер	33
На том месте, где было село. Перевел А. Ситковский	35
На берегу Днепра. Перевел В. Трубицын	37
Горе. Перевела Е. Шумская	38
Среди цветов. Перевел Л. Мартынов	40
Дорога солдата. Перевел Н. Сидоренко	41
„Свежий ветер ласкает меня...“ Перевел А. Ситковский . . .	42
Моей республике. Перевел С. Липкин	43
Батырам слава. Перевела Т. Стрешнева	45
Подарок новобрачным в день свадьбы. Перевела К. Арсень- ева	47

Сердце не камень. Перевела К. Арсеньева	48
Не грусти. Перевел Л. Мартынов	49
Тебе мой каждый вздох. Перевел Л. Мартынов	50
Думы о братстве. Перевел Л. Мартынов	52
Вдалеке — Уфа родная. Перевел Н. Милованов	55
На Красной площади. Перевел В. Трубицын	56
Тебе. Перевел С. Олендер	57
Советский человек. Перевел Н. Милованов	58
В горах. Перевел Л. Пеньковский	59
Памятник. Перевела С. Кузнецова	60
Зеленые волны. Перевел С. Олендер	61
Весенний сад. Перевел Н. Милованов	62
Портрет на скале. Перевел Н. Милованов	64
Голос Москвы. Перевел Н. Милованов	66
Салют. Перевел С. Северцев	68
Старый тополь. Перевел Л. Шерешевский	70
Тепло ленинских рук. Перевел Н. Милованов	72
„Весенний ветер гладит зябь...“ Перевел М. Дудин	74
„Я пришел на Дему...“ Перевела С. Кузнецова	75
В пути к большому перевалу. Перевел К. Симонов	76
Монтер. Перевела С. Кузнецова	77
Свадебная песня. Перевел Н. Милованов	78
Осень. Перевел Н. Милованов	79
Иду к тебе. Перевел Н. Милованов	80
Памятник Салавату. Перевел Н. Милованов	81
Майские цветы. Перевел Н. Милованов	82
Партии. Перевел Н. Милованов	83
„Ты попробуй подняться на гору Махмут...“ Перевела С. Куз- нецова	85
Не за себя лишь одного. Перевел Н. Милованов	86
Когда начнешь о юности тужить. Перевел Н. Милованов	89
Что за ночь... Перевела С. Кузнецова	91
„На весну нет пока и намека...“ Перевел Л. Шкавро	92
На тропинке. Перевел Н. Милованов	93
Верно сказал. Перевел Н. Милованов	94
Строитель. Перевел Н. Милованов	95
Родник Салавата. Перевела С. Кузнецова	96
Лицом к горным вершинам. Перевела С. Кузнецова	97
В зимнем саду. Перевела С. Кузнецова	99
Дайте слово и мне... Перевела С. Кузнецова	101
Вспоминая молодость. Перевел Н. Милованов	102
Коммунисты. Перевел Л. Шкавро	106
Янгантау. Перевела С. Кузнецова	110

„У кого много сил? У солнца!..“	Перевела С. Кузнецова . . .	111
Мне краткий срок для отдыха дается...	Перевел Н. Милованов . . .	112
Застольная на новоселье.	Перевел М. Дудин . . .	113
Волчьи ягоды.	Перевел В. Торопыгин . . .	114
„Умирает дуб извечно стоя...“	Перевел Л. Шкавро . . .	116
„Говоришь ты мне—позову врача...“	Перевела С. Кузнецова . . .	117
„Зеленые поля!“	Перевел Н. Милованов . . .	118
Утренние думы.	Перевел Н. Милованов . . .	120
Я в ваших рядах.	Перевела С. Кузнецова . . .	123
Когда шумят дубы.	Перевел Н. Милованов . . .	124
Как узнали...	Перевела С. Кузнецова . . .	126
Неужто позабыть?..	Перевел Н. Милованов . . .	128
„Что жизнь без дружбы — уголь без костра...“	Перевела С. Кузнецова . . .	130
Жизнь, оставшаяся в песнях.	Перевела С. Кузнецова . . .	131
Три подарка.	Перевел Н. Милованов . . .	134
Улица Ленина.	Перевел В. Трубицын . . .	136
Мой стих.	Перевел Г. Соколов . . .	138
То со страстью, то с тоскою...	Перевела С. Кузнецова . . .	139
Украина.	Перевела С. Кузнецова . . .	140
Весенние картины.	Перевел Л. Шкавро . . .	141
„Уже давно тебе не восемнадцать...“	Перевел Н. Милованов . . .	142
Урал говорит мне.	Перевела С. Кузнецова . . .	143
„Россия — не только березы...“	Перевела С. Кузнецова . . .	145
„Снова, снова льют капли...“	Перевела С. Кузнецова . . .	146
Где бы ты ни был...	Перевел В. Афанасьев . . .	147
Моему брату.	Перевел Л. Шкавро . . .	148
„Опоздало нынче прийти тепло...“	Перевела С. Кузнецова . . .	149
„Лишь бы не растерять...“	Перевел Н. Милованов . . .	150
Нет, не жалею...	Перевел В. Трубицын . . .	151
Опадают желуди...	Перевел Н. Милованов . . .	152
Памяти друга.	Перевел Н. Милованов . . .	153
Слово солдата.	Перевел Н. Милованов . . .	155
Для тебя...	Перевел Н. Милованов . . .	157
Еще не пробудился вешний гром.	Перевел Н. Милованов . . .	158
„Зеленая песня полей!..“	Перевел В. Трубицын . . .	161
„По-разному весны дышат...“	Перевела С. Кузнецова . . .	162

Сатирические строки

Х вастунья.	Перевел С. Гехт . . .	165
Пшеничное зерно и мякина.	Перевел И. Законов . . .	166
Самоуверенный петух.	Перевел И. Законов . . .	167

Тропинка и большак. Перевел И. Законов	168
Хомяк и еж. Перевел И. Законов	166
Лиса-курятница. Перевел И. Законов	170
Объявление и зайцы. Перевел Н. Милованов	172

П о э м ы

Девушки. Перевел А. Кронгауз	175
Светлая звезда. Перевел В. Луговской	188
„Золотой колос“. Перевели К. Ваншенкин и Е. Винокуров . .	217
Любовь Танхылу. Перевел А. Кронгауз	294

Ханиф Карим
(Каримов Ханиф Каримович)
Избранные произведения

Стихи и поэмы

Редактор
В. А. Трубицын
Художественный редактор
А. А. Астраханцев
Художник-оформитель
В. А. Соколов
Технический редактор
Г. К. Зигангирова
Корректоры **А. В. Антропова, Л. Ф. Селезнева**

Сдано в набор 28/V 1970 г. Подписано к печати 4/IX.
1970 г. Формат 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 10,5+0,06 вкл.
Условн. печ. л. 12,29+0,07 вкл. Уч.-изд. л. 11,10+0,04
вкл. Тираж 10 000. П04301. Изд. № 98. Заказ № 337.
Цена 1 руб. 27 коп.

Башкирское книжное издательство
Управления по печати при Совете Министров
БАССР, г. Уфа-25, улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат
Управления по печати при Совете Министров
БАССР, г. Уфа-1, проспект Октября, 2.

Новинки 1970 года

**БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО в 1970 ГОДУ
ВЫПУСТИЛО НЕСКОЛЬКО НОВЫХ КНИГ НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ.**

**САЙФИ КУДАШ. Избранные произведения
в двух томах. Том I.
Стихи. Стр. 368, ти-
раж 10000, цена 1 руб.
25 коп. Том II. Повести.
Стр. 416, тираж 10000,
цена 89 коп.**

Народного поэта Башкирии Сайфи Кудаша хорошо знают и в родной республике, и далеко за ее пределами. Его книги (стихи и проза) изданы на башкирском, татарском, казахском, узбекском и других языках многонационального Советского Союза.

Не раз его произведения издавались и за рубежом.

В «Избранные произведения в двух томах» Сайфи Кудаша вошло все лучшее, что создано народным поэтом за многие годы.

А творчество С. Кудаша, как известно, многожанровое. В двухтомнике читатель найдет и новеллы («Навстречу весне»), и мемуары («Незабываемые минуты»), и лирику, и сатиру. В первый том, куда входит только поэзия, включена и новая книга философских раздумий Сайфи Кудаша «У костра», ранее не публиковавшаяся. Стихи, вошедшие в эту книгу, переведены Л. Татьяничевой, А. Решетовым, Н. Миловановым, Л. Хаустовым, И. Озеровой, В. Трубицыным, Г. Молодцовым и др.

Двухтомнику предпослана интересная статья «Щедрость таланта» кандидата филологических наук В. Смирнова.

ГЕННАДИЙ БАННОВ. Под сенью черемухи.
Рассказы. Стр. 128,
тираж 15000, цена 14 коп.

«Под сенью черемухи» — это первая книга рассказов молодого писателя о наших современниках.

САГИТ АГИШ. Путешествие на санках.
Стр. 24, тираж 100000, цена 4 коп.

«Путешествие на санках» — это рассказ для младшего школьного возраста в авторизованном переводе Светланы Кокоревой.

MAXIMILIAN